

*Даже на самую крупную тень
может найтись тень покрупнее*

ТЕНЬ ЛЖАНИТ

АНА ЛЕМ

18+

Ана Лем

Тень Лианет

«Автор»

2026

Лем А.

Тень Лианет / А. Лем — «Автор», 2026

Конец ХХІ века. После катастрофы, известной как Кровавая Пыль, большая часть планеты ушла под воду, а выжившие остались заперты на единственном уцелевшем континенте среди зараженных монстров и руин Старого мира. Чтобы человечество выстояло, люди создали военную академию Армори, где бойцов учат убивать зараженных и выживать за пределами городских стен, где любой может стать добычей. Он — Маркус Райс, Теневой командир элитного отряда и живая легенда Армори. Я — Лианет Скай, воровка и контрабандистка, случайно узнавшая его тайну, за которую меньше, что можно сделать — убить его. Но чтобы подобраться к нему, сначала мне придется выжить в Армори и пройти Испытание Мрака. И доказать, что даже на самую опасную Тень может найтись тень покрупнее. Первая книга цикла «Тень Лианет».

© Лем А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	37
Глава 6	42
Глава 7	50
Глава 8	61
Глава 9	66
Глава 10	74
Глава 11	82
Глава 12	86
Глава 13	95
Глава 14	98
Глава 15	103
Глава 16	106
Глава 17	113
Глава 18	119
Глава 19	123
Глава 20	126
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Ана Лем

Тень Лианет

Глава 1

Посвящается женской силе.

К тому моменту, когда эти страницы попадут в чужие руки, я уже исчерпаю свои девять жизней. Оно и к лучшему. Некоторые истории слишком опасны и потому должны пережить своего рассказчика.

Я заметила вспышки.

Между досками забора мигал розовый свет.

Наш тайный сигнал...

Значит, случилось нечто важное!

Я загнула уголок потрепанного журнала на странице о лечебных травах и соскользнула с подоконника. Стряхнув с ног онемение, подкралась к двери своей комнаты, тихо приоткрыла ее и вышла в тускло освещенный коридор. Пол скрипел от моих шагов на цыпочках.

Только бы не попасться...

Я держалась ближе к стене и чуть не задела высоким хвостом картины с морскими пейзажами. Настоящее море я никогда не видела. В Слоуне не было даже рек и озер, хотя большая часть мира почти полвека назад ушла под воду.

Заглянув за угол, удостоверилась, что Надин по-прежнему занята приготовлением ужина.

Она хлопотала на нашей крошечной кухне со светло-желтыми фасадами. Быстро переходила от доски к миске, от миски к кастрюле, мыла руки и каким-то чудом не мочила длинные рукава коричневого кимоно в крупный цветок.

Вечернее солнце отбрасывало оранжевые блики на ее мягкий профиль.

В молодости Надин была красивой женщиной, и сейчас, почти в шестьдесят, не потеряла привлекательности. Я обожала ее округлые черты лица, янтарные глаза и короткую стрижку из седых кудрей.

Когда ее голова скрылась за желтым абажуром с бахромой, низко висящим над дубовым столом, я юркнула дальше по коридору, мимо кухни и спальни Надин.

Комната матери находилась в самом конце. Как обычно, стоило мне оказаться в опасной близости к ее двери, мое сердце гулко застучало, а дыхание перехватило. Так случалось каждый раз, начиная с шестилетнего возраста. В тот год что-то случилось. Нечто страшное, что навсегда оборвало желание переступить порог спальни матери.

Нервно почесав зудящее запястье, я прислонила ухо к двери и слышала тихие похрапывания.

Отлично, отсыпается после смены или очередного загула. Значит, вряд ли проснется к ужину.

Я покосилась на фотографию, висящую на стене: на ней мы вдвоем сидим на крыльце нашего дома, мне около четырех, я нахожусь между мамой и Надин. Счастливая беззубая улыбка озаряет мое лицо, а руки сжимают подол зеленого платья. На моем левом запястье еще нет красной татуировки в виде тонкой опоясывающей линии. Она не смыкается и появляется только во время сильных эмоций, когда подскакивает пульс.

Никто до сих пор не знает, как под моей кожей появились термочернила. Включая саму меня.

На маме льняное платье, золотисто-русые волосы убраны назад, а темно-карие глаза смотрят с хитринкой. Мы похожи как две капли воды, только выражения наших лиц контрастируют друг с другом. Ее черты выглядят напряженными, тогда как на моих ни следа беспокойства.

Мама познакомилась с Надин двенадцать лет назад, когда была на пятом месяце беременности. Тогда, как и сейчас, она сортировала сырье для лекарств в цеху фармцентра — главного предприятия, обеспечивающего наш город. Часто работала в ночные смены.

Надин Роуз, в то время еще сорокапятилетняя медсестра, работала в городской больнице. Ее сын погиб во время неудачной вылазки за стены Слоуна, и Надин посвятила себя работе, чтобы не сойти с ума от горя.

На пятом месяце беременности мама почувствовала себя плохо на смене. Ее доставили в больницу, где дежурила Надин. Ба быстро поставила диагноз: легкое обезвоживание и стресс. Заметив, как мама боится за меня, Надин задержалась после смены, чтобы поговорить.

Мама тогда сильно плакала и призналась, что не знает, как справиться одной. Мой отец исчез еще до моего рождения, оставив маму в маленькой квартирке на окраине Слоуна, а родители мамы погибли еще в первый год катастрофы, оставив ее годовалой сиротой.

После той встречи Надин стала проверять маму, когда та приходила в больницу на осмотры. Давала советы по питанию, учила, как справляться с усталостью, и даже приносила травяные сборы, чтобы помочь ей со сном.

Когда я родилась, мама столкнулась с новой проблемой: на заводе не было поблажек для матерей, а няни стоили дорого.

Надин, видя, как она изматывается, начала приходить к нам после смен: приносила еду, учила пеленать и иногда оставалась присмотреть за мной.

Сколько себя помню, Надин всегда была рядом: пела мне песни Старого мира и рассказывала сказки о травах, которые спасают жизни. Когда мне было два, она предложила маме переехать в ее небольшой дом, и та согласилась. Мы стали семьей, и спустя два года мама обновила мое удостоверение личности, добавив фамилию Надин в качестве моего второго имени. Так я стала Лианет Роуз Скай.

Из воспоминаний меня вырвала с грохотом упавшая миска или кастрюля. Я оторвалась от фото на стене и проскочила мимо кухни, пока Надин бубнила под нос смешные ругательства.

Я осторожно сняла с крючка ее старую зеленую куртку, пропахшую мятой, и выскочила на улицу через задний ход.

Согнувшись пополам, чтобы меня не было видно в окнах, обежала дом по сухим кленовым листьям, которые, как назло, звонко хрустели под ногами, и нырнула в дыру в заборе. Стоило мне увидеть покосившийся сарай во дворе Ру, как выдох облегчения покинул мою грудь. Отодвинув доску, служившую нам дверью, я с кряхтением забралась внутрь.

— Чего так долго? — с ходу накинулась Скарлетт, с укором глядя на меня в полумраке темно-синими глазами. Ее освещал только тусклый розовый фонарик, висящий под потолком. Скарлетт сидела в объемной куртке цвета хаки, а две рыжие растрепанные косички хаотично лежали на капюшоне из овчины.

— Пришлось незаметно сбежать через дверь, мать же заблокировала мне окно после того раза, — я запахнула куртку и удобнее уселась на потертом ковре.

Взгляд Скарлетт смягчился.

Она знала, чем закончилась последняя вылазка в наше секретное Убежище через окно — мать отстегала меня ремнем по спине. Следы до сих пор не до конца зажили и продолжали зудеть.

— Лиа, мы тут такое нашли! — не заметив наших переглядок, взволнованно прошептала Ру, обведя нас сияющими серыми глазами. Ее длинные пшеничные волосы были убраны в

пучок. Поджав ноги, она расстегнула светлую куртку и достала из внутреннего кармана что-то маленькое.

— Смотри! — Ру показала толстую монету с выгравированным символом глаза.

Я покрутила ее и не нашла ничего интересного.

— Ну, монета, и что?

— В смысле что?! — Скарлетт привстала от возмущения и выхватила находку. — Это не монета, а медальон Тени! — яростно бросила она, выразительно посмотрев на Ру. — Скажи ей!

Ру перестала кусать губу, кивнула и посмотрела на меня.

— Помнишь, я рассказывала про сигнал, который используют, чтобы защищаться от зараженных?

— И вы думаете, что... — я покосилась на Скарлетт.

— Это тот самый медальон, который призывает Тень!

— Это же глупая легенда, — буркнула я, оглядывая их. — Теневые бойцы не владеют никакой магией, это байки, в которые верит малышня!

— Давай проверим? — заныла Скарлетт. — Вдруг правда?

Я снова взяла вещицу и поднесла ближе к фонарю под потолком. На моей ладони засветилось расплывчатое розовое сердечко.

— Что означает W? — спросила я, заметив под глазом криво нацарапанную букву.

— Не знаю, — пожала плечами Скарлетт и стала привычно давить: — Ну так что, ты в деле?

Я не успела ответить, потому что Ру тихо пропищала:

— Вы не против, что я позвала Дэнни?

— Плевать, — Скарлетт небрежно пожала плечами. — Если хочет, пусть участвует.

Она вдруг посмотрела на меня, и я уже догадывалась, что она скажет.

— Можем попросить его позвать Л...

— Нет! — воскликнула я. — С ума сошла? Мы не будем втягивать *его* в наши тупые затеи!

Тяжело вздохнув, я резко сменила тему:

— Зачем вообще вызывать Тень?

— Чтобы я рассказала, что поступлю в Армори через несколько лет! — в конце голос Скарлетт дрогнул от сдерживаемого восторга. — У меня есть тысяча вопросов...

Опять она за свое.

Я бросила взгляд за ее голову, разглядывая рисунки, приколотые к подгнившей стене: Скарлетт сражается с зараженными, Скарлетт в черной форме с круглой нашивкой Тени на плече, Скарлетт на горе с клинками в руках, а внизу — серые трупы тварей с высунутыми красными языками.

Лет с семи она рисовала одно и то же: заветную мечту — попасть в военную академию Армори, что находилась в городе Айронхóлд, чтобы получить высший грейд Тени и сразаться с зараженными за периметром.

Еще сорок два года назад никто даже помыслить не мог, что у детей могут появиться подобные мечты. Это было до того, как в середине двадцать первого века на мир обрушилась экокатастрофа «Кровавая Пыль».

В 2052 году группа ученых запустила амбициозный проект по борьбе с глобальным потеплением: в стратосферу распылили наночастицы, призванные отражать солнечный свет и охлаждать планету.

Однако эти частицы, созданные на основе редкого минерала из глубоководных шахт, содержали неизвестный мутаген, который активировался под воздействием ультрафиолета.

Мутаген, прозванный «Кровавой Пылью» из-за красного цвета, спровоцировал атмосферный коллапс: ледники начали ускоренно таять, а чудовищные алые ливни обрушились на

Землю. Мир несколько лет тонул под непрерывными штормами, и в итоге большинство пригодной для жизни суши исчезло. Наш Континент оказался самым геологически устойчивым.

Люди со всего мира пытались добраться до нашего материка, чтобы спастись, но не успели. Самолеты не могли преодолеть Пыльные бури, образовавшиеся в слоях атмосферы, корабли не справлялись с штормовыми поясами и нестабильными течениями. Спустя год, когда океаны успокоились, люди отправились в морские экспедиции, чтобы отыскать своих близких, но все безуспешно — корабли пропадали без вести.

И когда казалось, что самое страшное позади, на единственном выжившем Континенте начались сильнейшие Кровавые бури.

Пыль спустилась с небес и снесла огромное количество домов и деревьев, повредила автомобили. Люди, не успевшие спрятаться в укрытиях, погибли от физического воздействия стихии. Другие же — стали жертвами страшной мутации в организме, которая привела к физическим и психическим отклонениям, сделавшим их агрессивными.

Их зовут зараженными.

Были также счастливики, которые вдыхали Пыль на улице, но не заразились. Позже выяснилось, что некоторые люди обладают иммунитетом, который спас их в первую волну катастрофы. Сейчас, спустя почти полвека после падения Старого мира, Пыль от зараженных опасна для всех людей без исключения. Та Пыль, что еще осталась на некоторых территориях в воздухе или воде, — безвредна. Она практически сразу потеряла свои поражающие свойства.

Сейчас риск несла лишь Пыль, которая модифицировалась в живом организме и попала в кровь, слюну или легкие человека, если дело касалось зараженных Пыльников, источавших Пыль даже при повреждении их хрупкой кожи.

Оторвавшись от рисунка человека с красными глазами в окружении алого облака, я спросила:

— В городе иногда встречаются Теневые бойцы, что мешает тебе подойти к ним и поговорить напрямую, зачем пытаться вызывать кого-то?

— Потому что так нельзя! — вскинулась она. — Никто не разговаривает с Тенями!

Скарлетт была права.

Если на Мрачных бойцов люди смотрели с любопытством и уважением, иногда граничащим с нездоровым благоговением, то при виде Теневых большинство опускали глаза. Их подавляющая энергетика давила к земле, хотя никаких магических способностей у них, конечно же, не было. По крайней мере, я в это точно не верила.

Про Теней ходили жуткие слухи об их нечеловеческих способностях. Говорили, что они быстрее обычных людей, значительно сильнее, могут «видеть» затылком, что бы это ни значило, и даже быть абсолютно незаметными, если им это необходимо.

Сказками про могущественных Теней пугали непослушных детей, которые не хотели вовремя ложиться спать. Легенды о них я узнала уже в школе, когда познакомилась со Скарлетт, потому что мне дома никто никогда про Теней не рассказывал — ни хорошего, ни плохого.

При этом я ни разу не видела, чтобы Теневые делали что-то ужасное. Обычно они выглядели так, будто им было плевать на людей. Их глаза всегда смотрели сквозь нас, словно не считая нас сколько-нибудь интересными или значимыми.

И при этом одно оставалось неизменным: всех, кто встречался с Тенью, объединяло общее чувство — страх. Он нависал гильотиной над шеей каждого, кто осмеливался задержать свой взгляд на безупречной черной форме.

Почесав бровь, я продолжила:

— Если с Тенями нельзя разговаривать, то как ты собираешься...

— Если мы вернем Теневому бойцу утерянный медальон, это будет хорошей причиной наладить контакт. Думаю, он пойдет навстречу.

— С чего ты взяла, что это будет «он»?

— Ну, или она. Неважно, — отмахнулась Скарлетт.

Я посмотрела на Ру.

— И ты, что же, хочешь в этом участвовать?

— Ну... — замялась она и неопределенно пожала плечами.

Если Скарлетт уговорила на сомнительную авантюру даже тихоню Ру, то что оставалось мне?

Я тяжело вздохнула и покосилась на стену рядом с собой, водя большим пальцем по гравировке глаза на медальоне.

На пожелтевших альбомных листах красовались девушки в стильных платьях, рядом висели электрические гирлянды со звездами и сердечками.

Это была стена Ру.

Будучи самой младшей в многодетной семье, она мечтала создавать роскошные наряды для модниц Ластхевена — самого прогрессивного города на Континенте, и тем самым зарабатывать деньги, чтобы помогать родителям содержать семью.

Моих рисунков в убежище не было, ведь никто, ни одна живая душа не должна увидеть, что хранят в себе мои скетчбуки. Коробка со стопкой постыдных изображений была надежно спрятана под кроватью.

Надин однажды заметила пару рисунков в моей комнате, которые я не успела убрать, и я думала — умру от позора.

Если это повторится, я не переживу!

Нас прервал глухой стук.

Вздвигнув, мы с девочками посмотрели друг на друга, а я чуть не выронила медальон.

— Наверное, это Дэнни! — взбудораженно прошептала Ру.

Забрав серебряную монетку из моих рук, Скарлетт повисла на наших плечах, после чего приоткрыла доску на дюйм и прислонила лицо к щели.

— Кто?

— Я.

— Кто «я»? — строгим голосом уточнила Скарлетт.

Послышалась возня, Дэнни, шурша одеждой, присел на корточки и наклонился к отверстию.

В сарай прорвался его насмешливый шепот:

— Скарлетт, брось!

— Назовись! — еще более непререкаемым тоном рявкнула она.

— Ох, боже, — Дэнни прочистил горло и серьезно произнес: — Дэниел Томс.

Только после этого Скарлетт полностью перелезла через нас, больно задев меня ботинком.

— Черт, осторожней!

— Лиа! — Ру посмотрела с упреком.

— Прости!

Я часто забывала, как она не любила бранные словечки, которых ей и дома хватало от старших братьев.

— Может, впустим его? — тихо спросила она у меня.

Скарлетт остановилась и с укором взглянула на нее, затем ее бледная рука в веснушках ткнула в выцветший плакат на стене рядом с моей головой — «Мальчикам вход запрещен!». Она нарисовала его несколько лет назад.

— Может, сделаем исключение? — не унималась Ру.

— Никаких исключений!

Скарлетт вылезла наружу.

Мы с Ру смешливо переглянулись и последовали за ней.

— Привет, девчонки! — окинул нас взглядом Дэнни, задержавшись на мне.

— Привет, Дэнни! — сказала Ру, споткнувшись о собственные ноги, пока выбиралась из убежища.

Даже в сумерках было видно, как ее щеки покраснели.

Дэнни нравился многим, в том числе Ру. Он был воплощением принца из сказки. Светлые волосы кудрями обрамляли его приятное лицо. Прямые русые брови нависали над глубоко посаженными голубыми, почти прозрачными глазами. Дэнни был на целую голову выше всех нас. А еще был очень добрым. Он никогда не злился и не вел себя как некоторые уроды в школе.

Заметив приподнятый овчинный ворот его утепленной джинсовки, я тоже плотнее запахнула куртку, прошла в угол участка Ру и судорожно оглядела через забор наш светлый одноэтажный дом.

На небольшом крыльце под черепичной крышей пела музыка ветра, которую нам поведала Безумная Гретта — странноватая подруга Надин. Сказала, что это отгоняет злых духов.

В окне матери по-прежнему не горел свет.

Главный злой дух этого дома еще спал. Это хорошо. Значит, талисман работал.

Приложив усилия, чтобы не почесать внезапно зазудевшую спину, я вернулась к друзьям и встретила прямой взгляд Скарлетт. Она приподняла тонкие брови, безмолвно интересуясь обстановкой.

— Спит, — кивнула я и заметила, как напряжение покинуло ее плечи.

Наконец настало время удостоить вниманием Дэнни. Я наклонила голову набок и с укором посмотрела на него:

— Ты же не веришь в эту чушь с легендой?

— Почему ты никогда ни во что не веришь! — вскинулась Скарлетт. — Хватит портить приключения!

Я подняла руки в защитном жесте:

— Замолкаю, прости!

Взгляд Дэнни перескакивал с меня на Скарлетт.

Вытащив из кармана сложенный лист, он начал его разворачивать.

— У меня для вас кое-что есть.

В сгущающихся сумерках было трудно разглядеть, что было написано на бумаге.

— Подождите, принесу фонарь! — Ру полезла обратно в Убежище.

— Почему мы не можем просто зайти туда все вместе? — в очередной раз спросил Дэнни, зная, как это раздражает Скарлетт.

— Потому что мальчикам вход запрещен!

Насладившись ожидаемой реакцией, Дэнни не сдержал ухмылку:

— Когда-нибудь я проберусь в ваш сарай и узнаю, чем вы там все время занимаетесь.

— Только попробуй, Томс! — Скарлетт приблизилась и ткнула ему пальцем в грудь. — И это не сарай, а тайное Убежище!

— Брось, я пошутил! — Дэнни отмахнулся от ее пальца.

Вечно они так.

Скарлетт вообще никто не нравился, кроме меня и Ру.

— Вот, — выбравшись из Убежища, Ру показала маленький фонарик размером с палец. На земле между нами засветилось розовое сердце, и Дэнни выразительно посмотрел в светлые глаза Ру.

— Только такой был! — Она пожала плечами, тушуясь под его взглядом.

— Ладно, — встряхнув светлыми волосами, Дэнни расправил под розовым светом большой лист. — Это карта подземных тоннелей Слоуна.

Он буквально искрился возбуждением, обводя нас глазами.

— Гонишь! Где ты ее нашел? — обомлела Скарлетт.

— В старых бумагах отца, в гараже.

— Откуда она у него?

— Без понятия.

— Что мы будем с ней делать? — тихо спросила Ру, глядя на каждого. Когда ее глаза встретились с Дэнни, она смущенно порозовела, точно как фонарик в ее руках, и быстро опустила взгляд на карту.

— Я думаю, мы можем выйти за стену, — заговорщически ответил Дэнни, и между ними воцарилась тишина, прерываемая шелестом кленов. — Что, страшно? — надменно фыркнул он.

Иногда, но только иногда, он вел себя как типичный мальчишка.

— Ничего подобного, — небрежно отозвалась Скарлетт.

Ру и я продолжили молчать.

Дэнни стал серьезным, заметив мой типичный жест тревоги: я запустила пальцы в длинный рукав куртки Надин и растирала тонкий красноватый браслет, проявившийся на моей коже.

— Если не хотите выходить за стену, можем попробовать в тоннеле испытать сигнал медальона...

— Тупица, под землей никакие сигналы не работают!

— Скарлетт! Прекращай! — не выдержала я, сжав запястье до боли, и та поджала губы.

— Не надо, я привык, — Дэнни мазнул по Скарлетт недовольным взглядом и продолжил:

— Если легенда про «Зов Тени» правдива, то магический сигнал должен работать где угодно, даже под землей.

— Он прав, — Ру переложила фонарик в другую руку, — легенда гласит, что Тень можно призвать откуда угодно, она всеильна и услышит зовущего из любой точки.

— Так, стоп! Почему мы вообще это обсуждаем? — задохнулась я. — Мы не пойдем за стену! И ни в какие тоннели! И вообще, — я посмотрела на Дэнни, указав на бумагу в его руках, — это даже хранить опасно! У нас могут быть огромные проблемы, если безопасники узнают о карте! Я уже не говорю о том, чтобы отправиться под землю в поисках приключений на задницу!

Скарлетт и Дэнни уставились на меня как на главного кайфолома.

Переводя взгляд с одного на другого, я пыталась найти отклик понимания. Устало вздохнув, я разочарованно протянула:

— Ладно. Когда отправляемся?

На лицах друзей расцвели улыбки, они красноречиво переглянулись между собой.

— Недалеко отсюда есть место, где может быть вход в тоннели, — сказал Дэнни, убирая карту в рюкзак. — Сбор завтра в пять у сарая.

— Это не сарай! — снова возмутилась Скарлетт.

В другой раз я бы прикусила щеки, чтобы не рассмеяться, но сейчас была слишком взволнована предстоящим походом под землю, поэтому только тяжело выдохнула и принялась ковырять заусенец на большом пальце.

Дэнни ободряюще улыбнулся мне и Ру.

Я не ответила на улыбку.

У меня было очень плохое предчувствие...

Глава 2

В отличие от Скарлетт, меня никогда не тянуло в другие города. В Слоуне я чувствовала себя на своем месте: здесь было безопасно и все казалось понятным. Я планировала стать медсестрой, как ба, и приносить пользу обществу, поэтому зачитывалась старыми медицинскими книгами и журналами, пересказывая их Надин. Она часто останавливала меня и объясняла, какая информация устарела и что теперь делают по-другому.

Новые книги издавались только в электронном виде, и получить их было непросто. Когда Надин удавалось взять на время у Гретты планшет, она загружала мне в больнице все последние статьи и новые публикации из научного мира.

Спутниковый интернет сохранился только на основных предприятиях городов: школах, больницах, научных центрах. Доступ к нему был у ограниченного числа лиц — в основном у руководителей, поэтому, можно сказать, Надин немного нарушала правила ради меня.

Часто у меня было всего два-три дня, чтобы успеть прочитать все, ведь планшет нужен был Гретте для работы: в нем она вела учет своего бизнеса — овощного магазина. Поэтому я сидела над экраном и днем, и ночью, впитывая полезные знания.

Я никогда не рассматривала другой путь.

Работа в больнице казалась мне самой важной из всех, тем более что Дэнни собирался стать ученым, который положит конец распространению Кровавой Пыли. Он хотел спасти мир, а я — помогать людям. По сути, мы мечтали об одном и том же, только в разных масштабах.

Когда удавалось получить статьи о Кровавой Пыли, я тут же бежала к нему, и мы читали их вместе, а после бурно обсуждали. Вот и сегодня, жадно проглотив новые данные из Ластхевена, мне не терпелось поделиться ими.

— Львенок, еда остынет, — с укором сказала Надин.

Оказывается, все это время я сидела с застывшей вилкой в руке, пялясь в планшет.

— В лабораториях Ластхевена изобрели состав, который может помочь в борьбе с зараженными. Ты что-то слышала об этом? — спросила я, накаливая спаржу и отправляя ее в рот.

— Нет, — Надин положила мне дополнительную порцию салата.

Вечно она так делала — под шумок закидывала мне в тарелку еду, думая, что я не замечаю. А я и правда в очередной раз сделала вид, будто ничего не произошло.

— В общем, — я отложила вилку, — сделали усовершенствованный маскировочный состав, который люди наносят на кожу и волосы. Он имитирует химический «след» Пыли, из-за чего зараженные воспринимают человека как одного из своих. И ты просто не поверишь, что добавляют в состав...

— Ешь! — напомнила Надин, указав своей вилкой на мою.

— Да ем я, ем, — буркнула я, воткнув зубцы в морковь, и продолжила: — Размолотые в порошок кости зараженных!

Надин громко закашлялась. Я бросила вилку с характерным «дзынь» и похлопала ее по спине, пока она не пришла в себя.

— Зачем ты о таком читаешь? — прочистила горло Надин. — Эта информация не пригодится тебе для работы в больнице.

— Просто интересно, да и полезно быть готовой, если когда-нибудь столкнусь с зараженным.

— Этого не случится, — резким тоном отрезала она. — Стены Слоуна крепки. За сорок лет существования города не случилось ни одного прорыва периметра. Мистер Браун этого не допустит.

— Наверное но ведь всякое может быть, — задумчиво произнесла я.

— Как у вас дела со Скарлетт? — ловко перевела тему она.

Я отложила планшет, решив, что желаемую реакцию восторга получу от Дэнни.

— Хорошо, но я почти ее не вижу, она постоянно зависает на своей боевой секции.

— А с Лиамом видите?

Я не донесла вилку до рта, услышав имя, от которого сердце всякий раз пускалось вскачь. Стараясь не выдать своего волнения, я небрежно произнесла:

— Ну, видимся в школе... Иногда. Редко, в смысле. Между уроками... Ничего такого, — я уставилась в тарелку, не желая продолжать этот разговор.

Мои щеки горели, как в тот раз, когда Надин случайно увидела на моей кровати десяток рисунков с зеленоглазым парнем, на которых было сотни раз написано: Лиам, Лиам, Лиам. И обязательное сердечко после каждого аккуратно выведенного имени.

Какой позор!

— Вообще, мне пора, — вскочила я, забирая тарелку, чтобы положить в раковину.

— Ты куда это? — Надин с недоумением наблюдала, как я стремительно мою посуду.

— Гулять со Скарлетт, Ру... и Дэнни, — я протерла тарелку полотенцем и поставила возле раковины, после чего пролетела мимо Надин, чмокнув ее в щеку: — Я пошла, спасибо за ужин! Люблю тебя!

— Не задерживайся, мама скоро придет! — успела крикнуть Надин, прежде чем я схватила куртку и за мной захлопнулась дверь.

В Убежище я пришла первой. Села на подушку и убрала волосы в узел на затылке, пока руки сотрясала мелкая дрожь. Чтобы чем-то занять себя, открыла рюкзак, который принесла сюда еще днем, и повторно проверила содержимое: два фонаря — побольше и поменьше, кухонный нож, молоток, веревка, пачка печенья, бутылка воды и зажигалка. Удостоверившись, что все на месте, закрыла ярко-желтый рюкзак и отбросила его в угол. Затем подтянула гетры под резиновыми сапогами, поправила ворот бежевого свитера под самое горло и застегнула на клепки свою старую коричневую парку, потому что стало прохладно.

Меня немного подташнивало от волнения. Конечно, я знала, что никакую Тень нам не удастся вызвать, но идти в подземные тоннели, где наверняка темно, совсем не хотелось.

Я дернулась, когда сверху послышались первые капли дождя, и уже через минуту на крышу убежища обрушился сильный ливень.

Очень вовремя.

Может, ребята не захотят куда-то идти в такую погоду?

На улице мигом стало серо и пасмурно, и я решила включить гирлянду из звездочек на батарейках, чтобы рассеять мглу.

Так, под звуки барабанищего по крыше дождя и моего паникующего сердца, я принялась ждать друзей для самого глупого приключения, которое только могла себе представить.

Ровно в пять по сараю постучали три раза: первые два раза быстро, третий с паузой. Я взяла рюкзак и вышла из убежища. К моему глубокому сожалению, дождь почти закончился, оставив после себя лишь противную морось.

Скарлетт стояла в своей зеленой парке с овчиной и брюках карго. На голове был натянут капюшон, из-под которого выглядывали рыжие локоны, выбившиеся из кос. В глазах горела решительность.

Я закинула рюкзак на одно плечо и перевела взгляд на Ру. Она была в утепленном плаще с капюшоном серого цвета, доходившем ей почти до пят. Наверняка достался ей от старших братьев.

Дэнни сидел на корточках поодаль от девочек, ковыряясь в рюкзаке. Он был в своей неизменной джинсовой куртке и... голубой кепке, надетой задом наперед.

— Новый стиль? — бросила я, оглядев его голову.

— Что, плохо? — Дэнни засуетился из-за моего вопроса и стал нервно тереть козырек.

— Да нет, — пожав плечами, сказала я, еще раз пристально оглядев его кепку, и встала рядом с подругами.

Когда он опустил голову, мы со Скарлетт красноречиво переглянулись. На прошлой неделе Лиам пришел в школу в похожей кепке. Они с Дэнни учились в одном классе, но практически не общались.

— Нашел! — Дэнни достал карту в пластиковом файле и подошел к нам. — Ну что, готовы?

Девочки заулыбались и вдохновенно кивнули. Я же безучастно посмотрела на Дэнни, отчего его улыбка сразу сошла на нет. Он вмиг стал серьезным.

— Итак, вот наш план! Самый ближайший вход в тоннель находится здесь, — он ткнул в одну из точек на карте, — это заброшенный сад за больницей.

Черт. Именно там, где работает Надин, и где мне никак нельзя попасться, шастая в подземельях.

— Когда мы выйдем за стену...

Я выразительно посмотрела на него.

— Это крайний вариант, если сигнал все-таки не сработает в тоннеле, — поспешил исправиться он. — Вы взяли какое-нибудь оружие на всякий случай?

Я кивнула, Ру покачала головой, а Скарлетт выдала:

— Я занимаюсь муай-тай, я сама оружие!

Дэнни нервно поправил кепку и спросил у меня:

— Что у тебя?

— Нож.

— У меня тоже, — кивнул он. — Надеюсь, не пригодятся.

— Может, не пойдем? — вдруг пискнула Ру.

Это были первые слова, которые она произнесла сегодня. Я хотела поддержать ее и уже открыла рот, когда Скарлетт закатила глаза и простонала:

— Ну, начинается!

— Ничего, ничего, — вмешался Дэнни. — Ты можешь не идти, Ру, все нормально.

Все выжидательно уставились на нее.

Я видела сомнение в ее бегающих глазах и понимала ее, как никто другой. Каждая мысль, словно громкий удар молота о наковальню, вызвала дрожь в моем теле: что, если нас поймают безопасники? Что, если мы встретим кого-то в тоннелях? Что, если за стеной нас сожрут зараженные?

Да, территории вокруг пяти городов, единственных выживших на Континенте, ежедневно патрулируют и зачищают бойцы Армори, но это не значило, что угроза миновала. Невозможно следить за всеми тварями в округе.

— Я пойду, — тонким, но твердым голосочком отозвалась Ру, выдергивая меня из тревожных размышлений.

— Тогда выдвигаемся, — кивнул Дэнни.

Наши дома находились всего в двадцати минутах ходьбы от фармцентра, рядом с закрытой территорией которого стояла больница. Втянув головы в шеи, мы шли через тонуший в осени город. Сахарные клены стояли вдоль улиц плотной стеной, их отяжелевшие от влаги листья потемнели до ржаво-красного цвета и лениво падали нам под ноги, превращаясь в скользкую кашу.

В воздухе смешивались запахи сырой земли, прелых листьев и древесно-сладковатый аромат кленового сиропа, который варили на небольшой фабрике недалеко от фармцентра. Но над всем этим все равно висел стерильный, чуть горьковатый запах лекарств — то было дыхание фармцентра, от которого город никогда не мог избавиться.

Я опустила голову еще ниже, когда мы проходили по небольшой торговой улице, где ярче всех горела вывеска овощного магазина Безумной Гретты. Оранжево-белый навес сейчас был натянут над деревянными лотками, а сама хозяйка магазина скрывалась за стеклянной витриной, кутаясь в ярко-желтое кимоно с пестрыми цветами и задумчиво перетасовывая карты Таро. Рыжие волосы с внушительной сединой, по своему обыкновению, были убраны в двухэтажную прическу с торчащими перьями. Гретта всегда выглядела немного безумно, за что и получила свое прозвище, на которое нисколько не обижалась.

Я проскользнула мимо ее магазина, словно тень.

К слову, по дороге мы не встретили ни одного Теневого или Мрачного бойца, поскольку они в эту часть города редко заходили. В основном они жили у южных и восточных ворот города.

Когда я увидела белое здание больницы, у меня затряслись ноги. Я специально не смотрела налево — за высокий забор с колючей проволокой, где длинной цепочкой тянулись цеха фармсклада, в одном из которых работала мать. Если она увидит меня здесь, шастающую с кухонным ножом за спиной, мне конец.

Уже подходя к саду на заднем дворе, Скарлетт прилипла к моему плечу и спросила:

— Что у тебя в рюкзаке? Он же сейчас лопнет!

— Самое необходимое — нож, фонарики, зажигалка... И пачка печенья, — я хитро поиграла бровями.

Глаза Скарлетт загорелись.

— То самое, с шоколадной крошкой?

— Да.

— Улет! — Скарлетт схватила меня за локоть и слегка встряхнула. — Не думала, что эта вылазка может быть еще круче!

Да уж, очень круто лезть под землю и вызывать Теневых...

Я вмиг надела на лицо улыбку и положила руку на предплечье Скарлетт:

— Я рада, что тебе весело!

— Девчонки! — окликнул нас Дэнни, идущий впереди рядом с Ру.

Мы отпустили руки и принялись его слушать с серьезными лицами.

— Тоннель замаскирован, я думаю, нужно искать вход в зарослях, — он указал на густые кустарники вдоль металлической ограды.

Я внутренне содрогнулась. Это был не просто заброшенный сад, а самый настоящий жуткий лес, как в моем любимом романе с оборотнями. Между деревьями и кустами не было ни единого просвета: бордовые и темно-желтые листья сливались в густые непроглядные пятна, а стволы выглядели как скрюченные ручища великанов. Дополняли мрачную картину острые черные пики ограды, которые на фоне темно-серого неба выглядели особенно устрашающе.

Я смахнула капли дождя с носа и повернулась к ребятам. У всех было примерно одинаковое лицо: застывшая в ужасе маска.

— Чего встали? Вперед, — напустив уверенности в свой голос, произнесла я.

Друзья вышли из ступора и молча отправились за мной.

— Тут нихрена нет! — ругалась Скарлетт, пробираясь ко мне между колючими кустами. — Твою мать! Сраная...

Я ударила палкой по толстой лозе, стиснув зубы и проглотив очередное проклятье.

Ну зачем я потащила сюда...

Мы ползали в этих стремных кустах минут сорок. Я промокла насквозь и устала как черт.

— Нашла! — воскликнула Ру.

Святые угодники, наконец-то!

— Пойдем, — швырнув палку в сторону, кивнула я Скарлетт, и мы отправились на голос подруги.

Выйдя из кустов, мы начали снимать колючки с одежды и волос: мой пучок превратился в гнездо, а косы Скарлетт висели двумя сырыми тряпками.

— Вот здесь! — указала Ру, и мы стали разглядывать еле заметный металлический люк, поросший мхом и заваленный опавшими листьями.

— Да, похоже на вход.

Я вздрогнула, когда Дэнни бросил эти слова прямо у моего уха, наклонившись между мной и Скарлетт, сосредоточенно изучая люк. Сделав шаг вперед, тем самым увеличив дистанцию, я произнесла:

— Давайте очистим от мха и листьев и попробуем поднять.

На все про все ушло не больше пяти минут. Мы встали с разных сторон люка по парам — Ру и Скарлетт с одной, я и Дэнни с другой.

— На счет три! — скомандовал он. — Раз, два...

На третий счет мы вместе подняли крышку и отбросили ее вбок.

Должно быть, это выглядело как кадр из фильма ужасов: дождливый вечер, четыре подростка стоят в густых зарослях и смотрят в зияющую черноту, из которой доносятся запах сырости и отдаленные звуки капающей воды.

Отмерев первая, я достала из рюкзака большой фонарь и посветила вниз.

— Тут лестница. — Наклонившись, Дэнни нащупал перекладину. — Вроде крепкая. Я спускаюсь первым, затем Ру, потом Скарлетт и Лиа.

— Лиа последняя, потому что ты за нее боишься? — подколола Скарлетт. Ее губы растянулись в хитрой улыбке.

Дэнни посмотрел на меня и зарделся.

— Н-ничего подобного, хотите, можете сами придумать порядок спуска...

— Меня все устраивает! — пискнула Ру, обнимая себя дрожащими руками.

— Дэнни, иди первым, я последняя, — надев капюшон, бросила я давно отработанным, невозмутимым тоном, понимая, что сейчас мне совсем ни до его чувств, ни до своих. Они вдруг прекратили свое существование или попросту онемели от страха, что я перестала ощущать их присутствие.

— Хорошо, только ни звука, спускаемся тихо.

Когда рыжая макушка Скарлетт исчезла в темноте, вокруг стало зловеще тихо. Я убрала большой фонарь в рюкзак, вместо него вытащила маленький и повесила его за петлю на запястье. Оглядевшись по сторонам и проверив, что никого нет, я пробурчала себе под нос «ты сможешь» и опустилась на корточки к кромке пустоты.

Лестница была скользкой, бетонные стены давили все сильнее, когда я шаг за шагом спускалась вниз. Сердце стучало где-то в районе горла, а паника захлестывала, потому что лестница казалась бесконечной.

Эта. Сраная. Лестница. Не кончалась.

Когда я уже была готова окликнуть ребят, кто-то схватил меня за талию. Я застыла, готовая разразиться криком.

— Это я, — прошептал Дэнни, заставив меня мгновенно расслабиться и ступить в холодную воду, доходящую до щиколоток резиновых сапог.

Я отпустила металлические прутья, Дэнни убрал руки, и мне показалось — но только показалось, — что он сделал это нехотя и как-то медленно.

Повернувшись, я тут же получила лучом фонаря прямо в лицо и зажмурилась.

— Прости, — пропищала Ру и опустила свет в пол.

Внизу было душно, поэтому я отодвинула прилипший ворот свитера и расстегнула мокрую парку. Ребята последовали моему примеру.

Переглянувшись и еще раз удостоверившись, что никто не передумал, мы пошли вглубь тоннеля. Я и Дэнни шагали впереди. Наши фонари освещали бесконечные бетонные коридоры

с налетом плесени. На стенах виднелись также следы старой краски, похожие на силуэты людей. Кроме эха наших шагов и капающей воды ничего не было слышно. Ощущение, что это не мы шагаем по тоннелю, а это он медленно втягивает нас в себя, не покидало меня. Я ненавидела темноту. Чтобы успокоиться, я считала про себя шаги: сто тридцать шесть, сто тридцать семь, сто тридцать восемь...

Пройдя еще столько же шагов, мой фонарик неожиданно замигал, создавая эффект движущихся теней.

Да ну серьезно?..

Клише за клише.

Я стукнула по корпусу, и фонарь заработал нормально.

Сколько еще мы будем идти?

Я боялась задать этот вопрос напряженному Дэнни.

— Эй, — вдруг зашептала мне в ухо Скарлетт, отчего я вздрогнула. — Ру клянется, что видела, как тень на стене посмотрела на нее.

Я обернулась. В глазах оцепеневшей Ру стояли слезы.

Ну вот. Я знала, что так будет!

Я тут же подошла к ней впритык и прошептала:

— Ру, не бойся. Тебе показалось — это всего лишь игра теней.

Она кивнула, и я спросила:

— Хочешь, вернемся?

— Нет, нет, пойдемте дальше, — тихо всхлипнула она.

Я достала бутылку воды и протянула ей.

— Если что, я рядом, — пройдя вперед, я обернулась и еще раз посмотрела в ее глаза, выражая немую поддержку.

Тысяча двести восемьдесят три, тысяча двести восемьдесят четыре, тысяча двести восемьдесят пять...

Мы вышли к развилке, которая расходилась на четыре тоннеля.

— Дальше не пойдем, — сказал Дэнни, и я готова поклясться, что услышала тройной выдох облегчения.

Сев на корточки, он достал медальон из рюкзака и передал его Скарлетт, у которой так затряслись руки, когда она взяла его, что чуть не выронила украшение.

— Что такое? — прошептала я, внимательно вглядываясь в ее лицо.

— Мне показалось, что глаз на медальоне моргнул, — с ужасом процедила всегда смелая и уверенная Скарлетт.

И я окончательно осознала провал этого вечера.

Если даже Скарлетт Кавана превратилась из скальной породы в дрожащий кленовый лист, то нам конец.

— Брось, просто так свет упал! — попыталась я поддержать подругу, на что она кивнула, шумно сглотнув, но ладонь с медальоном все же стала держать подальше от себя.

В это время Ру практически прилипла к моему боку, нервно подергивая завязки на капюшоне своего плаща.

Мы одновременно переглянулись с Дэнни, понимая, что мы единственные, кто еще держит себя в руках. Он решительно забрал медальон из рук Скарлетт и указал девочкам в сторону, откуда мы пришли.

— Отойдите туда. Я подойду ближе к развилке и попробую вызвать Тень.

Просить два раза не пришлось: Ру и Скарлетт мгновенно ринулись назад.

— Хочешь, пойду с тобой? — шепнула я.

— Не нужно, иди к подругам.

Я видела, что он храбрится, но знала, что ему было так же страшно, как и всем нам.

— Я все-таки пойду, — немного подумав, решила я.

И Дэнни как-то особенно на меня посмотрел.

Я достала нож из рюкзака. Мы вместе подошли к четырем тоннелям, которые во мраке выглядели как гигантские черные норы для не менее гигантских червей. Постояли немного, слушая тишину, которую нарушил голос Дэнни:

— Готова?

— Давай.

Дэнни со всей силы сжал медальон и... ничего не произошло. Мы целую минуту вслушивались в звуки капающей воды и тонкие всхлипы Ру.

— Дай посмотреть. — Я отдала ему нож, а взамен взяла медальон и стиснула его в кулаке, как вдруг... Где-то далеко послышался не то стон, не то шепот.

Звук нарастал, приближаясь. Это было похоже на волнообразный гул.

Неожиданно для себя я схватила Дэнни за руку, не задумываясь, какой потной и липкой была моя ладонь. Рука Дэнни, напротив, встретила меня горячей и сухой кожей. Он уверенно сжал мои пальцы в ответ.

Мой фонарик, все это время висевший на руке, снова заморгал, а гул все приближался и приближался.

Напряжение стучало в висках, раздавливая меня в лепешку.

Тени от мигающего фонаря снова заплесали в темноте, и Ру завизжала.

Мы с Дэнни резко обернулись, расцепив руки, и увидели, как Ру помчалась назад к выходу.

Быть тихими больше не было смысла, поэтому Скарлетт со словами «твою мать!» ринулась за ней.

Мы с Дэнни переглянулись и побежали следом.

Казалось, что стон, разносящийся по тоннелю, становился громче!

Наши шаги стучали в унисон, а фонарь, болтающийся на моей руке, светил как стробоскоп. От этого мельтешения на секунду я потеряла ориентацию и споткнулась о какой-то выступ на земле. К счастью, Дэнни мгновенно подхватил меня под локоть, не давая сбиться с шага.

Подлетев к лестнице, он толкнул меня в спину, красноречиво намекая лезть первой, и я быстро зашевелила руками и ногами, забираясь наверх.

Едва я вылезла на поверхность и вдохнула свежий воздух, как услышала громогласное рыдание. Ру сидела на мокрых листьях и плакала, уткнувшись в ладони. Скарлетт стояла на четвереньках неподалеку от нее, исторгая содержимое желудка.

Ясно. Печенье сегодня отменялось.

Чертыхнувшись, я обернулась проверить, выбрался ли Дэнни на поверхность.

Как только его вторая нога оказалась на жухлой траве, мы, не сговариваясь, схватили тяжелую крышку люка и закрыли проход в это адово местечко. Не успел гулкий шум металла раствориться в зарослях, как я закричала на всех сразу:

— Чтобы я еще хоть раз согласилась на ваши дурацкие предложения!

Ответом мне стало многозначительное молчание.

Даже всхлипы Ру стали беззвучными.

Я приблизилась и подняла ее с земли.

— Давайте убираться отсюда, скоро выйдут патрульные.

Дэнни помог Скарлетт, и мы тихо, как мышки, вышли из сада, не говоря друг другу ни слова. Дождь закончился, на Слоун опускалась темнота. Мы хорошо знали город, поэтому крались по самым пустынным переулкам, стараясь избегать оживленных улиц.

Уже сворачивая на нашу улицу, Ру вдруг произнесла севшим голосом:

— Это был голос Пыли...

Мы, мокрые и вымотанные, уставились на подругу.

— Тот звук... Говорят, что так Пыль пытается общаться, управляя Пыльниками и Люминофорами.

Лица друзей вытянулись, а я начала истерически икать.

— Если это правда... — начал Дэнни, и мы с ним переглянулись.

— ...то мы призывали в тоннели зараженных, — закончила я.

Глава 3

Ребята разошлись по домам, а я села на корточки рядом с Убежищем и принялась тереть влажными салфетками свои резиновые сапоги.

«Приличные люди не ходят в грязной обуви».

Мама часто любила повторять эту фразу. Особенно когда Надин не было дома. И когда эту мысль можно было хорошенько вбить в мою голову. Желательно чем-то тяжелым, если рука наскучивала.

В темноте было непонятно, насколько успешно я справилась с очисткой сапог. Но выбора не было. Пачка опустела. Последнюю салфетку я потратила на лицо и руки, измазанные рыжей ржавчиной.

Нужно сказать девочкам, что нам не мешало бы повесить в Убежище зеркало.

Поднявшись, я вышла из-за сарая и прищурилась от желтого света, льющегося из окон дома Болдуинов.

Я остановилась.

Недалеко от окна стоял длинный старый стол с потертыми краями, над которым с одной стороны склонились три рыжих головы, как яркие огоньки. Братья Ру. Младший — Рами — что-то рассказывал, размахивая вилкой, из-за чего старший брат хохотал, уткнувшись в плечо младшего. Ру сидела между ними, светлая, почти прозрачная рядом с их огненными волосами, и тоже смеялась, зажмурившись, будто не могла остановиться. Миссис Болдуин с выражением укора на лице качала головой, но уголки ее губ предательски дрожали. Мистер Болдуин, рыжий, как и сыновья, что-то сказал, всплеснув руками, и за столом вспыхнула новая волна смеха.

К горлу подступил ком. Тяжело дыша от нахлынувших эмоций, я глядела, как миссис Болдуин гладит Ру по затылку, наклонившись к ней близко-близко. Волосы Ру торчали во все стороны из растрепанного хвоста, но ее маме не было до этого дела.

Она не следила, как Ру сидит.

Чисты ли ее ботинки.

Как Ру выглядела и вела себя за столом.

Неосознанно делая глубокие вдохи и выдохи, я уперлась руками в бока, пытаюсь то ли прокашляться, то ли прорычаться, чтобы только не расплакаться. Немного потопталась на месте, прежде чем наконец забросить рюкзак в Убежище и пойти домой.

Стоило мне открыть входную дверь, свернуть заляпанную парку в комок и затолкать в самую глубину шкафа, как в прихожей зажегся свет.

— Ты где была?

Я закрыла дверцу и повернулась к матери. Она стояла в дверном проеме кухни с маской недовольства на лице. С годами мать все меньше казалась мне красивой. В последнее время она начала активно набирать вес... Нет, она не была толстой, скорее какой-то расплывающейся. Лицо все чаще принимало одутловатый вид, съедая выразительность черт.

— Гуляла с девочками и Дэнни, — я села на пуфик и посмотрела на сапоги.

Все внутри сжалось.

Я оттерла не всю грязь.

— Ходила такой растрепанной?

Дрожащими руками я стянула сапоги и поставила их в обувницу, после чего попыталась пригладить волосы.

— Ты готова к завтрашнему тесту? — не отставала она.

— Да.

Я старалась не смотреть ей в глаза, когда поднялась и попыталась пройти в свою комнату, но она сделала шаг мне наперерез и встала, как вкопанная.

Каждая клетка моего тела вздрогнула и приготовилась к удару.

— Ты что, свинья? — от нее разило виски.

— Почему?

— Сапоги, как у грязной свиньи. Иди мой, — выплюнула она.

Я развернулась, снова взяла свою обувь и пошла в конец коридора. Ржаво-коричневая вода медленно уходила в сток, пока я терла коричневую резину пальцами.

Мать стояла в проходе и следила за каждым действием, заставляя меня все больше нервничать и сжиматься в пружину. Сейчас опять скажет, что я что-то делаю не так.

— Да как ты моешь? — не выдержала она, достала тряпку из шкафчика и швырнула в меня, — вымой нормально!

Я намочила тряпку и продолжила стирать грязь.

— Двенадцать лет, а мозгов так и не появилось.

Я стиснула зубы и продолжила тереть, смаргивая пленку с глаз.

— Вся в папашу, тоже не умел за собой убрать!

«Тогда зачем ты была с ним, раз он такой плохой?» — пронеслось в голове.

Домыв сапоги под материнским прицелом, я понесла их обратно в обувницу, молясь про себя, чтобы она оставила меня в покое.

Мои молитвы не были услышаны. Как, впрочем, и всегда.

— Иди ешь.

С этими словами мать прошла на кухню.

Отказаться было нельзя.

Сев за стол, я вперилась взглядом в прожилки на древесине, моментами подсматривая, как мать яростно грела еду: она резко стучала ложкой по тарелке, пока накладывала что-то из сковороды, потом нервно швырнула ложку в раковину, и та звонко ударилась о кружку:

— Опять никто не помыл! Я вам служанка, что ли?! Вечно никому ничего не надо! — она убрала сковороду в холодильник и так громко хлопнула его дверцей, что горчичное бра над столом закачалось, словно маятник.

Передо мной материализовалась тарелка с тушеными баклажанами и чем-то еще — в общей жиге было не разобрать.

— Но я же не люблю баклажаны, — не успев подумать, ляпнула я, и тут же пожалела об этом.

Мать резко метнулась и вывалила тарелку мне на голову. Я закричала и вскочила, уронив стул. Тарелка с грохотом ударилась об пол, разлетаясь на куски. Овощи не были горячими, но я громко заплакала, пытаюсь стереть с лица склизкую массу, которая застилала глаза. Услышав приближение матери, я попятилась. Из горла вырвался громкий крик — осколок тарелки проткнул ступню.

— Не трогай меня! — Я вскинула руки перед собой, пытаюсь слепо защититься. — Надин!

— Да кто тебя трогает?!

Мать жестко схватила меня за предплечья.

— Надин! — снова заорала я, вырываясь из хватки. Кожу обожгло от полоснувших по ней ногтей.

Не успела я поднять руки и стереть овощи с лица, как мать снова попыталась вцепиться в меня.

— Я просто хочу вытереть!

— Не трогай! — я выбросила руки вперед и случайно толкнула ее. Послышался шум, будто она ударилась о стол. Не успела я распахнуть глаза, чтобы проверить это, как ее кулак уже летел мне в лицо.

— Мелкая тварь!

Выбив весь воздух из легких, удар отшвырнул меня назад, прямиком в многострадальный холодильник. Я вскрикнула, схватившись за лицо и почувствовав под пальцами теплую липкую кровь вперемешку с овощным соусом. Осев на колени, я зажала нос и еще громче завывала, срываясь на откровенную истерику.

— Дочь!? — мать подлетела ко мне, и в ее голос просочилась нотка страха. — Тихо! Тихо! — она попыталась убрать мои руки от лица. — Дай посмотрю... Вставай... Ну же, поднимайся!

Она осторожно потянула меня вверх. Ее обычно прохладные руки сейчас казались обжигающе горячими.

— Нога! — я всхлипнула, и кровь потекла по горлу. Проглотив ее, я начала кашлять и еще сильнее плакать.

Мать быстро наклонилась и беспощадным движением выдернула осколок, отчего я снова громко закричала. Кровь из носа полилась с удвоенной силой.

— Обопрись на меня, — она встала и взяла меня под локоть. Мы заковыляли по коридору, пока я все всхлипывала и не могла разобрать дороги под ногами. Крупные капли крови срывались с локтей и разбивались о паркет. Я даже не чувствовала, с какой силой лился фонтан из носа, все мысли занимала адски пульсирующая боль в ноге.

— Прекрати плакать, нужно остановить кровь!

Наклонив меня над ванной, мать умыла мое лицо холодной водой, намочила полотенце и прижала к носу. Взяв мою руку, она положила ее на полотенце.

— Держи!

Перед глазами все расплывалось.

Раскрыв рот, я пыталась втянуть воздух в легкие, пока зрение, помутневшее после удара, постепенно прояснялось.

Я не сразу заметила, что осталась в ванной одна, пока мать не вернулась с пакетом замороженных овощей, обернутым в полотенце, и не приложила его к моему лицу.

— Дай сюда ногу.

Сказав это, она сама села на корточки и положила мою ступню себе на колени.

— Неглубоко. Все будет нормально, — левой рукой она потянулась к шкафчику и вытащила аптечку. Обработав рану своими изящными руками с красиво выступающими косточками, она крепко обмотала мою ступню бинтом, отчего мне показалось, что у меня от боли ребра вот-вот сложаются внутрь.

— Пока посиди так, пусть кровь остановится, потом помойся и замотай по новой. — Она положила бутылку с дезинфектором и бинт на край раковины.

Я лишь послушно кивнула.

Мы молчали целую вечность. Я сидела на бортике ванны, с подтаявшим пакетом в окочевших руках, по которым стекали красные струйки, расплываясь акварельными разводами. Она стояла напротив, привалившись к закрытой двери. Все это время мы не смотрели друг другу в глаза.

Мама не всегда была такой. Лет до пяти я помню ее лучистой и светлой, как яркое солнце. А после — что-то случилось, будто ее забрала черная туча. Или в нее правда кто-то вселился. Я до сих пор иногда ощущаю щемящую тоску по той мамочке, которая пекла по выходным сладкие и мясные пироги, учила меня ездить на велосипеде и наряжала в платья с пышными оборками, разрешая носить их даже вне праздников.

Тогда она еще была исключительно «мамочка», и никак не «мама» и тем более не «мать».

Я почувствовала что-то неладное, когда мамочка не стала печь пирог на мой шестой день рождения, предпочтя спать до полудня. Надин пришлось срочно купить замороженный пирог с вишней, чтобы успеть к моему пробуждению. По вкусу пирог был совсем не похож на мамин, но я все равно его съела и даже виду не подавала, что обнаружила подмену.

После того дня за пироги взялась Надин, и теперь каждую субботу, без исключений, мы завтракали новым песочным шедевром. Но так было не сразу. Первые пироги у ба выходили откровенно несъедобными: то подгорали, то сахара оказывалось слишком много, то тесто не схватывалось. Но затем у Надин стало получаться даже лучше, чем у мамы. У нее вообще все получалось лучше, чем у мамы. Даже быть мамой.

Сколько моих сладко-соленых слез было пролито по «мамочке» и неудавшимся пирогам. Знала бы я тогда, что еще больше слез будет пролито по «матери», но уже горьких, часто с металлическим привкусом во рту, так и не тратила бы их попусту. Мне хотелось бы больше никогда не плакать из-за нее. Но я не могу. Днем мне часто удается сдерживаться — сегодняшняя ситуация не в счет, — но по ночам плотину прорывает, и неудержимые потоки боли впитывает моя подушка, выслушивая раз за разом один и тот же вопрос: за что она так со мной? Ну за что?

Прочистив горло и проглотив противный медный привкус, я убрала полотенце и проверила, что кровь больше не течет. Мать встала, забрала все из рук и молча вышла.

Стоило двери захлопнуться с той стороны, как что-то невидимое, но невыносимо тяжелое, рухнуло с плеч, а в центре груди расслабилась привычно натянутая пружина.

Выждав немного, я аккуратно встала, стараясь не наступать на травмированную ногу, и посмотрелась в зеркало. Опухшее лицо было в крови, глаза заплывшие, с лопнувшими капиллярами, а на голову будто кто-то наблевал. Разило от меня соответствующе — просто отвратительно. Мне сильно хотелось снова заплакать. Но страх, что кровь опять польется ручьем, оказался сильнее душевных терзаний, поэтому я постаралась успокоиться. Слегка присев, чтобы не наклоняться вперед, я стянула штаны, и на плитку со звоном упал медальон. Я даже не заметила, как в тоннеле машинально положила его в карман. Аккуратно опустившись на корточки, я подняла теплый металл. Глаз Тени смотрел прямо на меня, и я провела по нему окровавленным пальцем — то ли для того, чтобы его закрыть, и он не пялился на меня, то ли, наоборот, хотелось улучшить ему обзор.

Почему-то вспомнился старый детский стишок, который давным-давно бубнила себе под нос Скарлетт:

*Ночь стучится в каждый дом,
Шепчет: спать пора всем в нем,
Пыль вихрится за стеной,
Хочет утащить с собой.
Тень прогонит ее прочь,
Но ты должен ей помочь:
Глазки быстро закрывай
И до десяти считай.
На десятый счет замри
И лежи так до зари.*

Я повторяла строки про себя, пока открывала шкафчик под раковиной и доставала коробку, в которой Надин хранила украшения. Порывшись в ярких камушках, я вытащила то, что искала — тонкую серебряную цепочку с необычным якорным плетением. Она превосходно подошла к медальону.

Сложив украшение на край раковины, я разделась и встала под душ. Баклажаны еще сильнее завоняли. Пришлось невыносимо долго заглушать рвотные позывы, ведь они никак не

хотели вымываться из волос. Закончив, я перевязала ногу, надела пушистый розовый халат и спрятала медальон в глубокий карман.

В коридоре было темно. Я хотела сразу же пойти к себе, но мать выросла передо мной, как высокий черный столб, заставив меня застыть до костей. В полумраке она пробежалась взглядом по моему лицу и уже открыла рот, чтобы что-то сказать, как тишину разорвал звук ключа в замочной скважине.

Запыхавшаяся Надин бросила кожаные перчатки на комод при входе и включила свет.

— Господи! — она схватилась за сердце. — Зачем так пугать?

Надин расстегнула бордовое пальто и стянула с головы такого же цвета берет.

— Вы чего тут?

Вместо ответа я спросила не своим голосом:

— Где ты была?

— Ставила укол Гретте... — она села на пуфик и сняла один сапог. — Ее сосед прискакал сюда... Верещал, как резанный баран... — второй сапог отправился в обувницу. — Оказалось, Гретта сорвала спину, пока таскала ящики с овощами... — Надин с одышкой поднялась.

Мы стояли с мамой бок о бок в мрачном коридоре, куда лишь немного попадал свет из прихожей, и смотрели, как ба развязывает шарф перед зеркалом.

— Ну а вы тут чего? — Надин бросила взгляд на меня, и я напряглась всем телом, после чего покосилась в проход кухни.

Ни следа.

Все поверхности идеально блестели в свете желтого абажура.

Ни разбитой тарелки, ни баклажанов, ни единого красного пятнышка.

В коридоре поблескивали мокрые следы от тряпки, которой мать вытерла кровь.

— Я собираюсь ложиться, — уставшим голосом отозвалась я.

И тут Надин опустила глаза вниз.

— Что с ножкой, львенок?

Она с тревогой устремилась ко мне.

— Тарелка разбилась, она наступила на осколок, — уверенным тоном заявила мать.

— Как же так? — Надин подошла вплотную и обхватила мое лицо.

— Ничего страшного, просто небольшой порез, не переживай, — с кривой улыбкой пыталась я успокоить любимую ба.

— Львенок мой сладкий, ты плакала?

Не дожидаясь ответа, Надин прижала меня к груди, и поверх ее плеча я встретила с серьезным взглядом матери.

— Да, немного, — съежившись в комок, неуверенно пролепетала я.

— Ты моя девочка! Может, мне посмотреть ножку?

— Не нужно, правда, все хорошо, — я продолжала говорить с Надин, изучая ее.

Сука. Стоит и молчит, будто ничего не произошло. Ненавижу.

Ненавижу-ненавижу-ненавижу.

Видимо, прочитав на моем лице все, что нужно, мать молча прошла вглубь коридора и скрылась в своей комнате.

— Я уже спать хочу. Спокойной ночи, ба, — напоследок я обняла Надин еще крепче и вырвалась из объятий.

— Доброй ночи, мой львенок. Люблю тебя.

— А я тебя больше. — Обычно эту фразу говорила мне Надин на мои признания в чувствах.

Я закрыла дверь и отработанным ударом включила ночник в виде пластиковой головы льва, который вставлялся в розетку. Надин купила его, когда мне было шесть, чтобы никакая

нечисть не смела пугать меня по ночам. Только она не знала, что от главной нечисти не спрятаться ни в темноте, ни при свете дня.

Подойдя к окну, я взглянула на далекие и тусклые звезды, такие свободные, что в легких закололо. Надин рассказывала, что в первые годы после Кровавых бурь все небо было устлано красным маревом, сквозь которое не пробивались ни звезды, ни луна.

Я задернула шторы, а звезды продолжили гореть, теперь уже глядя на меня с потолка своим неоновым зеленым светом. Они тоже появились благодаря Надин. Все самое хорошее появлялось в моей жизни благодаря ей.

Я сменила халат на пижаму, вытащила из кармана розового облака медальон и надела его поверх желтой рубашки. Зеркало показало меня в полный рост: монетка висела на уровне пупка, поэтому от моего вдоха дрогнула, и зоркий глаз Тени блеснул в свете ночника. Я перевернула медальон глазом к себе.

Медальон — важная вещь Теневого. Он выдается сразу после Испытания Тени, и, как говорят, хранит в себе страхи, сомнения и слабости бойца. В академии Армори считали, что полностью избавиться от страхов невозможно, но можно «запечатать» их в медальоне и держать при себе как символ того, что ты изгнал их. Медальон носили строго глазом к себе, чтобы он «приглядывал» за тобой, не позволяя тебе ослабнуть и впустить страхи назад.

Не знаю, чьи страхи на свою шею повесила я, но планировала добавить к ним свои и навсегда заточить их в серебряной монетке.

Глава 4

С того дня минуло полгода.

Нога давно зажила, а со спины бесследно исчезли отметины от ремня. Мать тогда так испугалась, что Надин наконец поймет, что происходит, когда ее нет дома, поэтому, если и колотила меня, то сердобольно, не оставляя улик. А в остальном все было по-прежнему: мать хлестала виски чаще, чем воду, все так же пропадала где-то ночами, даже когда у нее не было смен в цеху, а Надин вкалывала в больнице, спасая людей.

Зараженные так и не атаковали Слоун после нашей провальной вылазки в тоннели. Обсудив много раз с друзьями произошедшее, мы сообща пришли к выводу, что никого мы не призвали, и вообще, те звуки имели природное происхождение: микроземлетрясения могли спровоцировать гул, движения грунта — напоминать чьи-то шаги, а грунтовые воды — издавать стук или щелчки. Все это я вычитала в одной из старых книг, найденной в библиотеке, и пересказала ребятам, после чего мы закрыли эту животрепещущую тему. Скарлетт даже не попросила отдать ей медальон. Узнав, что я ношу его, она только отмахнулась, мол, получит свой собственный в академии, когда станет Тенью.

Сегодня был вторник, а значит, все жители старше восемнадцати лет отправились на общественные собрания. На повестке дня стоял вопрос о закрытии Кленовой фабрики. Каждый год мистер Браун, глава нашего города, порывался уволить работников фабрики и на ее месте организовать еще одно производство медикаментов. Жители Слоуна неизменно голосовали против такого решения, поскольку понимали, что если это произойдет, рано или поздно деревья вырубят и освободившуюся землю отдадут под очередной склад медикаментов или лабораторию. Слоунцы защищали родной кусок живой природы.

Пока все были на собрании, я ждала Ру в Убежище и писала конспект по биологии, чтобы подготовиться к экзамену.

Теплый свет пробивался сквозь щели в досках, рисуя полосы на потертом ковре. Ру задерживалась. Наверное, миссис Болдуин послала ее в овощной магазин Гретты или за молоком к мистеру Бону. Я заправила волосы за уши и нависла над тетрадью, выводя размашистым почерком: «Эволюционная адаптация Кровавой Пыли: люминесценция возникла как способ микроорганизма усиливать выживаемость носителя. Красное свечение связано с переработкой железа из крови, которое микроорганизм использует для создания биолюминесцентного фермента. Этот фермент помогает микроорганизму выживать в условиях кислородного голодания, характерного для разрушенных тканей Люминофоров. Кроме того, люминесценция потребляет энергию носителя, что ускоряет разрушение костей и тканей у Люминофоров, но взамен дает им повышенную скорость и рефлекс. Это делает их хрупкими, но крайне опасными во время атаки».

В доме Ру хлопнула входная дверь. Ну наконец-то!

Закрыв тетрадь, я закинула ее в рюкзак и прильнула к щели между досками. Во двор Болдуинов шагнули двое безопасников. Сердце екнуло. До комендантского часа оставалось еще куча времени — какого черта они приперлись?

Один — долговязый, с лысиной, блестящей, как отполированный котел, и рыжей бородой — заколотил в парадную дверь. Второй, низкий толстяк, с сальными темными волосами, встал на лужайке, сложив руки над пузом.

Их коричневая форма с оранжевой светоотражающей каймой меня страшно бесила. Я ненавидела безопасников — эти напыщенные рожи, вечно сующие нос не в свое дело. К счастью, я не давала им повода ко мне цепляться.

И тут из-за дома вынырнула Ру в сером плаще, еще осенью доходившем ей до пяток, а теперь едва прикрывавшем колени. Ее голос, тонкий, как стекло, прорезал тишину полувопросом-полуутверждением:

— Здравствуйте?..

Коренастый обернулся, его глаза блеснули, а у меня все волосы на загривке встали дыбом.

— Думал, никого нет, ты тут одна? — он шагнул к ней, положив руку на медную пряжку ремня с кленовым листом.

— Родители на собрании, а братья где-то гуляют, — застенчиво ответила Ру, бросая взгляд то на одного, то на другого.

Высокий пружинисто спустился с крыльца.

— А ты почему не на собрании? — его голос царапал, как ржавый гвоздь.

— Мне... двенадцать, — Ру сглотнула, переступив на месте.

— Ясно. А на заднем дворе что делала? — толстяк подошел ближе.

Я положила ладонь на подгнившие доски, будто могла остановить его.

— Мама велит запирать парадную дверь, если никого нет... Вышла через задний ход.

Безопасники переглянулись.

Их улыбки были липкими, как паутина. Они двинулись ближе, оттесняя Ру к задней части дома.

Что-то не так.

Я вцепилась ногтями в доски Убежища.

Хотела закричать, но горло сдавило.

Сальный толстяк наклонился к Ру и что-то сказал, мазнув по ней масляным взглядом. Его слова утонули в шуме ветра, но я заметила, как глаза Ру вспыхнули ужасом. Она дернулась, толстяк схватил ее за руку, а высокий зажал рот.

Нет!

Я задохнулась.

Ужасающее понимание проникло в кровь, как яд.

Тепло мигом отлило от моих конечностей. Я напряглась всем телом, цепляясь за доски...

Ру сдавленно закричала и начала вырываться, тогда долговязый схватил ее за шею, сильнее прижал руку к ее лицу и огляделся. Когда его взгляд задержался на покосившемся сарае, я отпрянула от просвета и замерла.

На секунду мир сжался в одну точку.

Я перестала дышать.

Господи, пожалуйста...

Пожалуйста, я тебя умоляю...

А потом я услышала возню и снова с ужасом прислонила лицо к просвету.

Они прижали Ру к стене дома...

Она билась, как птица в клетке! Толстый урод с мерзкой ухмылкой дернул пряжку своего ремня. Высокий продолжал держать Ру, его пальцы с силой впивались в ее лицо.

Я не могла сделать вдох.

Легкие горели.

Хотела закричать, но не получалось произнести ни звука.

«Сделай что-нибудь!» — вопил внутренний голос.

«Давай же!»

«Хоть что-то!»

Я застыла, парализованная ужасом, слыша лишь стук крови в висках.

Ледяной страх окончательно сковал меня, когда толстый упырь засунул руку в штаны... одновременно вытаскивая свой мерзкий язык и облизывая губы. Его лицо налилось багровой краской.

Нет...

Ру сдавленно визжала, ее спутанные волосы торчали во все стороны. Сделав очередной рывок, она вдруг вцепилась зубами в руку высокого. Тот взревел, рванул ее за волосы и с силой ударил головой о стену.

Мой рот открылся для крика... Но он не покинул мою грудь.

От удара деревянный фасад дома даже не дрогнул, зато Ру осела на колени... Ее тело обмякло, но рыжий не дал ей упасть — рывком поднял, впечатал в облупленную стену и начал стягивать с нее штаны...

Ужаснувшись, я подняла взгляд.

Ру смотрела прямо на меня!

Ее лицо, красное и залитое слезами, наполовину скрывали спутанные светлые волосы, глаза горели смесью страха и немой мольбы.

Я отшатнулась, будто меня ударили, задев собой термос с чаем. Горячая жидкость хлынула на потертый ковер, пропитывая его запахом трав.

Я застыла.

Отчаянно пыталась понять, что там снаружи.

Они слышали или нет?

Сердце как кувалда било по грудной клетке, заглушая все звуки.

Удар.

Воздух застрял в горле.

Еще удар.

Мои глаза в отчаянии бегали по щелям в досках.

Снова удар.

Я зажала рот руками, пытаясь дышать носом, но каждый вдох давался с трудом, будто я тонула, хотя я даже не знала, каково это.

Мне кажется, я отключилась...

Потому что не поняла, сколько прошло времени, когда тишину разрезали отдаленный шум автомобиля и крики птиц. Безопасников не было слышно. Ру — тоже.

Трясущимися руками я уперлась в пол и попыталась подняться. Тело никак не хотело слушаться, ватные ноги расползались в разные стороны. Кое-как я подтянула себя к просвету досок: двор был пуст. Трава за домом лежала примятая, но никого не было. Я перескочила к другой стене, прижалась к щелям между досками. Никого. Двор замер в молчании, будто ничего не произошло.

Я отползла в угол и обхватила колени.

Глаза зацепились за маленькое зеркальце в розовой рамке, что Ру повесила здесь пару месяцев назад. Оно болталось на веревке, чуть покачиваясь. Отражение поймало меня: мертвенно-белое лицо, искусанные в кровь губы и мокрые дорожки слез на щеках. Я даже не заметила, что плакала. Спрятав голову в колени, я просидела так целую вечность, вдыхая травянистый запах пролитого чая.

Я заставила себя встать, только когда холод пробрал до костей.

Прильнула к щелям Убежища, вглядываясь в окна дома и участок.

Пусто.

Тени лежали неподвижно, лишь ветер гнал мелкий сор по двору.

Я тихо выскользнула наружу, трава заглушила шаги. Дверь сарая предательски скрипнула, и я замерла.

Спустя мгновение так никто и не появился.

Не помню, как я оказалась в своей спальне...

Как уткнулась лицом в подушку и орала, пока не сорвала голос...

Не помню, как била себя по голове, пока в висках не зазвенело...

Не помню, как выла и корчилась на кровати...

Но жгучая ненависть к себе врезалась в память, как нож.

Она заполнила все — каждый орган, каждую кость.

Текла по венам, словно лава, выжигая все изнутри.

Хотелось исчезнуть.

Разодрать себя на куски, чтобы не чувствовать этот стыд.

Чтобы заглушить крики Ру в голове.

Чтобы вырвать из памяти ее взгляд, ее слезы, ее боль.

«Тень, умоляю, забери меня», — шептала я раз за разом, как мантру.

Но время шло, и Тень не приходила. Тогда я свернулась на кровати, обняв колени, и ждала, когда сердце сделает мне одолжение и остановится, не выдержав ада внутри...

Я не заметила, как уснула тревожным сном, пока его не прервал теплый поцелуй в висок с ароматом мяты.

— Спи, львенок, — шепнула Надин, укрывая меня пледом.

Я снова провалилась во тьму.

Разлепив опухшие веки, я посмотрела на часы.

До школы оставалось два часа.

Глаза закрылись сами собой, а потом резко распахнулись.

Я вспомнила, что случилось вчера.

Передо мной замелькали картинки зловещего калейдоскопа: мерзкие руки на талии Ру, ее крик, ее слезы. Сердце стремительно забилося, а ладони стали влажными от пота. Я усиленно моргала, чтобы не видеть этот кошмар в своей голове. Как ни пыталась, мысли пожирали меня.

Что сейчас с Ру?

Почему ты ничего не сделала?

Почему ты не закричала?

Почему не позвала на помощь?

Как мне теперь смотреть Ру в глаза?

Как мне вообще жить?

Все тело охватило липкой волной страха.

Закрыв лицо одеялом, я разрыдалась.

Чтобы успокоиться, мне потребовалось полчаса, по истечении которого я выскочила из кровати с твердым намерением освободить голову, иначе я сойду с ума, но перед этим я осторожно отодвинула штору и выглянула на улицу. Дом Болдуинов стоял мирно спящим, будто имел на это право, когда на его заднем дворе произошло *такое*.

А вдруг они ее убили?

Эта мысль только сейчас пришла мне в голову.

Я отшатнулась от окна, схватившись за грудь.

Нет! Конечно, Ру не мертва! Если бы с ней что-то случилось, Надин бы разбудила меня еще вчера... Я бы услышала сирены машин безопасников... Услышала бы, правда?

Я снова заглянула за штору.

Окно Ру на втором этаже смотрело на меня серой пустотой, как вдруг мне показалось, что в глубине ее комнаты что-то промелькнуло. Я слотнула и напрягла глаза. Простояв так несколько минут и не увидев ничего, что могло бы подсказать мне о ее состоянии, я на цыпочках прошла в ванную, умылась, надела кроссовки и спортивный костюм.

Стоило мне открыть входную дверь, как из комнаты выплыла Надин, сонно потирая глаза. По утрам она не ходила, а словно парила над полом, как лебедь скользит по глади воды.

— Ты куда?

— На пробежку, — сжав дверную ручку, тихо ответила я и выжидательно уставилась на нее.

— И давно ты бегаешь? — удивилась ба, не сказав дурных вестей.

Ну вот. Ру не мертва.

— Сейчас иду в первый раз.

— У тебя все нормально? — Надин озабоченно вгляделась в мое лицо, теребя маленький крестик на шее. — Что-то произошло? Тебя кто-то обидел?

— Нет! — сказав это слишком резко, я быстро исправилась и уже с более спокойной интонацией произнесла: — Никто меня не обижал... Я... Я просто... — Мои пальцы потеряли висок, затем шею. Осознав, что беспокойная рука выдает меня с потрохами, я резко опустила ее. — Просто решила попробовать побегать.

Надин долго и изучающе смотрела на меня, после чего поежилась от сквозняка и запахла полы кимоно.

— Ты не замерзнешь?

— Нет, — закатив глаза, я ретировалась из дома.

Утро встретило спящим белым светом. Он рассекал горизонт, как раскаленное лезвие, врезающееся в мои воспаленные глаза. Я шагнула с крыльца, и ветер тут же ударил в лицо, будто предупредительно останавливая меня от намерения посмотреть в сторону сарая.

Я послушно держала взгляд перед собой, наблюдая за Эраном Кохави — моим соседом и учителем Скарлетт по тайскому боксу. Уже много лет он начинал свое утро одинаково — с подтягиваний на турниках, установленных сбоку его дома. Встретившись с ним взглядом, я вежливо кивнула ему и побежала прочь, чтобы не застать еще кого-то из соседей.

В носу сильно щипало от прохладного воздуха, а голову сжимали тиски боли, но я продолжала бежать вдоль нашей длинной улицы с ровными рядами кленов. Их ветви были усыпаны бледно-зелеными сережками. Хрупкие, почти прозрачные, они дрожали от порывов ветра. Асфальт местами темнел после ночного дождя, встречая спешащих на работу ранних пташек.

Когда легкие уже грозились разорваться, я повернула назад к дому. Облизнула шершавым языком обкусанные губы и сконцентрировалась только на том, чтобы переставлять ноги.

В голову то и дело врвались мысли о Ру, тогда я бежала быстрее, будто пыталась обогнать их и оставить далеко-далеко позади. Я начала третий подход счета до тысячи. Один шаг, два, три, четыре...

Завернув за угол, я споткнулась о собственные кроссовки, чуть не рухнув вперед и не пропав лицом асфальт.

Ноги чудом удержали меня в вертикальном положении.

На другой стороне улицы шли два безопасника в неизменной коричневой форме. Не те, что я видела вчера, но ужас все равно сковал меня свинцовыми цепями.

К счастью, они шли ко мне спиной, поэтому не обратили на меня внимания.

Резко развернувшись, не своими ногами я побежала в другой переулок. Не своими легкими я сделала вдох.

Вот бы можно было убежать на край земли, чтобы никогда не встречаться ни с одним безопасником. Мне даже пришла в голову мысль: не уйти ли из Слоуна через тоннели?

Нет. Надин этого не переживет...

Быстро отбросив глупую идею, я продолжила считать.

Спустя шесть тысяч шагов показался наш дом. Солнце уже начало пригревать, ослепительно отражаясь от его бежевой облицовки. Я снова заставила себя не смотреть в сторону участка Болдуинов и быстро вбежала на крыльцо, отчего музыка ветра пронзительно звякнула.

Пробежка помогла лишь отчасти. Я стояла под теплыми струями воды. Они ударили по разгоряченному телу, а мысли все лезли и лезли. На душе скребли кошки, стыд просачивался

в каждую клеточку тела, и я не знала, как его выгнать... Из горла вышел глухой всхлип. Я моментально зажала рот рукой, чтобы меня не услышала Надин, которая в этот момент ходила по коридору, собираясь на работу. Я села на корточки и попыталась продышаться через рот, но беззвучные рыдания все равно вырывались из глубины моей гнилой души.

— Львенок, ты долго? Мне нужно в ванную! — крикнула Надин.

Я вскочила, проглотила удушающий ком и ответила старательно-ровным голосом:

— Еще пять минут!

Вентиль крана оказался на синей отметке. Из душевой лейки полилась ледяная вода, колючими иголками впиваясь в кожу. Я вздрогнула всем телом, сжала зубы и задрала голову, чтобы капли ударили мне в лицо. Простояв так несколько секунд, более-менее успокоилась и вышла из душа.

Из зеркала на меня смотрела другая я: с безжизненным потухшим взглядом и лицом в пятнах.

Так мне и надо.

Уже в комнате я быстро высушила голову, оделась в клетчатую рыже-красную юбку и белую рубашку с оранжевым галстуком.

Я подумывала не идти в школу, но решила, что если останусь дома, у меня точно поедет крыша.

Поэтому я пришла в школу раньше всех. Села на освещенный солнцем подоконник, напротив шкафчиков кирпичного цвета, и стала ждать, прожигая их взглядом.

Ру не пришла.

На следующий день ее шкафчик снова не открылся.

Через день — то же самое.

Каждое утро Скарлетт задавала один и тот же вопрос:

— Где Ру?

Я лишь неуверенно пожимала плечами.

— Наверное, заболела.

Спустя три дня, в субботу, она стала подозревать неладное.

— Заболела? Ты ходила к ней?

— Нет, но сегодня схожу.

Я говорила это с каменным лицом, а внутри вся выворачивалась наизнанку.

Весь субботний вечер я бродила по комнате, не находя себе места. Иногда останавливалась у окна, глядя на темный двор Ру. Окна ее дома были наглухо зашторены, ни огонька. Я тысячу раз прокручивала в голове: пойти? постучать? заглянуть? Но ноги не двигались. В груди все сжималось в тугую комок. Вместо того, чтобы сделать шаг к ее дому, я задернула шторы.

Воскресенье прошло для меня в запертой комнате. Я впервые за много лет пропустила воскресную службу, потому что мне было стыдно заходить в священное место после того, что я натворила.

Приходил Дэнни. Я узнала его характерно аккуратный стук по входной двери. Замерев, я дождалась, когда его кроссовки застучат по крыльцу, и только тогда вдохнула.

Весь остаток недели мне удавалось не пересекаться с ним в школе. Он был на год старше, поэтому наши уроки не совпадали, а в кафетерий я специально не ходила, предпочитая отсиживаться в библиотеке... До тех пор, пока туда в пятницу не появился Лиам.

Я чуть не снесла локтем настольную лампу, когда он уселся напротив меня в пустом зале. Столы в школьной библиотеке были настолько узкими, что я могла дотянуться до него, если протяну руку, и эта близость окончательно выбила меня из колеи. Он попытался о чем-то поговорить, но я как воды в рот набрала — отвечала односложно, отчего он заметно нервничал, то и дело потирая затылок каштаново-медных волос. Я была настолько обескуражена, что даже не

помню, о чем он спрашивал. В голове остались только его бегающие от неловкости изумрудные глаза с золотистыми крапинками.

Теперь я испытывала жгучий стыд еще и из-за него. Точнее, из-за своей ниоткуда взявшейся робости. Это позволяло мне хоть ненадолго отвлечься от произошедшего с Ру.

Мои колени уже болели от постоянного стояния на полу.

Только за утро я дюжину раз молила Бога о прощении, стоя у кровати со сцепленными в замок руками в надежде, что мне станет легче. Этого не происходило. Либо я плохо молилась, либо Бог отказывался меня слышать. Я не чувствовала себя лучше, твердя про себя жалобный скулеж. Лишь тяжесть невысказанных вслух слов висела надо мной, словно гильотина. После полудня душевный раздрай только усилился, и я отчетливо осознала: не Бога я должна молить о прощении, а Ру.

Мне потребовалось несколько часов терзаний, чтобы решиться пойти к дому Болдуинов.

Что мне ей сказать?

Как сказать?

Я исписала толстый блокнот до последней страницы, продумывая свою жалкую речь.

Наконец в шестом часу на негнущихся ногах я все-таки доковыляла до двери соседнего дома и занесла руку, чтобы постучать. Горло сжалось, а тело бросило в холодный пот.

Нет. Я не могу.

Я просто не могу.

Сделав несколько шагов назад, я чуть не навернулась со ступеней крыльца. В последний момент схватилась за перила и удержалась на ногах. В окне мелькнула рыжая голова. Кто-то услышал меня.

Сердце решительно пыталось пробить мою грудную клетку.

Я вытирала пот со лба как раз в тот момент, когда дверь распахнулась, и в проеме показался Рами. Резко опустив влажную руку, я уставилась в бледное вытянутое лицо.

— Ты чего здесь? — вместо приветствия спросил он.

Я прочистила горло:

— Ру дома?

Рами нахмурился и кивнул:

— Да, но к ней нельзя, она болеет.

«Болеет» — эхом пронеслось в голове.

Я смотрела на него, не мигая.

Что эти убудки с ней сделали? Что у нее болит? Насколько все плохо?

— Как она? — уточнила я и схватилась за медальон через тонкую кофту, нервно ковыряя его гладкие края.

— Нормально, просто простудилась, — сухо отрезал он и, заметив мою реакцию на его тон, смягчился: — Она пробудет дома еще несколько дней, потом вернется в школу.

Я стала кусать губы, чувствуя жжение отрывающихся струпьев.

«Будет дома еще несколько дней»...

Все просто ужасно.

Может, она не может ходить?

Они так травмировали ее, что она лежит и не может двигаться?

Ей очень больно?..

Конечно, ей больно и плохо, идиотка! И ты не сделала ничего, чтобы спасти ее. Ты ничем не лучше их!

— Ты в норме? — нахмурился он. — Может, ей что-нибудь передать?

Да, скажи ей, что я самая отвратительная подруга в мире, и мне жаль.

— Нет, — я резко покачала головой и развернулась, чтобы уйти.

— И Лиа, — окликнул он, наши глаза снова встретились. — Не приходи сюда больше. — Я сжалась и застыла от его слов. — Еще подхватишь заразу.

Дверь закрылась с громким хлопком. Его оглушающее эхо вибрировало в моих мозгах.

Я вперилась взглядом в голубую обшарпанную дверь и сжала зубы, чувствуя, как меня начинает колотить.

Он знает. Он все знает.

Ру знает. Она сказала ему.

И скоро все узнают.

Узнают, что я сделала. Точнее, чего не сделала.

Я бегом добежала до дома и с силой закрыла дверь в свою комнату. С косяка посыпалась штукатурка.

Господи.

Господи.

Господи!

Что мне делать?

Я металась из угла в угол, схватившись за сердце и тяжело дыша.

Мне конец!

Рами смотрел на меня как на ничтожество.

Я и есть ничтожество!

Я схватилась за корни волос и больно потянула.

Ничтожество! Ничтожество! Ничтожество!

Заметив краем глаза что-то странное, я встала как вкопанная, и медленно перевела взгляд на окно. Со второго этажа на меня смотрела Ру. Точнее, ее бледный, почти прозрачный силуэт. Я не двигалась, только мои губы нервно подрагивали. Ру тоже стояла неподвижно в своей светлой сорочке. Ее пшеничные волосы легкими волнами лежали на хрупкой груди, спускаясь до пояса. С такого расстояния я не могла прочитать ее взгляд, из-за нервного напряжения ее лицо расплывалось перед глазами.

Не выдержав давления, я метнулась к окну и зашторила занавески, миготом отпрыгнув вглубь комнаты, где меня укрыла тень. Я села в угол рядом с книжным стеллажом и уткнулась лбом в колени, тихо всхлипывая. Плечи вздрагивали, перед глазами стоял бледный образ Ру, а в ушах звенел ее душераздирающий плач.

Стыд убивал меня.

Вместо того, чтобы думать о том, как там Ру, как она себя чувствует, я волновалась о своей шкуре...

Гребаная эгоистка!

Ничтожество!

Бог никогда не простит меня.

Ру никогда не простит меня.

Я сама никогда себя не прощу.

Чтобы сдержать громкие всхлипы, я вцепилась зубами в колено, ощущая во рту химический вкус денима. Я тряслась от рыданий, рваные выдохи покидали грудь, пока я проклинала себя и весь мир вокруг.

Бедная Ру.

Как я могла просто смотреть?

Почему я не помогла ей?

Я же могла выйти из сарая, безопасники испугались бы и ушли. Или не испугались... И тогда со мной бы сделали то же самое, что и с ней...

Прости меня, Ру!

Прости, прости, прости!

Я трусливое ничтожество.

Ненавижу себя. Мне жаль. Умоляю, прости!

Я повторяла это, как мантру, десятки и сотни раз.

Слезы уже насквозь пропитали ткань джинсов, когда я услышала звук входной двери. Я вмиг подорвалась, вытирая лицо, и ошалело соображала, что мне делать. Надин зайдет ко мне. Она обязательно зайдет в комнату поздороваться и спросит, что со мной.

Что делать, что делать, что делать?

Я рывком стянула куртку и кинула ее в угол, в котором только что сидела. Не снимая кроссовок, нырнула под одеяло, укрываясь им до самого носа.

Через секунду дверь открылась, и я заставила себя размеренно дышать, делая вид, что сплю.

Как же медленно текло время... Как тяжело было сдерживать судорожные вздохи.

С тихим щелчком дверь закрылась, и я облегченно откинула одеяло с лица.

Я не выходила из комнаты два часа, утопая в тяжелых мыслях, разговорах с собой и с Богом. Я больше не разрешала себе плакать, чтобы выглядеть нормально во время ужина. Обессиленное тело лишь беззвучно вздрагивало, вытянувшись среди скомканного постельного белья.

Когда часы показали восемь, а за окном стемнело, я все-таки вытащила свою тушу из-под одеяла. Желудок тянуло от голода, а мочевого пузырь грозился взорваться, если я сейчас же не схожу в туалет.

Я расчесала волосы и вышла в тускло освещенный коридор. Надин хлопотала на кухне, как всегда, пытаясь быть тихой, когда кто-то спал, но у нее это, как обычно, не получалось. По устоявшейся традиции ложка свалилась со столешницы с характерным звуком, и Надин крепко выругалась, что делала, только когда оставалась одна.

— Как не по-христиански, — пожурела ее я, и она охнула, обернувшись.

— Львенок! — выдохнула она, схватившись за сердце.

— Прости, не хотела тебя пугать.

Она подняла ложку и положила в раковину.

— Ты почему спишь вечером?

— Устала за неделю, был сложный тест по биологии. — Ложь легко слетела с губ.

— Как все прошло?

— Получила высший балл.

— Умница, — кивнула она, помешивая новой ложкой томатный соус в кастрюле. Рукав ее кимоно был в дюйме от красного варева, я хотела сказать, чтобы она была осторожнее, но Надин уже заметила опасность, подтягивая рукав повыше. — Ужин будет готов через десять минут.

— Хорошо.

Она ничего не заметила. Я выдохнула и быстрым шагом пошла в туалет.

Ужин прошел спокойно. Внутри меня ощущалась тяжесть непомерного груза, но снаружи я вела себя как всегда. Чтобы Надин ничего не заподозрила, нужно было всего лишь изредка улыбаться, задавать ей сотни вопросов про ее работу и кивать в нужные моменты. И так день за днем, надеясь, что настанет момент, когда груз станет чуточку легче.

А если этот момент не наступит никогда, что тогда? Что со мной будет?

Наступила среда.

Я стояла у раковины в школьном туалете, склонившись к зеркалу и растирая под глазами тени недосыпа. Скарлетт слонялась рядом, привычно болтая что-то про академию Армори, и вдруг остановилась на полуслове.

— Ру!

Я обернулась.

Бледная тень подруги стояла в дверях. Та же форма, та же коса — и совсем не та девочка. Лицо серое, глаза пустые.

— Как ты? — по обыкновению громким тоном спросила Скарлетт, шагнув к ней ближе. — Рами сказал, ты сильно заболела и к тебе нельзя. Что ты подхватила?

Ру смотрела на нас, но будто мимо. Ее взгляд скользнул по лицу Скарлетт, потом по моему. На миг задержался. Я снова увидела то выражение — как в тот вечер. Просьба. Обвинение. Страх. Все сразу.

Я открыла рот, но слова застряли. Мне хотелось сказать: «Прости... Да, я все видела... Да, я не помогла тебе... Мне было ужасно страшно», но вышло только сиплое:

— Ру...

— Ты чего? — Скарлетт приблизилась к ней впритык. — Плохо себя чувствуешь? Проводить тебя к врачу?

Ру качнула головой, сильнее сжимая лямки рюкзака, а после выбежала из туалета.

Непонимающий взгляд Скарлетт метнулся ко мне.

— Что это с ней?

Я слотнула, чувствуя, как внутри все крошится.

— Эй, стой! — Скарлетт кинулась за Ру, а я осталась стоять, слушая шум бегущей из крана воды. Вот бы можно было стать ею и стечь в грязную вонючую трубу, где мне самое место. Повернув вентиль, я вышла из туалета, и вместо того, чтобы пойти искать подруг, направилась в сторону дома.

Вечером Скарлетт явилась к нам домой без предупреждения. Я услышала за стеной, как она здоровается с Надин. Прошла пара секунд, и она без стука, по-свойски, ввалилась ко мне в комнату.

— Она не хочет со мной говорить, представляешь? — Кинув при входе сумку с формой для единоборств, она рухнула на кровать, глядя мне прямо в глаза. — Только молчит, как будто я ей что-то сделала. Вы поругались, что ли? Она из-за чего-то обиделась? На меня? Или на тебя? Я ничего не понимаю! Ты говорила с ней?

В ее синих глазах бушевало непонимание.

Я отложила блокнот, который скрывал горькую правду, и покачала головой.

— Почему ты не пошла со мной за ней?

Я замерла.

— Прости, мне срочно нужно было домой. Мама вчера вернулась раньше обычного, а ты ее знаешь...

— Что происходит? — Скарлетт посмотрела на меня исподлобья.

Черт... Не прокатило.

— Скарлетт, я не знаю! — воскликнула я, поднимая руки в защитном жесте.

Ее настойчивый взгляд пугал меня. Еще немного, и я не выдержу, рассказав ей все, и тогда моя лучшая подруга возненавидит меня до конца своих дней. Я останусь одна. Без подруг. Навсегда.

— Давай ходим к ней сейчас?

— Нет! — слишком быстро и резко ответила я, и Скарлетт сильнее напряглась.

— Вы что-то скрываете от меня, — с болью произнесла она.

Мне стало ее жаль. Горло свело. Вместо объяснений, которые она заслуживала, я отвернулась, будто что-то разглядывала в окне.

— Что случилось? Скажи мне! — голос Скарлетт дрожал от сдерживаемой злости и обиды. — Я не понимаю, что происходит! А я это ненавижу, ты знаешь!

— Да не знаю я! Я же тебе уже сказала! — вскрикнула я, повернувшись к ней. — Я знаю ровно то же, что и ты!

Скарлетт изучала мое лицо пристальным взглядом, затем обреченно опустила напряженные плечи и уставилась на ночник в виде льва.

— Ты как хочешь, а я схожу к ней.

Я ничего не ответила.

Повесив сумку на плечо, она хлопнула дверью, оставив меня наедине с собственной гнилой тишиной.

Тем вечером Ру так и не вышла к Скарлетт.

На следующий день она снова сидела в классе. На своем обычном месте — за соседним столом справа от меня. Но теперь между нами зияла пропасть, которую невозможно было перекричать. Скарлетт продолжала делать попытки наладить контакт, но та серая тень, что осталась от прежней Ру, не подпускала к себе никого.

У всего есть предел.

Скарлетт достигла его через два месяца. Она оставила Ру в покое. Как и прекратила попытки выяснить у меня, что произошло. Я врала, что ничего не знаю. Ложь срывалась с моих губ столько раз, что ни одна молитва уже не могла очистить мою душу от греха. Я смирилась со всем: с тем, какой я на самом деле человек, со своей трусостью, с бесчестием своей души.

Дамоклов меч уже обрушился, окончательно разрубив наши с Ру отношения. Я перестала сопротивляться и отрицать факт свершившегося.

Так закончилась наша дружба с чудесной, такой доброй и нежной Ру. Не на скандале, не на прощении и даже не на прощании. Все закончилось на молчании и моем предательском бездействии.

Той весной умерла не только наша дружба, но и мое детство. Оно не оборвалось резко — просто растворилось, как сахар в чае.

Казалось, ничего уже не могло быть хуже... А потом я узнала, что моя семья скрывала от меня страшную тайну.

И все стало еще ужаснее.

Глава 5

— Как они могли скрыть это от меня? — я металась взад-вперед, потирая виски из-за непроходящей мигрени. — Ну вот как? — зло выплюнула я и пнула кроссовком ступень школьного крыльца.

Вопросы были не из тех, что требовали ответа.

Скарлетт сидела на несколько ступеней выше, облокотившись на колени, и нахмуренным взглядом гипнотизировала прожилки бетона, из которых торчала высокая трава.

Прогрессирующий синдром Беккета.

Так назывался диагноз Надин.

Я бы наверняка ничего не узнала, если бы сегодня случайно не подслушала их разговор на кухне, из которого стало ясно: о болезни они знали еще с осени. И молчали.

Вместо регулярной пробежки я все утро провозилась в библиотеке, чтобы в одном из медицинских справочников прочитать страшные слова: нейродегенерация мозга.

Заболевание не было смертельным, но с каждым днем клетки мозга Надин отмирали... Этот процесс нельзя остановить, только замедлить с помощью лекарств.

— Я даже не знаю, принимает ли она какие-то таблетки или просто ждет, когда не сможет говорить, двигаться, самостоятельно есть и даже думать!

Мой голос срывался на истерические ноты. Несколько голов повернулись на нас.

— Чего уставились? — рявкнула Скарлетт, и компания девчонок опустила глаза, перестав шептаться.

Это не помогло.

Сегодня был последний учебный день, и перед школой собрались все ученики, оголтело обсуждая предстоящие летние каникулы. Стоял раздражающий гул — я едва слышала собственные мысли.

Скарлетт внезапно схватила меня за руку и потянула на себя. Я приземлилась рядом, наши клетчатые юбки соединились в одно целое.

— Мне жаль, — она положила руку на мое нервно дергающееся колено.

Я кивнула, глядя рассеянным взглядом на те же пучки травы в стыках бежевых ступеней.

— Надин сейчас дома?

Я снова кивнула.

— Иди и поговори с ней.

Кивок.

— Ли?

— М?

Она мягко накрыла мои руки.

Я не заметила, как начала расчесывать запястье, и тонкая алая линия стала растворяться в красных пятнах.

— Пойдем, провожу тебя домой.

Я наконец посмотрела на Скарлетт.

— Ну уж нет, — замотала головой я. — Ты не можешь пропустить итоговый тест. Гиббс оставит тебя на летние факультативы.

Ее аккуратный нос прорезали несколько складочек. Она всегда морщила нос, когда нервничала.

— Ну и ладно.

— Не ладно!

Наши взгляды схлестнулись.

— Иди, — безапелляционным тоном отрезала я и махнула в сторону кирпичного здания школы за нашими спинами.

— Ты уверена?

— Уверена.

Она сильнее сморщила нос, но все-таки поднялась.

Я встала вслед за ней.

— Иди уже! — я скривила подобие улыбки и подтолкнула ее в бок. — Приходи вечером, расскажу тебе, как прошел разговор. Мать уйдет на смену к семи.

— Договорились.

Сказав это, она продолжила стоять на месте, поэтому я развернулась и ушла первая, чтобы ей было легче.

На последней ступени я обернулась. Скарлетт скрылась в школьных дверях.

Без нее на душе стало еще паршивей.

Я глубоко вздохнула.

Пахло недавно скошенной травой и намечающейся грозой. Разогретый майский ветер шевелил волосы на моем затылке.

Только я повернулась, чтобы уйти, как неподалеку раздался громкий крик:

— Драка!

Двор школы загудел громче, превращаясь в настоящий улей.

Пчелы мигом слетелись на зеленый газон, образовав круг, внутри которого раздавались визги.

Обычно я подобное игнорировала. Не знаю, что в этот раз дернуло меня протиснуться вперед, в самую гущу толпы. Стоило мне оказаться в первом ряду, как мое сердце ухнуло вниз: на земле валялся шуплый парень на несколько лет младше меня, а сверху на нем сидели двое. Били быстро и грязно — кулаками, ногами, чем придется. Толпа редела. Ученики теснили круг все плотнее, никто и не думал вмешиваться.

У многих блестели глаза — одни от азарта и интереса, другие — от страха.

В тот момент я не думала. Просто влетела в гущу и с размаху врезала кулаком по спине парня, после чего со всей силы толкнула его в бок. Второй от неожиданности ослабил хватку. Я дернула младшеклассника за воротник.

— Вставай!

Он вскинул на меня глаза — растерянные и полные страха.

— Вали отсюда! — рыкнула я.

Пацан вылупился на меня. Из его носа текла кровь, губы были разбиты. Я подтолкнула его, и он наконец метнулся сквозь толпу, как зверек, вырвавшийся из капкана.

Толпа загудела недовольным хором:

— Эй, вернись!

— Что за черт!

А я осталась напротив двух разъяренных мордovorотов. Первый, незнакомый мне парень, быстро нырнул в толпу, буркнув себе под нос, что он не бьет девчонок.

А вот второго я хорошо знала. Психопат по прозвищу Ртуть. Когда ему было десять, Слоун потрясла история с нападением на брата Ру. Дерек (настоящее имя Ртути) стащил из кабинета химии ртутный градусник — такие сохранились только там, поскольку в больнице и жилых домах давно использовали электронные. Дерек разбил его и заставил Рами проглотить шарики ртути просто, чтобы повеселиться.

Рами скрывал химическое отравление целые сутки. В итоге у него начались судороги, и он упал в обморок. Семья Болдуинов несколько дней не находила себе покоя, пока врачи не сказали, что Рами ничего не угрожает. После выписки из больницы он несколько недель

восстанавливался от тремора и поражения почек. Ру тяжело перенесла сначала страх за жизнь брата, а затем и всеобщее внимание к ее семье в школе.

В народе Дереку быстро дали прозвище Ртуть. Его так и не наказали, потому что Рами наврал безопасникам, будто он сам проглотил ртуть. Почему? Даже Ру не знала. Мы предполагали, что Дерек запугал Рами, а может, чем-то шантажировал.

И вот прошло несколько лет, и теперь жестокий психопат, который пытался отравить человека и регулярно устраивал нападения на других ребят из школы, стоял передо мной с перекошенным от гнева лицом.

— Ты че, сучка, охренела? — прошипел он, надвигаясь.

Я в ужасе стала пятиться.

Он подлетел ко мне и обжег скулу хлесткой пощечиной. От удара зубы разорвали щеку изнутри, вкус крови разлился на языке.

Я отшатнулась, и рюкзак соскользнул с плеча.

В толпе завизжали девчонки, а парни охнули. Тем не менее никто не помешал Ртути нанести следующий удар — на сей раз кулаком. Я не успела закрыть лицо, как адская вспышка боли взорвалась в губе. Тело согнулось пополам.

— Разошлись! — крикнул кто-то басистым тоном.

Ртуть пнул меня в живот, отчего я рухнула на землю. Мелкие камни распороли ладони и колени, с лица на ярко-зеленую траву сорвались капли крови. Но то было не самое худшее. Моя юбка предательски задралась, демонстрируя всей школе трусы.

Раздался смех.

Вспыхнув от стыда, я быстро одернула подол и посмотрела наверх.

Ртуть медленно надвигался с жутким блеском в серых глазах, глядя на меня сверху вниз.

— А ну, отошел! — грянул знакомый голос, который Ртуть проигнорировал. — Отойди, кому говорят!

Покрасневший учитель физики с пульсирующей веной на лбу схватил Ртуть за шкуру и оттащил назад.

Толпа разочарованно загудела.

— Разошлись! Устроили тут!

Я быстро поднялась с земли, держась трясущейся рукой за бешено колотящееся сердце, а после спустила руку ниже, к медальону, скрытому белой рубашкой. Мгновение — и мои руки уже сжимали лямку рюкзака, а ноги уносили меня прочь от школы. Тело то и дело дергалось, будто спазмы кошмарили кости. Каждые пару секунд меня передергивало, словно от удара током.

Не помня себя, я как-то дошла до дома. У Надин едва не случился сердечный приступ, когда я в крови переступила порог дома.

Отойдя от шока и объяснив ей произошедшее, я пошла в контратаку, выпытывая у нее всю информацию про ее болезнь. Оказалось, первые симптомы начались прошлым летом. Она вдруг стала забывать самые элементарные вещи, вроде своего имени при знакомстве с пациентом или собственного возраста. А также ее частенько «не слушались руки». Я вспомнила, как она и правда чаще стала что-то ронять, особенно когда готовила. К моему облегчению, она все-таки принимала таблетки, которые ей бесплатно выдавали в больнице. Надин так странно ступевалась, говоря об этом, что я мгновенно поняла — что-то не так. Спустя несколько минут террора она все же призналась: бесплатно выдавали только самые слабодействующие таблетки, а качественные нейростабилизаторы стоили огромных денег.

Моему возмущению не было предела! Как город, который производит все лекарства для Континента, не может обеспечить своего жителя необходимым препаратом?!

Надин долго объясняла мне бюрократические нюансы, но мне не было до них дела! Моей ба нужны были лекарства, и все тут! Я успокоилась, только когда она заверила меня, что мать

пообещала купить качественные нейростабилизаторы, после чего мы долго сидели за кухонным столом в тишине. Надин периодически тяжело вздыхала, а я теребила медальон, вытаскивая его наружу между пуговицами рубашки, и мысленно сокрушалась:

«Ну почему заболела именно Надин? Почему не заболела *она*?..»

— Сказали, ты влетела туда, как ненормальная! — Скарлетт трясла руками, изображая меня. — С разбега, бам, и кулаком по спине!

Мы сидели у окна в моей комнате после долгого разговора о Надин. Вечернее солнце окрашивало стены в оранжевый. Я молчала и ковыряла ногтем подоконник.

Скарлетт провалилась глубже в мое любимое велюровое кресло цвета фисташки, сверкнув воинственным блеском темно-синих глаз.

— Я этому уроду башню снесу!

— Скар, не надо.

— Как это «не надо»? Это не обсуждается, Ли. Ему конец!

Я нервно улыбнулась и через миг втянула воздух от вспыхнувшей боли в разбитой губе.

— Тебе нельзя драться, — напомнила я, облизывая рассечение, — иначе вылетишь из секции.

— Эран поймет.

— Не поймет, ты же знаешь.

— Ну да... — Она закусила губу, должно быть, раздумывая, как по-другому отомстить придурку, но вдруг спросила другое: — Зачем ты это сделала? Полезла туда?

Горло сжалось. Ушибленные ребра противно заныли.

И тут в голове вспыхнуло лицо Ру. Ее взгляд в тот вечер. Ее крики, которые я не забуду никогда. Я не смогла защитить ее. Но ради незнакомого парня бросилась на обидчиков, не раздумывая. Почему?..

— Не знаю, Скар, — я схватилась за медальон. — Это был странный порыв. Я это не контролировала... И вообще... Я тут подумала... Эм-м... Может...

Я скатилась с подоконника и отошла к книжному стеллажу в другом конце комнаты, все еще сомневаясь в своем решении.

— Ты меня пугаешь. — Я услышала, как Скарлетт заерзала в кресле.

Резко обернувшись, я выдала, как на духу:

— В общем, может, мне пойти на муай-тай к Эрану?

Скарлетт застыла. А затем просияла.

— Ну, наконец-то! Конечно, стоит попробовать! Я же тебе сто раз предлагала! Эран — зверь, но тебе понравится, — широко улыбнулась она.

— Думаешь, у меня может получиться? — я сглотнула. В груди заплескала надежда.

— Конечно! — Скарлетт фыркнула и поднялась с кресла. — Ближайшее занятие завтра, нужно собрать сумку со всем необходимым...

Она прошла мимо меня, распахнула шкаф и стала искать подходящую спортивную одежду. Я лишь отстраненно наблюдала за ее щебетанием и активными телодвижениями.

— Не волнуйся насчет разодранных рук, на первом занятии Эран только посмотрит на твою физическую подготовку, тебя не заставят ни с кем драться.

Мои ладони отчего-то все равно подрагивали.

Заметив краем глаза движение, я посмотрела направо. Светлый тюль колыхался в окне Ру.

Место, где проходили занятия у Эрана, было похоже на бункер: металлическая обшивка стен, утопленные в потолок лампы, гулкое эхо. В центре находился потрепанный ринг. В углу — мешки, обмотанные скотчем, и маты с дырами.

Эран Кохави стоял в центре зала. Жилистый, с седыми висками и шрамом, прорезающим квадратный подбородок. Его глаза сканировали каждого вошедшего в зал.

— Лиа? — прищурился он, поймав меня взглядом.

— Здравствуйте, — я старалась не дрожать.

— Зачем пришла?

Все присутствующие, включая Скарлетт, уставились на меня.

— Хочу научиться тайскому боксу. — С губ слетел самый очевидный ответ. Тем временем вошедшие ребята уже скинули вещи на скамью у стены и выстроились в ряд. Все были разного возраста и телосложения. Большинство были чуть старше меня.

— Нет, — коротко мотнул головой он. — Зачем. Ты. Пришла? — переспросил он, выделяя каждое слово, и эхо от его глубокого голоса отразилось от стен, после чего наступила гробовая тишина.

Я посмотрела на затылок Скарлетт в поисках помощи.

Что нужно ответить?

Эран прищурился.

— Правильного ответа нет. Тебе лишь нужно ответить, зачем ты пришла.

Меня бросило в холодный пот, когда губы произнесли:

— Хочу перестать быть слабой.

Сказав это, я проглотила ком в горле и напряглась. Никто из присутствующих не засмеялся. Эран смотрел так долго, что мне захотелось провалиться под землю. Потом жестом велел встать в ряд. Стараясь не показывать волнения, я бросила рюкзак на скамью и остановилась рядом со Скарлетт.

Тренировка началась с разминки: прыжки, бег на месте, махи руками и ногами. Я старалась держать темп, но уже через десять минут пот тек по спине, а дыхание сбивалось. Эран гаркал, чтобы я не расслаблялась, и я сжимала зубы, повторяя движения. Отправив всех на спарринги, он принялся показывать мне стойку: ноги шире плеч, руки у лица, локти защищают ребра. Я пыталась повторить, но он тут же ткнул меня в бок, указывая, что локти слишком низко. Я исправилась.

Дальше мы отрабатывали удары. Эран велел бить по воздуху, следя за техникой: прямой удар, локоть, колено. Я вкладывалась в каждый, но он качал головой — то рука не там, то корпус не повернут. Когда он дал мне ударить по лапам, которые он держал, я размахнулась так, что чуть не потеряла равновесие. Эран усмехнулся, но похвалил за силу, сказав, что точность придет позже.

Скарлетт не соврала: Эран был зверем, а тренировка — настоящим адом. Падения, удары по мешку с разодранными ладонями, прыжки — мои легкие горели, а ноги отказывались слушаться. Когда Эран в очередной раз подсек мою опорную ногу и я грохнулась на мат, воздух окончательно выбило из груди. Я лежала, открывая рот, как рыба, выброшенная на берег.

Эран присел на корточки рядом и спокойным голосом произнес:

— Придешь послезавтра.

Я не поняла, был ли это вопрос или утверждение, но все же ответила:

— Приду.

Глава 6

Три года спустя.

Я вошла в зал, бросив рюкзак у стены — тот же угол, те же разбросанные бинты и бутылки с водой, только теперь это место было моим вторым домом. Запах резины, пота и металла давно стал родным, а скрип ринга под ногами звучал как приглашение.

Сегодня в зале было всего семь человек. Эран стоял у груши и отрабатывал удары с каким-то новеньким. На секунду отвлекшись, он махнул мне подбородком — мол, начинай без меня.

Разминка прошла на автомате. Тело знало свое дело — мышцы разогрелись быстро, а дыхание осталось ровным. Я натянула перчатки.

Взгляд Эрана, как рентген, сразу выхватил меня.

— Готова?

Я кивнула, затянув зубами манжету. Моя стойка была доведена до автоматизма: мускулистые ноги пружинили, локти прикрывали ребра, подбородок опущен. Я поймала отражение в треснутом зеркале: в свои почти шестнадцать я выглядела на все восемнадцать из-за высокого роста и крепких мышц. Взгляд острый, поза уверенная. Совсем не та Лиа, что три года назад путалась в собственных ногах.

Эран приблизился с поднятыми лапами и коротко скомандовал:

— Джеб, кросс, хук!

Мой левый кулак устремился вперед, за ним правый — кросс, а потом левый хук с поворотом корпуса. Удары звучали как хлесткие хлопки.

— Резче! Активнее работай ногами! — рявкнул Эран, отступая на полшага.

Я добавила скорости, чувствуя, как мышцы включаются в ритм. Эндорфины закипели в венах.

— Двойку!

Я выбросила два стремительных удара. Эран кивнул, но тут же ткнул меня лапой в плечо:

— Колени! Не спи!

Я выбросила колено, чуть не задев его. Он ухмыльнулся, и я снова повторила первоначальную комбинацию, включая в работу ноги.

Каждый удар — как выстрел, корпус поворачивался четко, дыхание держалось ровно. Пот начал проступать на висках, но я не сбавляла темп.

— Хватит, — наконец сказал Эран, опуская лапы. — Техника чистая, но не заикливайся на шаблонах. В бою думай.

Я кивнула.

— Пять минут перерыв, — бросил он и позвал Ари — крепкую смуглую девчонку с темной стрижкой пикси.

Я сделала несколько глотков воды и вышла на ринг. Ари подпрыгивала, сжимая кулаки, будто намеревалась снести меня с первого удара. Эран встал сбоку, скрестив руки.

— Ари, без глупостей. Контролируй себя. Ты, — он ткнул в меня, — не давай ей пространства. Начали!

Ари рванула вперед, как танк, сразу выбрасывая серию прямых. Я ушла в сторону, пропуская ее кулаки мимо, и тут же врезала лоу-кик по внешней стороне ее бедра. Она качнулась, но не остановилась.

— Ари, дави! — крикнул Эран.

Я почувствовала, как она пытается загнать меня в угол. Сердце заколотилось быстрее, но я держала голову холодной. Когда Ари снова пошла в атаку, я скользнула влево, поднырнув под ее правый кулак, и всадила локоть в ее плечо. Она отшатнулась, пробормотав:

— Черт, быстро ты...

— Меньше болтай, больше бей! — рявкнул Эран.

Ари стиснула зубы и снова полезла в атаку. Она попыталась нанести удар ногой в голову, но я встретила его двойным блоком и тут же ответила сильным ударом в корпус. Ари выдохнула, отступив.

— Стойка, Ари! Не разваливайся! — рявкнул Эран. — Лиа, не расслабляйся, добивай комбинацию!

Я коротко кивнула, шагнула вперед и провела серию: джеб, кросс, лоу-кик. Ари попыталась закрыться, но последний удар снова сбил ее с ритма. Я чувствовала, как ринг вибрирует под ногами, как каждый мой шаг и удар сливаются в одно движение. Ари устала, ее дыхание стало тяжелым.

— Хватит! — Эран хлопнул в ладоши. — Ари, работай над защитой. Лиа, в атаках поувереннее.

Я сняла перчатки, вытирая пот со лба. Ари, тяжело дыша, пробормотала:

— Ты, нахрен, робот.

Я ухмыльнулась, чувствуя, как каждый мускул звенит от усталости, но внутри горел огонь. Тот самый, что не обжигает, а согревает изнутри. Три года назад я пришла сюда, чтобы стать сильнее. Теперь я была не просто сильной — я была готова ко всему.

Так я тогда думала.

Как же я чертовски ошибалась.

Приняв душ, я скрутила влажные волосы в узел на затылке и надела джинсовые бермуды с белой футболкой. К полудню мне нужно было успеть на чертову экзекуцию — формально это называлось «профориентационной программой». В реальности — всех старшеклассников на неделю сгоняли в фармцентр, чтобы показать им производство, лаборатории и цеха, а заодно заставить «подростающее поколение задуматься о своем будущем месте в системе Слоуна».

Спустя полчаса я стояла у КПП перед монструозным белым зданием. И такие здания тянулись на несколько миль по всей западной части города.

Сегодня был последний день программы, поэтому нас проводили в один из дальних цехов по сортировке сырья. Там я увидела мать, раскладывающую боксы на конвейерных лентах. В последнее время она выглядела более злой и несчастной, чем обычно.

Должно быть, почувствовав мой взгляд, она обернулась, и меня привычно сжало в комок нервов. Заметив спортивную сумку у меня на плече, она демонстративно скривила губы. За три года она так и не смирилась, что я стала ходить на секцию единоборств. С самого первого дня, как я попросила деньги на занятия, она встала в позу и наотрез отказалась спонсировать эту «пустую трату времени». Только спустя год я поняла, что она попросту испугалась, что я перестану быть слабой. Что смогу дать ей отпор. Что она потеряет власть надо мной. Такие люди, как она, понимают только язык силы. И я пошла туда, где могла эту силу найти. К слову, за эти три года она меня и пальцем не тронула. Попытка была. Один раз она замахнулась на меня, тогда я схватила ее автоматически отработанным движением за предплечье и процедила сквозь зубы, что если она посмеет ударить меня, я дам сдачи. Я до сих пор помню ее округлившиеся глаза и сладкое ощущение триумфа, разливающееся по венам.

Тем не менее страх по отношению к матери, поселившийся в моей душе в детстве и с годами пустивший толстые корни, было ничем не вытравить. Я все так же сжималась при виде нее в ожидании удара или грубого слова.

Деньги на занятия мне давала Надин. Они стоили не слишком дорого, поэтому мы вполне могли себе это позволить даже с учетом постоянных трат на лекарства для Надин. Последний год мать хорошо зарабатывала, и нам на все хватало, хоть мне и приходилось выслушивать регулярные тирады: «Ты неблагодарная тварь!» и «Ты хоть знаешь, каким трудом мне достаются эти деньги, чтобы ты ни в чем не нуждалась?!». Сначала я испытывала глубокую вину

за то, что матери приходилось пахать до седьмого пота, но спустя время стала пропускать ее истеричные вопли мимо ушей и мимо сердца. Если о чем-то часто и громко кричать, это теряет свою ценность.

К счастью, Надин чувствовала себя хорошо. Благодаря лекарствам болезнь не прогрессировала, и я почти забыла о том, что ба вообще поставили такой диагноз.

После итогового теста мы со Скарлетт встретились в кафетерии на первом этаже. Я терпеливо выслушивала ее нытье о бесполезно потраченных днях в фармцентре, попутно сметая всю еду со своего подноса. После утренней тренировки я была готова съесть слона.

— Вы уже слышали?

Я не успела донести сэндвич до рта, когда Дэнни навис над нашим столом.

— Слышали что? — спросила Скарлетт и откинула длинные рыжие волны на спину.

— У Брауна сегодня свадьба, — Дэнни подвинул мой рюкзак и сел рядом, нагло отпив йогурт из моего пакета. — Говорят, приедет больше сотни гостей из других городов!

— И?.. — я откусила сэндвич.

— Предлагаю сходить посмотреть.

— Каким образом? — заинтересованно подалась вперед Скарлетт, и ее многочисленные серебряные украшения брякнули о стол.

— Лиам и Рами знают место, с которого открывается вид на резиденцию Брауна. Предлагают пробраться туда вечером.

Услышав имя Лиамы, я чуть не откусила язык вместо сэндвича. Все органы в моем животе сделали кувырок, а лицо накрыло жаром.

— Я за! — глаза Скарлетт загорелись.

— Я пас!

Мы переглянулись. Она отправила мне «вообще не удивлена» взгляд.

— Почему нет? — Дэнни встряхнул голубую футболку на груди. Кондиционер в огромном кафетерии не справлялся с жарой. — Там будет твой любимый Лиам...

— Заткнись! — шикнула я и завертела головой, проверяя, никто ли не услышал. — Какого черта так громко?

— Прости, — тише сказал он. — Пойдем, будет весело.

Я ковыряла салатный лист и думала.

— Откуда хотите смотреть на праздник? — уточнила Скарлетт.

— С Башни Сияния.

— Вы в своем уме? — я сдвинула брови. — Она же совсем рядом с поместьем Брауна, ее постоянно патрулируют.

— Лиам сказал, что все пройдет гладко.

— Хм...

— Парни знают, что ты нас позвал? — спросила Скарлетт.

— Ну, разумеется. Вообще-то... — Дэнни заметно замялся, — это Лиам предложил пригласить вас.

Я вся встrepенулась.

Скарлетт уставилась на меня, играя бровями.

— Пойдем, будет интересно посмотреть, — завлекающим тоном сказала она.

Кажется, все затаили дыхание в ожидании моего ответа, даже я.

— Во сколько встречаемся? — не задумываясь о последствиях своего спонтанного решения, поинтересовалась я.

— Да, черт возьми! — победно воскликнула Скарлетт на весь кафетерий.

— В девять у Башни, — как-то натянуто улыбнулся Дэнни. — До встречи!

Он поправил лямку рюкзака и ретировался.

Проводив его взглядом, я тяжело вздохнула:

— Не могу поверить, что опять соглашаюсь на ваши идиотские затеи.

— Эй, в этот раз это не моя затея! И она не идиотская, — Скарлетт наклонилась ко мне, взяла две булочки с моего подноса и заговорщическим тоном продолжила: — Разве не круто? Ты, Лиам, ночное приключение, — она соединила сдобные бока и «попрыгала» ими на краю тарелки.

— Прекрати! — я шлепнула ее по рукам, засмеявшись.

Наш смех резко стих, когда за соседний столик села Ру. Она бы ни за что не сделала этого, если бы не заполненный битком зал. Ее светлые волосы висели, закрывая лицо, словно шторой.

Мы со Скарлетт переглянулись и в напряженном молчании стали доедать обед. Я только делала вид, что ковыряюсь в тарелке, потому что мне больше кусок в горло не лез.

С бешеным стуком сердца, отдающим наковальней в ушах, я выбралась из окна комнаты во двор и, пригнувшись, побежала к калитке. Сумерки только-только опускались на город, до комендантского часа оставалось пятьдесят минут, за которые мне нужно было успеть добежать до заброшенной высотки в центре города и не вспотеть, чтобы потом не красоваться перед Лиамом в виде мокрой курицы.

Выбрав самый короткий путь, я нырнула на оживленную улицу и сразу же попала в какофонию звуков и запахов. Увернувшись от тележки мороженщика, я юркнула в очередной узкий переулочек, где наткнулась на Мрачного. Боец шагал в броне графитового цвета, а серебристые рукояти бесчисленных ножей сверкали на его бедрах. Заметив мой заинтересованный взгляд, он ехидно улыбнулся. Я побежала дальше.

Не прошло и пяти минут, как мне встретились безопасности. При виде них я неизменно сбавляла темп и проходила мимо с равнодушно-незаинтересованным лицом.

С того дня я никогда не смотрела им в лица, поскольку боялась, что сделаю с ублюдками, если увижу их мерзкие морды, так часто мучившие меня в кошмарах.

Хоть в центре и не было таких густых кленовых насаждений, как ближе к окраинам, из-за высоких домов, отбрасывающих тени, бежать было вполне комфортно. Благодаря регулярным утренним тренировкам у меня почти не подскакивал пульс, и в среднем темпе я могла бежать довольно долго, не пропитывая одежду галлоном пота. Было бы жалко испортить коричневый топ на тонких бретельках, выгодно подчеркивающий мою талию за счет боковых сборок.

Ровно в девять мы с Дэнни и Скарлетт встретились у самого высокого здания Слоуна — Башни Сияния. Во времена Старого мира в ней жили богачи, а само здание переливалось тысячей огней, за что и получило такое название.

Бетонная крошка и другой строительный мусор хрустели под ногами, пока мы пробирались через разрушенную стойку ресепшена, которая загораживала проход к этажам.

Мы перелезли через нее и попали в небольшой холл.

— Смотрите! — тихо воскликнула Скарлетт и показала на старый автомат, валяющийся у стены. Наклонившись, она вытащила из разбитой витрины батончик, повертела его в руках и поднесла к глазам.

— Срок годности вышел в пятьдесят шестом!

— Хочешь попробовать? — засмеялась я.

— Ни за что!

— А я бы попробовал, — Дэнни подошел к нам.

— Ты потом с толчка не слезешь, — я взяла батончик у Скарлетт и передала ему.

— Вот и проверим!

Он вскрыл упаковку и показал нам шоколад с белесым налетом.

— Фу, выглядит мерзко, — скривилась Скарлетт.

— Может, не стоит?

— Да ладно вам.

Дэнни смачно откусил сразу половину и, немного пожевав, карикатурно скривился и выплюнул коричневую массу себе под ноги. Мы со Скарлетт прыснули от смеха.

— Какая гадость! — с рвотными позывами Дэнни пытался выплюнуть остатки.

— Я же говорила! — хохотала Скарлетт, хватаясь за живот.

Мы резко замолчали, потому что услышали шум.

Дэнни приложил палец к губам и указал нам на дряхлые, изжеванные временем диваны рядом с автоматом. Как можно бесшумнее, мы со Скарлетт спрятались за высокими спинками. Выглянув сбоку, я увидела, как Дэнни подкрался к выходу из холла и выглянул за угол.

В носу резко защекотало от пыльной обивки, пришлось с силой потереть переносицу, чтобы не чихнуть.

— Это наши, — успокоил он.

Больше не сдерживаясь, я громко чихнула, из-за чего все вздрогнули и с удивлением вылипились на меня. В том числе Лиам, только что вошедший в холл.

Я моментально залилась краской до кончиков пальцев ног. Лиам выглядел как воплощение красоты: широкоплеч, высок, каштановые волосы с медным отливом уложены в аккуратную прическу. Его мягкие черты лица привычно сияли каким-то особенным внутренним светом. Зеленые глаза, кажущиеся почти черными при тусклом освещении, оглядывали меня с головы до ног.

По непонятной причине мы не поприветствовали друг друга, а когда ко мне вернулся дар речи и я открыла рот, в холл ввалились Рами, Робин и... Клэр?!

— Какого... — начала я, но Скарлетт меня перебила:

— А она что здесь делает? — она нагло ткнула пальцем в фигуристую брюнетку.

— Ты совсем охренела, Кавана? — недовольно отозвалась та.

— Кто из вас, тупых идиотов, ее позвал? — Скарлетт скользила взглядом по лицам парней, демонстративно игнорируя Клэр.

— Она уфлышала наш разговор и захотела ф нами, — вступился Робин.

А говорят, что девчонки трепло...

— И ты, придурок, конечно же согласился! — не унималась Скарлетт.

— А что такого?

— Так! — Лиам поднял руки, останавливая перепалку. — Ничего страшного в том, что здесь Клэр, нет. Мы не договаривались о запрете приглашать кого-то еще.

Робин с приоткрытым беззубым ртом тихо поддакивал.

Клэр смотрела сияющими глазами и кивала на каждое его слово. Меня полоснуло по сердцу, что он вступился за нее. Остальным, судя по всему, на присутствие этой идиотки было плевать, потому что Рами, трясая длинными волосами, пытался проломить голову Дэнни старой пластиковой трубой. Дэнни ржал и уворачивался, пытаясь противостоять рыжей громиле деревянной балкой.

— Эй, тише вы! — я сделала замечание парням. — Нас же могут услышать!

Они остановились и встали бок о бок, опустив оружие, как два провинившихся мальчишки. При этом Рами еще раз легко ударил трубой по балке Дэнни, и тот нанес ответный удар. Они снова разразились смехом. Дэнни с опаской посмотрел на меня. Я приподняла брови.

— Все, завязывай! — шепнул он Рами.

Меня страшно раздражало, что в компании парней Дэнни превращался в аборигена. Со мной он так себя не вел.

Мы случайно столкнулись взглядами с Рами, и я отвела свой в сторону. Мне до сих пор было дискомфортно рядом с ним, поскольку я не знала, рассказала ли ему Ру что-то о том вечере.

— Все скоро начнется, надо подняться на десятый этаж, — Лиам указал пальцем вверх. — Оттуда будет хороший обзор на задний двор Брауна.

Дэнни бросил балку на диван и пошел к лестнице, ведущей наверх.

Я громко сглотнула, гипнотизируя сгущающуюся тьму впереди.

— Только идем тихо, на некоторых этажах окна разбиты, и нас могут услышать с улицы. По всей округе шныряют патрули, нас чуть не заметили, когда мы сюда заходили, — Лиам обвел нас глазами.

К сожалению, его взгляд не задержался на мне. В груди кольнуло.

На лестнице практически не было мусора, только бетонная крошка, шприцы и фантики от еды. Никто не произносил ни звука, пока мы не увидели цифру «десять» на облупившейся стене.

— Я фейчаф задохнуфь!

— Говорил тебе, надо заниматься, — отчитал его Рами, дыхание которого даже на малость не сбилось. Они с Лиамом вместе ходили в тренажерный зал, поэтому, когда я обернулась и взглянула на Лиам, он так же уверенно и спокойно шагнул наверх. Прошло время, когда меня удивляло, что такие парни, как Рами и Лиам, таскаются со странным Робин. Их неожиданная дружба случилась недавно. Все в школе знали, что Робин из детского дома, и к нему никто особо не лез. У нас регулярно проводились программы по борьбе с буллингом, в школе при приюте такого не было, и над Робин издевались... До тех пор, пока не вмешались Рами и Лиам. Их тренажерный зал находился в районе приюта. На чем основывалась эта дружба, мне было непонятно, но Робин неустанно таскался за своими альфа-товарищами.

Стоило мне отвернуться и преодолеть последнюю ступень, как сзади раздался вскрик.

— Ай! — Согнувшись пополам, Клэр держалась за ногу.

Робин и Лиам сразу же подошли ближе.

— У меня кровь! — истерила придурочная.

Лиам достал бумажный платок из кармана и начал протирать ее рану:

— Ничего страшного, всего лишь царапина.

— Спасибо... Просто сильно ударились... Поможешь мне подняться?

Сказав это, она нарочито проигнорировала протянутые руки Робина и вцепилась в локоть Лиам, который без слов повел ее наверх.

— Вот тупорылая овца, — тихо пробурчала стоящая рядом Скарлетт.

Полностью поддерживаю.

Клэр училась в одном классе с Дэнни, Лиамом и Рами. Нам со Скарлетт она никогда не нравилась, потому что подкатывала ко всем парням — свободным и занятым. В прошлом году она нацелилась на Дэнни, но тот быстро дал ей от ворот поворот. Теперь вот жертвой ее внимания стал мой Лиам.

Мы прошли вглубь этажа, и Дэнни завернул налево в заброшенную квартиру.

— Нет, не сюда. Эти окна выходят на восток, дом Брауна на западной стороне, — остановил его Лиам, ведущий под руку Клэр.

— Ты уже был здесь? — поинтересовалась я.

— Да, иногда захоживаю. Нам сюда, — он указал на третью дверь справа дальше по коридору.

Зайдя внутрь, мы попали в чертовски роскошную квартиру. То, что это была квартира обеспеченного человека, было понятно даже в темноте.

— Вот это хоромы! — присвистнул Рами.

— Здесь даже бильярдный стол есть! — обрадовалась Скарлетт и прошла в соседнюю комнату, где спустя несколько секунд послышались глухие удары кия по шарам.

— Я тоже хочу фыгать! — последовал за ней Робин, вытирая рукавом худи пот, струящийся по второму подбородку.

Все разбрелись в разные части большой пятикомнатной квартиры, только я, Лиам и Клэр остались в просторной гостиной.

— Посиди пока здесь. — Лиам одной рукой поднял кожаное кресло и стряхнул с него облако пыли, после чего аккуратно опустил в него Клэр. Та начала притворно ныть, потирая ногу.

«Как же ты достала», — закатив глаза, подумала я, резко развернулась и зашагала в другую комнату, которая оказалась спальней в теплых тонах. На кровати лежало светлое велюровое покрывало с золотой окантовкой и небрежно брошенный шелковый розовый халат. Интересно, его хозяйка жива? Быть может, сорок пять лет назад она спряталась от зараженных в другом городе, потому что бежала к родственникам, и поэтому не забрала свои вещи. Я повернулась к другой стене, на которой висело огромное цветочное панно. Странно, что квартира так хорошо сохранилась. В первые годы после Пыли большинство домов разорили мародеры. Здесь же царили роскошь и комфорт практически в первозданном виде. Только большой слой пыли на поверхностях и грязные следы на дорогом паркете говорили о том, что здесь давно никто не живет.

Я услышала, как кто-то тихо вошел в комнату. Это был Лиам. В мои ноги и руки вдруг вонзились тысячи маленьких иголок.

— Привет, — шепнул он, проходя мимо.

В этом не было ничего романтического, но при звуке этого коротенького слова мое сердце исполнило сальто.

Лиам уже отодвинул гардины и выглядывал в окно, когда я подошла к нему на онемевших ногах и спросила:

— Что-нибудь видно?

— Лучше смотреть из гостиной.

Он отпустил гардину и повернулся.

Мы оказались слишком близко друг к другу, так что я резко отшатнулась.

Ну вот. Снова я вела себя как законченная идиотка...

Не на шутку смутившись, я вернулась в гостиную, слыша, как Лиам следует за мной.

Все ребята уже столпились у панорамных окон и смотрели на улицу сквозь жалюзи.

— Мне ничего не видно! — закапризничала Клэр, как только заметила Лиаму за моей спиной.

Робин находился к ней ближе, поэтому подвинул ее к окну.

— Не против, ефли я фяду фюда? — спросил Робин, указывая на широкий подлокотник.

Клэр лишь равнодушно махнула.

Лиам и Дэнни встали с левого края окна, далее Клэр и Робин на кресле, потом Рами и, наконец, у самого правого края окна — Скарлетт.

Я села между ней и Рами и выглянула сквозь щели в жалюзи. Большой двор резиденции Брауна утопал в мягком свете тысяч свечей, расставленных в стеклянных фонарях. Они висели на деревьях вдоль кованой ограды. Повсюду стояли живые цветы — белые лилии и пионы, а с деревянных шпалер свисали гирлянды. У меня замерло в груди от красоты, когда я увидела молодоженов в центре круглой сцены из полированного дерева. Кристофер Браун в свои пятьдесят был красивым мужчиной. Серые глаза, седые гладко уложенные волосы и борода выгодно подчеркивали его смуглую кожу. Он был в роскошном черном смокинге с бабочкой. Невеста — брюнетка с шикарной волной густых волос — улыбалась новоиспеченному мужу, держа в руках подол своего пышного кремового платья, усыпанного тысячей переливающихся камней.

«Я тоже хочу такое платье», — пронеслось у меня в голове.

Молодожены смотрели представление на площадке перед сценой. Зрелище было такое невероятное, что у окна воцарилась гробовая тишина, нарушаемая доносящейся с праздника музыкой. Все с восхищением наблюдали, как группа акробатов в ярких одеждах выполняла трюки на натянутых между деревьями канатах. Они крутились в воздухе, зависая на страховке,

и сотни гостей в элегантных платьях и костюмах с восторгом аплодировали им. Я дернулась, потому что хотела тоже похлопать. Скарлетт улыбнулась, заметив это.

— Нихрена себе! — У меня отпала челюсть. — Это что, тигры?!

В пространство под акробатами вышли два белых хищника.

— Охренеть... — вторила Скарлетт.

— Они совсем, что ли, поехавшие?

— А по-моему, круто, — раздался голос Рами.

— Мучить животных — это не круто, — возразила я, повернувшись к нему.

— Не похоже, что они страдают.

— Ты хоть знаешь, как диких животных заставляют выступать?

Рами отодвинулся от жалюзи и посмотрел на меня.

— Их бьют током... И палками... Животные знают, что их ждет наказание, если они не выполняют трюк.

— Я не знал.

— Теперь знаешь.

Я заметила, как Клэр, сидящая за Рами, закатила глаза и скорчила гримасу.

— Какая же ты зануда, Лиа, — произнесла она, пойманная моим взглядом.

— О, прости, Клэр, — оскалилась я. — Хочешь, спущусь на твой уровень интеллекта и поговорю с тобой о чем-нибудь попроще? Раз другие темы даются тебе тяжело.

Послышались смешки, и Клэр с кислой миной отвернулась к окну. Дэнни, не поднимая головы, прилепился к пластиковым рейкам, похоже, даже не слушая нас. Я хотела было вернуться к лицемерию праздника, но столкнулась взглядом с Лиамом, который стоял дальше всех. В его глазах отражались разноцветные огни праздника и восхищение. Он улыбнулся мне и кивнул, заставив струны моей души сложиться во что-то замысловатое и начать наигрывать мелодию. И, черт побери, это был истинный музыкальный шедевр!

Я улыбнулась в ответ, чувствуя, как краснеет лицо. Отвернувшись, я попыталась сохранить невозмутимый вид, ощущая взгляд Лиама на себе. Дышать становилось все трудней, но он вовремя отвернулся, не дав мне задохнуться.

— Клэр, ты чего? Тебе что, не нравится? — подал голос Робин.

— Я думала, будет помасштабнее, — буркнула она.

— Мафтабнее? Куда еще мафтабнее?

— Папа говорит, что лучшие представления и праздники в Ластхевене, не то что этот детский сад, — надменно выдала Клэр.

— А мои предки считают, что Ластхевен — это Содом и Гоморра, и порядочным людям там делать нечего, — вставил Рами, погладив широкий подбородок, поросший первыми рыжеватыми волосами.

— Содом и что?

— Не бери в голову, — улыбнулся он вылупившейся на него Клэр и вернул взгляд к окну.

Я прикусила щеки, чтобы не рассмеяться.

Господи, какая же она тупая.

— Патрули! — громко сказала Скарлетт.

Я прильнула к жалюзи и увидела, как в Башню заходят четверо безопасников.

Твою мать!

Глава 7

Мы одновременно отпрянули от окна и поднялись на ноги. Даже Клэр, которая полчаса была из-за ноги, вскочила, как ни в чем не бывало. Я не успела разозлиться на нее, потому что меня захлестнул страх быть пойманной.

— Что будем делать? — Скарлетт старалась говорить ровно, но я слышала легкую хрипотцу в ее голосе, выдающую волнение.

— Нужно спрятаться! — уверенно начал Лиам. — Разделимся, чтобы в случае чего нас всех не поймали. Я и Лиа пойдем на крышу, — он посмотрел на Рами, — вы с Робинотом, помогите Клэр спуститься на этаж ниже, там есть подсобка, спрячьтесь там. Томс, — Лиам перевел взгляд на Томса, — вы со Скарлетт пойдете с нами наверх, спрячетесь у лифтов.

— Почему это ты идешь с Лиа? — вдруг возмутился Дэнни.

— Это проблема? — Лиам вскинул бровь.

— Да, я ее друг.

— С сегодняшнего дня я тоже ее друг. Еще вопросы?

Дэнни бросил вопрошающий взгляд на меня.

— Черт, парни, на это нет времени, — осадил Рами. — Роб, бери ее под руки и пошли. Робин тут же схватился за локоть Клэр, но стерва с отвращением вырвала руку и рывнула:

— Я сама!

Бедный парень опешил и сразу отошел на полшага, после чего они скрылись за входной дверью. Мы побежали следом, разминувшись на лестничном пролете. Этажами выше на лестнице было гораздо больше обломков, которые затрудняли нам путь. Снизу уже доносился басистый смех одного из патрульных и галдеж его коллег.

На тринадцатом этаже Лиам остановил Дэнни за рукав кофты и показал на лифтовой холл:

— Туда!

Стоило друзьям скрыться в темноте, как Лиам уверенно взял меня за руку и потянул наверх. Моя кожа буквально загорелась, как и я сама! К сожалению, он не дал мне вдоволь прочувствовать момент первого тактильного контакта, увлекая меня выше и выше. Лиам ловко перепрыгивал обломки и мусор, как будто точно знал, где что находится. Когда на одном из пролетов возник огромный диван, он, не задумываясь, запрыгнул на него и притянул меня к себе за талию. На секунду я потеряла равновесие и ткнулась носом в его грудь.

Как же вкусно он пахнет...

Цитрусом и черным перцем...

Лиам быстро вернул меня в исходное положение, и мы побежали дальше. На шестнадцатом этаже я уже выплевывала свои легкие. Не то чтобы пробежка по шести этажам была для меня сверхнагрузкой, скорее проблема заключалась в Лиае. Из-за него мои вены были накачаны адреналином, и поэтому предательский пульс подскакивал до критических значений.

Я слышала напряженные голоса патрульных примерно на девятом этаже, и сердце подпрыгнуло в район горла.

— Все будет хорошо, не бойся, — Лиам посмотрел на меня и сжал мою руку, после чего отпустил, чтобы открыть тяжелую дверь, которая выходила на крышу. Выскочив на поверхность, он как можно тише задвинул металлическую дверь и снова взял меня за руку, чтобы потянуть налево. Мы бежали между столиками и стульями под рваным навесом, пока не завернули в темный угол за ржавыми вентиляционными трубами. В стене было небольшое углубление, в которое мы еле поместились вдвоем. Я прижалась всем телом к нему и чувствовала

над ухом его рваное дыхание. Сама я дышала, как будто вот-вот сдохну. В нос ударил парфюм вперемешку с потом — головокружительное сочетание. От него у меня подкосились ноги.

Я уже не думала о патрульных, все мысли занимало то, как каждый изгиб Лиамы повторял мой, как было приятно быть с ним здесь и сейчас. Я не стала отказывать себе в удовольствии и положила голову ему на грудь. Его сердце быстро, но равномерно стучало, отдаваясь приятной вибрацией в каждой клеточке моего тела.

«Ничего лучше в жизни не испытывала!» — так я думала, пока он вдруг не обнял меня и не притянул ближе.

Я задохнулась от шока.

Или я умру, или у меня случится обморок. Что-то точно произойдет...

Неожиданно для себя, я обняла его в ответ. И тогда он наклонил голову, коснулся губами моего уха и прошептал:

— Не бойся, я рядом.

После такого и умереть не страшно... В совершенных руках совершенного Лиама в совершенно несовершенных обстоятельствах.

Мы постояли так пару минут, вслушиваясь в окружающие звуки. Отсюда доносились только людской гул, музыка с праздника и редкий шум автомобилей.

— Что это за место? — робко спросила я.

— Тут раньше был видовой ресторан, — зашептал Лиам, щекоча мне ухо.

Я встрепелась от табуна мурашек.

— Ты часто здесь бываешь?

— Иногда прихожу подумать.

— Подумать? — тихо переспросила я, стараясь не выдать дрожь в голосе.

Он чуть отстранился, чтобы посмотреть на меня, но не разжал объятий. В полумраке его изумрудные глаза поблескивали.

— Слоун такой тесный, иногда... хочется пространства, уединиться, подумать о разном, — он помедлил, будто подбирая слова, — о том, как все было до... Ну, до этого мира. О том, что будет дальше, и... о тебе.

Сердце заколотилось быстрее.

— Обо мне? — Мой голос дрогнул, а щеки вспыхнули. — Что именно?

Лиам усмехнулся, его теплое дыхание коснулось моего лица.

— Например, как ты мило трогаешь цепочку на шее, когда нервничаешь... Как красиво смеешься и как... эм... женственно заправляешь волосы за уши, читая книгу... Как выковыриваешь изюм из булочек, складываешь его на салфетку и с отвращением смотришь, как Скарлетт съедает его, — он тихо засмеялся, и я подхватила. Для меня стало неожиданностью, что он так часто за мной наблюдал и подмечал столько деталей. — И как ты смотришь на все это... — он кивнул в сторону, откуда доносилась музыка, — с искренним восторгом, как будто видишь что-то, чего я не замечаю. Ты особенная. Не такая, как все.

Последнюю фразу он произнес, глядя мне прямо в глаза.

Внутри меня взорвались фейерверки!

Парень моей мечты сказал, что я особенная!

Ущипните меня!

Лиам ласково убрал мои волосы за ухо и приблизился к моему лицу. Я не успела ничего осознать, как его теплые губы коснулись моих.

Земля ушла из-под ног!

Поцелуй был нежный, почти невесомый, как хрупкое прикосновение крыльев бабочки.

Я ждала этого всю жизнь! И мне было этого мало!

Да, у нас был не совсем удобный угол для поцелуя, но мне так отчаянно хотелось взрослого и настоящего поцелуя, что я бы согласилась на пожизненные боли в шее, если такова была

цена. Поднявшись на носочки, я сильнее прижалась к его губам, чтобы он понял, насколько небезразличен мне, как важны были его признания.

Я почувствовала, как кончик его языка проникает внутрь, и ответила тем же. Лиам глухо застонал мне в рот, от этого звука мои ноги подкосились от восторга.

Все страхи, мысли и сомнения вылетели из головы. Остались только мы, в этом тесном углу, где ржавые трубы и тьма становились свидетелями чего-то большего, чем просто ночное приключение.

Громкий лязг двери вмиг разрушил интимную атмосферу. Я в испуге отстранилась. Мы пытались вглядываться друг в друга в темноте и шумно дышали.

На крыше слышались глухие шаги.

Лиам взял мою горячую руку и сжал. Синхронно повернув головы вправо, мы увидели, как лучи фонарей освещают пространство катастрофически близко к нам.

— Я что-то слышал! — раздался голос безопасника.

— Нам нужно уходить, — еле слышно шепнул Лиам прямо в ухо, — доверься мне, ладно?

Я кивнула, и он потянул меня за руку из нашего укрытия. Мы повернули налево, зашли за угол, и Лиам вдруг опустился у края крыши.

Что? Куда?

Голоса патрульных были слышны все ближе. Паника захлестывала! Если мы попадемся, нас будут публично отчитывать на собрании района, выпишут гигантский штраф родителям и отправят на общественные работы. Мама меня точно убьет!

— Спускайся на пятнадцатый и залезай на балкон, — Лиам указал на пожарную лестницу.

Мои глаза от шока вылезли из орбит.

— Что? Нет! Ни за что! Мы разобьемся!

— У нас нет другого выхода, — растерянно смотрел Лиам.

— Я не смогу!

— Придется!

— Давай ты первый?

— Нет, ты пойдешь первая.

— Почему я?!

— Если нас заметят, успеешь убежать!

Сидя на корточках, я посмотрела вниз, и у меня закружилась голова.

Нет, нет и еще раз нет!

Я точно не смогу!

Мне хотелось расплакаться от страха.

Лиам привлек мое внимание, дотронувшись до плеча:

— У тебя получится, давай! Просто не смотри вниз, крепко держись за лестницу и не делай резких движений, поняла? Балкон прямо рядом с лестницей.

— Иди первый! — умоляюще посмотрела я.

— Детка, я без тебя не пойду!

Мой рот приоткрылся, потому что это единственная часть моего тела, сохранившая способность двигаться.

Он назвал меня деткой!

А потом крепко поцеловал!

Мгновение счастья вновь нарушила чертова опасность, поджидающая нас за углом. Мне показалось, что безопасник выходит из-за угла здания, и я резко повернула голову, разорвав поцелуй первой. Голова Лиамы метнулась следом, при этом он схватил меня за руку и уже почти дернул себе за спину, когда я на выдохе прошептала:

— Показалось!

Лиам взял мое лицо в ладони и напряженно произнес:

— Мне нужно, чтобы ты сейчас собралась.

Дыши. Просто дыши. Постарайся успокоиться.

Я кивнула, и Лиам убрал руки.

— Давай, ты справишься!

Я вытерла мокрые ладони о джинсы и трясущимися руками схватилась за холодный металл. Поставила одну ногу, вторую, и начала спускаться.

— Умница, давай! — шептал сверху Лиам.

На середине пути у меня внезапно затряслись все конечности от перенапряжения, я всхлипнула, прижавшись ближе к лестнице, уговаривая себя не смотреть вниз. Мне снова приходилось лезть в темноту, как несколько лет назад, но тогда подо мной не было пустоты высотой в пятнадцать этажей! Буквально приказывая себе переставлять конечности, я кое-как добралась до балкона и только тогда заметила, что Лиам лезет сверху. Я опустила голову, потому что в глаза сыпалась грязь с его кроссовок. Перенесла ногу на выступ балкона, отцепила одну руку, схватилась ею за узкую колонну и прыгнула на бетонный пол, тут же упав на четвереньки.

Господи, меня сейчас вырвет!

Я пыталась прийти в себя, когда Лиам прыгнул сзади и через секунду опустился передо мной на колени.

— Ты как?

Я помотала головой, не зная, что хотела этим сказать.

— Прости, я бы дал тебе время, но нам нужно убираться отсюда, — он рывком поднял меня за талию и завел в темноту квартиры.

Здесь не было мебели, только голые бетонные стены, от которых гулко отражались наши шаги. Подбежав к выходу из апартаментов, мы успели сделать всего один шаг через порог, как по всей Башне разнесся оглушительный писк пожарной сирены.

Лиам пихнул меня обратно внутрь и закрыл дверь.

— Черт!

Я прочитала это по его губам.

«Внимание! Пожарная тревога! Всем покинуть здание согласно плану эвакуации».

— Это еще что за хрень?! — воскликнула я, пытаюсь перекрычать звуковое оповещение.

Лиам начал метаться, взъерошивая в темноте копну шоколадно-черных волос.

— Так, сиди здесь, — приказал он и схватился за дверную ручку.

— Ты куда?

— Проверю, где патрульные.

— Не оставляй меня здесь одну!

— Я приду через пару минут!

— Я пойду с тобой!

— Нет, ты останешься здесь! — он резко мотнул головой.

— А если пожар?!

— Я вернусь за тобой!

— Пойдем вместе?

— Будь тут, — приказал он и быстро вышел.

Я вперилась взглядом в закрытую дверь и зажала уши — сигналка орала так, что вот-вот лопнут барабанные перепонки. Чтобы немного отвлечься от нарастающей боли в голове, я начала ходить вперед-назад.

Нам конец... Конец! Мы сгорим! Или нас поймают безопасники!

Дверь открылась, и я сразу кинулась к вошедшему. Лиам поймал меня за локти, посмотрел в бешеные глаза и крикнул:

— А если бы это был не я?

Я тупо уставилась. Даже не подумала об этом.

— Патрульные пошли вниз, давай за ними.

— Может, лучше тут отсидеться?

— А если правда пожар?

Точно. Почему я веду себя как тупоголовая идиотка? Стало стыдно.

— Пошли!

Мы выскользнули из пустой квартиры и, взявшись за руки, стали спускаться. Лиам ловил меня после каждого препятствия и постоянно оборачивался, проверяя, все ли со мной хорошо. Я твердо решила перестать быть обузой и внимательно смотрела в темноте под ноги. Пробежав в сумасшедшем темпе несколько лестничных пролетов, когда я с грохотом прыгивала с последних ступеней на седьмом этаже, сигнал тревоги резко заглох.

Лиам выставил свободную руку, и мы резко остановились.

Я пыхтела, как загнанная лошадь, пытаюсь услышать что-то, кроме своего дыхания и звона в ушах. В голове был будто вакуум. Придя в себя, я поняла, что вокруг нет никаких звуков, даже музыки из дома Брауна.

По команде Лиам мы продолжили спускаться, ступая, как мышки, и еще осторожнее выбирая, куда поставить ногу. Изредка тишину разрезал хруст бетонной крошки, и мы замирали.

Уже подходя к первому этажу, из-за поворота в нас что-то с размахом врезалось. Лиам принял удар на себя, мгновенно оттолкнув меня назад, а сам начал бить противника кулаками. В темноте было почти не разобрать, что происходит. Я видела лишь два силуэта. Лиам повалил человека на землю и уже занес кулак для следующего удара, как противник заверещал:

— Это я!

Лиам замер.

— Твою мать, Робин?!

— Мой ноф!

Лиам резко встал и поднял друга на ноги. Я тоже подошла ближе.

— Зачем так вылетать из-за угла?

— Я профто шел за вами! — воскликнул перепуганный Робин, зажимая переносицу.

— Ты в порядке? — спросила я.

— Нет! У меня флабые нофовые фифуды! — Робин вытирал черные ручейки под разбитым носом.

— Черт, Роб, прости! Я не знал, что это ты, — Лиам снял толстовку и дал другу, чтобы тот зажал нос.

— Вфе нормально, — отмахнулся он.

— Зажми, испачкаешь футболку, — настоял Лиам, и Робин приложил ткань к лицу.

— Где остальные? — я посмотрела за спину Робина.

— В холле, — он указал пальцем назад, — патрульные выключили фирену и ушли.

Слава богу...

— Почему сработала тревога?

— Клэр флучайно включила.

— В смысле?

— В подфобке... — Робин убрал пропитанный кровью рукав толстовки от лица и приложил новую чистую часть, — Клэр немного разнервничалафь...

— Что значит разнервничалась? — Лиам и я переглянулись.

— Ей фтало фтрашно в темноте, — Робин снова приложил сухой участок кофты к носу и сделал вдох-выдох ртом.

Господи, у него реально слабые сосуды. Откуда столько кровищи?

— Поэтому она дофтала зажигалку... — продолжил он, переведя дыхание, — и когда зажгла ее, оказалось, что в подфобке хранилифь какие-то штуки для украшения, ну типа фухие ветки для ваз, поняли? Ну, и... пых! — Робин округлил глаза и показал рукой «взрыв».

Я сделала глубокий вдох и выдох. Лиам поднял голову наверх и двумя руками обхватил голову, водя ими туда-сюда по волосам.

— Она не виновата! Мы быфтро вфе потушили, но дыма было фтолько, что фработала фигнализация.

Злость забурила в моем животе, но ее тут же погасила рука Лиама, которая по-свойски обхватила меня и прижала к разгоряченному бегом телу.

Я забыла о Клэр, пожарной тревоге и вообще обо всем гребаном мире.

— Ладно, пойдемте к остальным, — Лиам все же напомнил о существовании других людей, и мы пошли в главный холл.

Я оглядела всех и с облегчением выдохнула.

Все на месте.

Скарлетт и Клэр сидели на зеленом диване, Рами на подлокотнике, а Дэнни метался. Он резко повернулся, когда услышал нас, и нашел меня взглядом.

— Ты в порядке?

— Да, — кивнула я.

Секунда, и его взгляд метнулся к руке Лиама на моем плече. Лицо тут же превратилось в маску. Мне стало жутко неловко.

— Черт, Роб, что с носом? — Рами забрал наше внимание, когда оттеснил Дэнни и встал напротив Робина.

— Мне Лиам пропифал!

— Чего? — Рами озадаченно посмотрел на Лиама.

— Все было не совсем так! — Тот поднял руку в защитном жесте. — Я не знал, что это он!

— У него же сосуды слабые! — упрекнул Рами.

— Я знаю, но я же случайно!

Мягко погладив меня по голому плечу, Лиам отошел к друзьям, чтобы прояснить ситуацию. А я двинулась к Скарлетт, которая уже вскочила с дивана и шла ко мне навстречу.

— Ты как, нормально? — я вгляделась в синие глаза подруги.

— Все путем, мы спрятались за лифтами. А когда уроды пошли наверх, то тихо спустились и спрятались за автоматами. Ты в курсе, что тревога сработала из-за этой? — Скарлетт бесцеремонно ткнула пальцем в сидящую на диване Клэр, которая в это время жевала жвачку и смотрела на парней, точнее на одного парня — на Лиама.

— Сама ты «эта», Кавана! — огрызнулась она.

— Эта чокнутая чуть не спалила Рами и Робина. Причем в прямом и переносном смысле.

— Сама ты чокнутая! И я сказала, что не специально!

— Да, Робин рассказал, — кивнула я, наслаждаясь, как Скарлетт оскорбляет Клэр, ни разу не удостоив ее взглядом.

— Мы слышали, как безопасники поднялись на крышу! Как вас не заметили? — продолжила Скарлетт.

— Мы спустились по пожарной лестнице.

— Которая снаружи?! — она вылупилась на меня, убирая рыжую прядь за ухо.

Я кивнула.

— Как ты на такое согласилась?! — Скарлетт расплылась в неверящей улыбке.

— О! Ты бы меня видела! Я ныла там, как кретинка...

— Ее даже почти не пришлось уговаривать! — перебил Лиам, подошедший сзади. Я обернулась, и он тепло улыбнулся мне. — Она буквально влетела на лестницу и спасла нас.

— Ни за что не поверю! — засмеялась Скарлетт, пристально разглядывая нас.

Я посмотрела на Лиам и встретила его теплый взгляд, говорящий «Ты молодец, я горжусь тобой!». Если до этой секунды я думала, что любить его сильнее уже невозможно, то именно в этот момент поняла, что Лиам Эшвуд стал центром моей вселенной. Жутко хотелось поцеловать его.

— Эм-м... Все ясно.

Я обернулась, и Скарлетт многозначительно посмотрела сначала на Лиам, потом на меня, и одними губами произнесла «Я хочу знать все!». Я засмеялась, смущенно перекачивая медальон в руке. Не помню, когда успела вытащить его из-под топа.

— Как ты мог заставить ее лезть по пожарной лестнице на такой высоте?

Дэнни остановился в нескольких шагах от нас с разъяренным лицом. Рами позади при-сви-стнул, и все затихли.

— Приятель, сбавь обороты! — Лиам нахмурился, и линия его челюсти стала жесткой.

— Она могла сорваться! — не унимался Дэнни, тыча в меня пальцем.

— Но не сорвалась.

— Все могло закончиться...

— Но не закончилось! — грубо перебил его Лиам. — Я сделал то, чего требовали обстоятельства, так что оставь свои ревнивые замашки.

Дэнни покраснел от злости, а я в шоке переводила взгляд с одного на другого, после чего сделала шаг к другу и попыталась успокоить его:

— Дэнни, правда, все в порядке, Лиам ни к чему меня не принуждал, безопасники ходили по всей крыше, нам некуда было деваться...

Дэнни прожигал меня глазами, будто искал что-то в моем лице, а потом быстро прошел мимо, едва не задев меня, и громко зашагал на выход.

— Дэнни, подожди! Ты куда? — я уже отправилась за ним, когда Лиам встал передо мной и взял за предплечье.

— Пусть идет.

Я посмотрела на парня своей мечты и уже хотела было высвободить руку, чтобы все равно догнать друга... Но не стала. Я испугалась, что Лиам не поймет, если я пойду за ним.

В будущем это воспоминание иногда будет грызть меня по ночам. Я буду доставать его из копилки «Мои глупые выборы» и изводить себя до утра бессмысленным «Тогда нужно было поступить по-другому». Но это была проблема будущей Лиа, а пока парень, в которого я была влюблена с девяти лет, держал меня в своих теплых ладонях, и я хотела, чтобы это длилось вечно.

— Ли, расслабься, он остынет, — попыталась разрядить обстановку Скарлетт, бухнувшись на диван и принявшись быстро переплетать свою растрепавшуюся рыжую косу.

— Не знала, что Томс такой псих, — буркнула Клэр.

— Закрой рот! — рявкнула я.

Клэр охренела.

Все охренели.

Лиам удивленно поднял брови и отпустил руку.

Скарлетт удовлетворенно скривила губы.

— Так, по-моему, пора расходиться, — Рами хлопнул Робина по плечу.

Скарлетт завязала косу резинкой и нехотя поднялась с дивана:

— Ну только села...

— Рами, проводите Скарлетт и Клэр? — спросил Лиам.

— Без проблем.

— Клэр, помочь тебе встать?

— Не надо, — она грациозно подняла свой зад и как ни в чем не бывало зашагала на выход. Рами и Робин последовали за ней.

- До вфтречи, ребят!
- Пока, Робин! — ответили мы почти одновременно.
- Ли, завтра в три в «Дасти Динер»? — подошла ко мне напоследок Скарлетт.
- Да, — улыбнулась я и кивнула.
- Я тебе такой подарок приготовила, ты обалдеешь! — блеснула она темными глазами.
- У тебя завтра день рождения? — вмешался Лиам.
- Я кивнула с улыбкой.
- Ну, фактически уже сегодня, — Скарлетт посмотрела на наручные часы в стиле гранж, — точнее, через час и тридцать минут.
- Лиам кивнул.
- До завтра, Скар, будь осторожна, ладно? — обняла ее я.
- Как всегда! Люблю тебя. А ты, — разомкнув объятия, она ткнула пальцем в Лиама, — проследи, чтобы она благополучно добралась до дома!
- При всем уважении, Скар, — начал Лиам.
- Для тебя пока что Скарлетт, — вздернув нос, повела плечами она, будто сбрасывая с себя его обращение.
- Ладно. При всем уважении, *Скарлетт*, я обойдусь без твоих советов о том, как мне вести себя с Лиа.
- Уголок губ Скарлетт дернулся в ухмылке.
- Тогда пока, птенчики.
- И ее кроссовки застучали в сторону выхода.
- Проводив подругу взглядом, я подняла брови и посмотрела на Лиама.
- Что это было?
- Она твоя подруга, тебе лучше знать, — улыбнулся он.
- И только сейчас я осознала, что мы остались *вдвоем*.
- Не хочешь побыть здесь еще ненадолго?
- Боже, ты читаешь мои мысли, Лиам Эшвуд.*
- С радостью.
- Он взял меня за руку и повел к дивану. Мы сели близко друг к другу, я подобрала под себя ноги, стараясь собрать тело в кучу и тем самым сдерживать источающую каждой порой кожи нервозность.
- Спасибо, что спас меня сегодня...
- Не стоит, — отмахнулся Лиам.
- Подожди, это не все... И прости, что была таким балластом. Я вела себя как тупая истеричка.
- Все нормально, ты просто испугалась.
- Но ты-то себя так не вел.
- Я мужчина. Мне по факту рождения не позволено себя так вести.
- Я не была с ним согласна, но решила промолчать.
- Лиам усмехнулся.
- Ты лучшая напарница для стелса, о которой только можно мечтать, — пылко выдал он.
- Перестань! — засмеялась я и легонько ударила его по плечу.
- Лианет Скай, ты что, смутилась? — улыбнулся во весь рот Лиам и сплел наши пальцы в узел.
- Что? Нет! — нахмурилась я, продолжая смеяться.
- Наверное, показалось, потому что Лианет Скай никогда не смущается.
- Чего? — я не могла перестать улыбаться.

— Ну, — Лиам почесал нос, — в отличие от других, ты никогда не отводишь глаза, всегда смотришь прямо. Ты даже представить себе не можешь, сколько раз из-за этого я чувствовал себя неловко, — ухмыльнулся он.

— Ты прикалываешься?

— Я серьезно! — он поерзал немного и сел прямо. — Сидишь такая в библиотеке... С ровной-ровной спиной... — он вытянулся, как струна. — Ты в курсе, да, что обычные люди так не сидят?

Мои скулы уже сводило от улыбки.

— Я смотрю на тебя, буквально пару секунд, ты поднимаешь глаза, и так внимательно смотришь в ответ... Проходит вечность, и я думаю: «Черт, да опусти ты глаза, это уже неприлично так пялиться»!

Лиам открыто хохотал.

— Хах, ты думал это про меня или себя?

— Да хрен знает! Про обоих! — воскликнул он. — Меня тогда спас Рами. Он подошел и что-то спросил, и тогда я со спокойной совестью смог отвести глаза!

— А так бы не смог? — я сжала сильнее наши переплетенные пальцы.

— Нет.

Возникла короткая пауза, за которую мое сердце успело сделать несколько сальто.

— Эти взгляды значили для меня очень многое. Рада, что для тебя тоже, — серьезно произнесла я.

Лиам притянул меня ближе.

Кончики наших носов почти касались друг друга, когда мы смотрели друг на друга практически в полной темноте. Я с неприкрытым любопытством пыталась разглядеть во мраке его черты, желая впитать в память каждую линию его образа. Дыхание замерло в ожидании восхитительного поцелуя, но Лиам не торопился. Вместо этого он дразняще провел ладонью по моему бедру и свернул внутрь, остановившись совсем близко от промежности.

Я напряглась.

— Какая-то ты сегодня дерганая, детка, — сказал он, и я расслышала улыбку в его голосе. — Расслабься.

Я приказала телу так не реагировать. Это же Лиам, и правда, чего я так дернулась?..

Его губы накрыли мои, и я задохнулась от переполняющих чувств. Он мягко скользил влажным языком, проникая внутрь, надавливая второй ладонью на мой затылок. Рука на бедре покоилась на месте, и я перестала волноваться о ней. Вместо этого я полностью отдавалась нашим поцелуям и ласкала кончиками пальцев его шею.

— Щекотно, — хрипло рассмеявшись, Лиам оторвался от меня.

— Прости, — шепнула я и обхватила его шею руками, притягивая обратно.

Лиам поцеловал линию челюсти, и, когда спустился на шею, у меня посыпались искры из глаз. Блаженство разливалось по телу вслед за мягкими движениями его губ. Он неспешно добрался до уха и облизнул мочку. Из меня вырвался полувздых-полустон. Стоило Лиаму легонько прикусить ухо, я выдала неизведанный ранее звук, похожий на хриплый всхлип. Мое дыхание стало частым, я сжала руки сильнее, прижимая его шею ближе, и Лиам прошептал:

— Мне тоже не хочется, чтобы это заканчивалось, но нам пора...

— Почему? — мой голос горел разочарованием. Я сладко поцеловала его, чтобы он перестал думать расходиться.

— В полночь — пересменка... — он жадно облизал мои губы в ответ, — сюда придут патрульные...

— Мне плевать...

— Детка, — он мягко, но настойчиво разорвал поцелуй и прислонился лбом к моему. — Нам правда пора, у нас еще будет время.

Он прав. У нас будет время. Много-много времени на сладкие поцелуи.

— Хорошо, — я мягко чмокнула его в уголок рта.

Мы разорвали объятия и пошли на выход. Он сжимал мою ладонь, а меня шатало во все стороны от избытка эмоций. Весь наш путь пролегал через чужие участки, чтобы не попасться патрульным, разъезжающим на машинах по улицам. Когда мы почти дошли до моего дома, я остановила Лиам и прошептала:

— Моя улица за поворотом, дальше я сама.

— Уверена?

— Да.

— Все ведь было хорошо?

— Все было прекрасно! — я проникновенно посмотрела на Лиам.

— Лучшие слова в моей жизни, — Лиам впился в мои губы, сжимая волосы у меня на затылке, затем чмокнул в лоб и быстро скрылся в кустах ворчливой старушки миссис Роуч.

Это лучшая ночь в моей жизни...

Я мечтательно провожала взглядом спину Лиам и касалась кончиками пальцев губ, навсегда запоминая его вкус. Сердце колотилось так, словно хотело вырваться из груди. Последние шаги до дома я бежала, не в силах сдержать улыбку. Щеки пылали, а внутри разливалось теплое, тягучее счастье, заполнявшее меня до краев...

«Жизнь так прекрасна! — восторженно думала я, сворачивая на нашу улицу. — Все будет хорошо, все будет восхитительно, ведь Лиам меня поцеловал!». Эта мысль звенела в голове, пока я не приблизилась к дому.

В темноте было что-то не так...

Тени в нашем дворе двигались — несколько фигур, их голоса звучали резко, пока они не скрылись за углом, обойдя дом. Входная дверь была приоткрыта, из нее лился мягкий желтый свет. Я хотела было залезть через окно сразу в свою комнату, но жуткое, неприятно покалывающее предчувствие притянуло меня к крыльцу. Я толкнула дверь, и мир вокруг сжался в точку.

На полу нашей маленькой прихожей, прямо у порога, лежали чьи-то ноги — такие белые, почти мраморные, высовывающиеся из-под старого покрывала. Того самого, что Надин подарила мне на восьмой день рождения. Я до сих пор помнила, как она шила его, любовно соединяя лоскуты ткани, как вплетала в края тонкие кисточки. Это покрывало всегда лежало на кресле в моей комнате, пахло домом, безопасностью... А теперь оно скрывало что-то, от чего мое сердце замерло.

Я не могла дышать.

Взгляд метнулся влево — в дверном проеме кухни застыли два безопасника. Неподвижные, как статуи, с пустыми глазами, они молча смотрели на меня, держа руки на дубинках, пристегнутых к поясу.

— Что происходит? — мой голос дрогнул, едва вырвавшись из горла.

Из-за угла кухни выскочила Надин. Ее лицо было красным и осунувшимся, кудри растрепались, а в глазах застыла такая боль, что я невольно отступила. Увидев меня, она схватилась за сердце.

— Ох, детка, мой львенок... — выдохнула она, и слезы хлынули из ее глаз неудержимым потоком.

Что-то внутри меня оборвалось.

Я задохнулась от боли.

— Где мама?! — хрипло воскликнула я.

Надин издала звук — не то вопль, не то вой загнанного зверя, и рухнула на колени. Ее руки дрожали, цепляясь за воздух.

— Надин! Где мама?! — я заорала так громко, что горло обожгло. Щеки уже были мокрыми, но я не замечала слез.

В груди зарождалась буря ужаса.

Следующий удар сердца пронзил меня с такой силой, что я схватилась за ребра.

Я посмотрела на покрывало.

Вдох.

Недостаточный вдох.

Я не могла сделать его.

Надин кричала в отчаянии.

Нет... Пожалуйста, Господь Бог... Нет...

Пожалуйста... Я умоляю... Нет...

Нет-нет-нет-нет-нетнетнетнетнет...

Безопасники даже не шелохнулись. Их тени на стене казались такими же холодными, как их лица, — они лишь переглядывались, будто мы были частью какой-то жестокой пьесы.

Я бросилась к Надин, рухнув перед ней на пол, вцепилась в ее цветочное кимоно, прижалась к ней так сильно, словно могла спрятаться в ее объятиях.

Кто-то оглушительно, визгливо закричал.

Это была я.

Я выла и орала, выла и орала.

Надин обхватила меня крепко-крепко. Ее руки дрожали. Наш общий плач слился в один надрывный, нечеловеческий крик.

Так закончился день, который еще несколько минут назад я считала самым счастливым.

Так началось мое шестнадцатилетие.

Глава 8

Я сидела за кухонным столом, крутя в пальцах медальон, и не отрывала взгляда от потолочной балки в прихожей. Ни следа. Ни единой царапины от грубой веревки, ни трещины на иссохшем дереве — словно ночь стерла все, что могло выдать *ее* выбор... Словно ничего не произошло. Словно жизнь не оборвалась в одночасье, оставив лишь гнетущую пустоту. Слезы давно высохли, их место заняла холодная, жгучая боль, смешанная с бессильной злостью.

— Детка, нужно поесть, — голос Надин, надломленный и хрупкий, вырвал меня из оцепенения. Она вышла из спальни, кутаясь в бордовое кимоно. Ее руки дрожали, цепляясь за ткань, а взгляд скользил мимо меня.

— Нужно поесть, — повторила она, точно заклинание, призванное удержать нас обоих на плаву.

Я безучастно следила, как она зажгла плиту и поставила на нее сковороду. Дрожащими пальцами она взяла четыре яйца, разбивая их одно за другим. На третьем скорлупа с чавкающим звуком упала в сковороду, и ее руки задрожали сильнее. Надин застыла, а затем разрыдалась — тихо, надрывно, с такой беспомощностью в голосе, словно ее сердце раскалывалось на части, как та скорлупа.

— Надин! — я вскочила, выключила плиту, схватила тряпку и стерла с ее ладоней липкие следы яиц. Обняла ее так крепко, словно могла спасти от этой боли. Ее горячие слезы жгли мою кожу через ткань рубашки, и я думала только об одном: *ничто не станет прежним. Никогда.*

Но в глубине души, под этим горем, что давило, как могильная плита, шевельнулось другое чувство — стыдное и темное. Мама ушла, и с ней ушел мой страх. Тот, что заставлял меня сжиматься в комок, едва я слышала ее шаги, тот, что душил меня тревогой, когда ее голос становился резким. Теперь я могла вдохнуть полной грудью, не боясь, что каждый мой шаг будет разобран на ошибки. И от этой свободы, от этой проклятой легкости в груди, я ненавидела себя сильнее, ведь как можно радоваться, когда ее больше нет? Это чувство разрывало меня: боль потери и облегчение оттого, что я наконец свободна.

— Ли, я узнала полчаса назад, — Скарлетт поставила розовую коробку с белой лентой на прикроватную тумбу и тихонько села на край матраса, положив руку мне на плечо. — Мне так жаль...

Я жалобно всхлипнула, Скарлетт тут же легла рядом и обняла меня. Я зарыдала громче, утыкаясь в ее плечо, а она гладила меня по спине и шептала что-то успокаивающее. Так мы пролежали до самого вечера, пока Надин не зашла в комнату.

— Девочки, идите поесть, — хрипло произнесла она.

Моя любимая ба за один день будто постарела на десять лет, такой раздавленной и бледной она выглядела. Вся жизнь пропала из ее глаз. Интересно, я выгляжу так же?

— Я не хочу, ба.

— Скарлетт?

— Нет, спасибо, Надин.

— Если что, киш с курицей в духовке, — тихо бросила она и закрыла дверь.

Мы лежали в тишине минут пять, и я спросила:

— Вы вчера нормально дошли домой?

— Да, Клэр всю дорогу вела себя как Клэр. Примерно на половине пути я устала ее слушать и пошла дальше одна.

Мы опять замолчали.

— Лиам поцеловал меня.

— Как это было? — Скарлетт сжала мою ладошку и мягко улыбнулась.

— На крыше, пока не пришли патрульные, он наговорил мне кучу приятных слов и поцеловал. — Мой голос звучал так, словно у меня в груди надрывно и болезненно клокотала засорившаяся труба.

— То есть пока я терпела Томса, ты лизалась с красавчиком на крыше?

— Да, есть такое, — я попыталась выдавить улыбку.

— Не осуждаю.

— Что было, когда я ушла?

— Мы где-то час сидели, болтали, а потом еще раз поцеловались. И еще...

— Ли! — Скарлетт сжала мои пальцы. — Это здорово! И как он целуется?

— Потрясающе... — я перевернулась на спину и посмотрела в потолок. — Просто потрясающе, Скар.

Из меня вышел рваный выдох, когда перед глазами всплыли воспоминания вчерашней ночи: Лиам прижимает меня к себе, Лиам нежно скользит языком по моей нижней губе...

— Я рада за тебя.

— Спасибо, — прошептала я.

В голове также появилось другое воспоминание: белые ноги матери на темном полу. Я закрыла глаза и зажмурилась, пытаясь прогнать его.

— Скарлетт, мне очень страшно.

— Чего ты боишься? — она придвинулась ближе.

— Мне кажется, что она придет ко мне.

Скарлетт на секунду задумалась.

— Мама?

— Да.

— Почему она должна прийти к тебе?

— Гретта была у нас утром, я слышала их разговор с Надин на кухне. Она сказала, что душа мамы все еще здесь. Пока мы не похороним ее, она будет скитаться по дому в поисках утешения.

Скарлетт сморщила нос.

— Я думала, мы считаем Гретту безумной.

— Так и есть.

— Тогда почему ты веришь в ее бредни?

— Не знаю, — сдавленным голосом зашептала я. — Но я не хочу, чтобы дух мамы приходил ко мне во сне.

— Значит, этого не будет, — твердо сказала Скарлетт. — Если она правда тут, она услышит тебя и не будет пугать.

— Думаешь?

— Уверена. Хочешь поспать? Я побуду здесь.

— Да, я бы поспала немного... — пробормотала я, уплывая в объятия Морфея.

Неоново-зеленые звезды на потолке уже год не горели, но я все ленилась их снять, поэтому, когда открыла глаза, в комнате было темно. Передо мной встала картина с мамиными ногами под покрывалом. Сердце подпрыгнуло в горло, и я рвано задышала, суется в темноте.

— Я здесь, — Скарлетт успокаивающе положила руку мне на предплечье.

— Включи, пожалуйста, ночник.

Она потянулась к розетке у ее ног и зажгла ночник в виде львенка.

— Так лучше? — она легла обратно, пряча мои пальцы в своих теплых ладонях.

— Да, спасибо. Который час?

— Почти девять.

— Тебя, наверное, дома ждут.

— Пару часов назад заходил Дэнни, я попросила его сходить к моим и передать, что я останусь на ночь тут.

В глазах защипало.

— Спасибо.

— Абсолютно не за что.

Мы молча лежали несколько минут.

— Надин спросила меня, где ты была ночью.

— И что ты сказала?

— Что мы ходили смотреть на свадьбу Брауна.

— Вдвоем?

— Да.

— Спасибо.

— Она сказала, безопасники не стали выписывать вам штраф из-за тебя.

— Какое великодушие, — холодно фыркнула я.

Мы снова затихли, каждая думая о своем.

— Хочешь есть?

— Нет.

Прошло полчаса, прежде чем я вдруг спросила:

— Можно кое в чем признаться?

Скарлетт снова повернулась на бок:

— Конечно.

— Поклянись, что не будешь осуждать меня. Даже в мыслях.

— Клянусь.

Я собралась и тихо выдавила:

— Как ты думаешь, это нормально, что где-то в глубине души я чувствую облегчение из-за того, что она сделала?

Скарлетт немного помолчала и произнесла:

— Все чувства нормальны.

Я повернулась на бок, сжав под щекой промокшую насквозь подушку:

— Мне кажется, я ужасный человек. Я не радуюсь, что она умерла, но... испытываю что-то вроде... освобождения.

Скарлетт нахмурилась:

— Ли, ты не ужасная, твоя реакция абсолютно естественна, она всю жизнь издевалась над тобой.

— Но мне ужасно стыдно.

— Тебе нечего стыдиться.

Мои пальцы до того напряглись, что ногти впились в ладони, и я почувствовала, как лопается кожа в этих местах.

— Раньше я часто размышляла: вот если она умрет, я почувствую хоть что-то? — в тишине мой голос звучал до странного громко. Я понизила голос: — Когда я узнала о болезни Надин, я думала: «Ну почему не заболела мать? Почему заболела Надин?». Мне казалось, что мне будет все равно, если она умрет, настолько сильно я ее презираю... А когда это на самом деле случилось, меня разрывает от боли.

Глаза Скарлетт налились сочувствием, а я тихо всхлипнула и продолжила:

— Оказалось, что переживать утрату человека, которого ты половину жизни ненавидел — ужасно тяжело. Меня просто ломает на части изнутри. У себя в голове я спрашиваю у нее: «Как ты могла так со мной поступить?», а в следующую секунду злюсь: «Как можно быть такой бессердечной сукой, чтобы покончить с собой накануне моего дня рождения?!»

Я не спрашивала «почему», ведь и так догадывалась о причине. Несчастливая алкоголичка, мечтавшая построить семью с достойным мужчиной и никогда не работать. Она вечно жаловалась на жизнь и была всем недовольна. Наверное, ее разбившиеся мечты привели ее к депрессии. А депрессия — в могилу.

Из моего горла вышел громкий всхлип, и я горько разрыдалась. Скарлетт, тоже плачущая, прижала меня к себе, поглаживая по спине:

— Ли, нет правильного и неправильного способа проживать горе. Не кори себя.

— Мне так больно!

— Я знаю, Ли, знаю, — крепче сжала меня Скарлетт.

— Как она могла так поступить? Как?! — всхлипывала я, уткнувшись лицом в ее шею.

— Как она могла? Как же... Ну как же...

Грудь Скарлетт задрожала от беззвучных слез.

Так мы пролежали в обнимку до самого рассвета, пока серое пасмурное утро не заглянуло в окно.

— Ли, мне надо в туалет.

Я отодвинулась, и тупая боль прострелила мое затекшее тело. Я размяла шею и плечо, которые беспокоили особенно сильно, и перекатилась на свою подушку. Скарлетт тихо вышла и прикрыла дверь.

Я полежала пару минут и поняла, что не смогу больше терпеть сухость в горле. Соскребла себя с кровати, тихо прошла на кухню и налила себе стакан воды. Пока я пила, окно поймало мое отражение. Я выглядела ужасно. Гнездо спутанных длинных волос и осунувшееся лицо.

— Львенок.

Я вздрогнула от неожиданности и обернулась.

Надин стояла на пороге кухни ни жива, ни мертва. Призрак прежней активной женщины.

— Поешь, пожалуйста... Хотя бы ради Скарлетт, она отказывается есть без тебя, ходит голодная со вчерашнего дня.

— Хорошо, — кивнула я.

Я поставила кружку и включила электрический чайник.

— Ты будешь?

— Нет, милая.

Я снова кивнула и начала разогревать киш. Надин ушла в свою комнату, а через пару минут вернулась Скарлетт и села за стол.

— Тебе помочь?

— Нет, сиди, я справлюсь.

Завтрак вышел заунывным. Мне самой было тошно от царящей вокруг атмосферы. Будто умерла не только мама, но и все живое внутри дома. Проталкивая песочное тесто в горло по маленьким кусочкам, я взглянула на посеревшую Скарлетт.

Почему она тоже выглядела как труп?

— Скарлетт, — позвала ее я, и она быстро повернула голову, сморгнув эту жуткую безжизненную поволоку с глаз. — Тебе пора домой.

— Что за глупости? — насупилась она, и тесто с глухим стуком упало на край тарелки. — Я побуду столько, сколько нужно.

— Ты уже сделала достаточно. Думаю, нам с Надин нужно побыть вдвоем.

Скарлетт понимающе посмотрела.

— Хорошо, если тебе так будет лучше. Но сначала я хочу, чтобы ты открыла мой подарок.

Сказав это, она быстро доела и принялась мыть посуду, а я ошарашенно пялилась ей в спину, ведь только сейчас вспомнила, что вчера прошел мой день рождения... и что Лиам не поздравил меня. Может быть, он не знал о нем? Как не знал, ведь Скарлетт при нем обмолвилась об этом вчера... Или не вчера? Или этого не было? На долгие, бесконечные секунды мой

мозг вдруг превратился в вязкую субстанцию, не способную трезво мыслить. Шум воды из-под крана действовал, как белый шум, и спустя несколько минут я все же пришла в себя и решила, что, должно быть, что-то напутала, и Лиам просто не знал, ведь если бы знал, то обязательно пришел... Непременно пришел бы... Да.

Мы вернулись в комнату, и Скарлетт протянула мне розовую коробку с тумбочки.

— С прошедшим, Ли.

Открыв ее, я лишилась дара речи, а когда вновь обрела его, то накинулась на нее с упреком:

— Ты с ума сошла?

— Нравится? — Скарлетт с надеждой заглянула в мои глаза.

Я достала из розовой, такой девчачьей и такой неподходящей к презенту коробки, потрясая красивым складной нож. На конце рукояти из черной зернистой кожи красовалась серебристая вставка с узорами в виде языков пламени. Я нажала на боковой выступ и идеально гладкое лезвие блеснуло в слабом свете.

— Переверни.

У меня перехватило дыхание.

— Это...

— Львица. Я сама выгравировала ее на станке, — гордо произнесла Скарлетт.

Я погладила пальцем металлическую пластинку с филигранно выполненной головой хищницы. Она была изображена в профиль с яростно рычащей пастью. Даже малюсенькие клыки были вырезаны невероятно мастерски.

— Это потрясающе, Скар, — на выдохе сказала я, не в силах оторвать глаз от этого произведения искусства.

— Это ты потрясающая, Ли. Всегда помни, что для меня и для многих других ты именно такая — смелая, ловкая, гибкая, решительная. Ты часто недооцениваешь себя, не видишь себя со стороны, но когда ты дерешься в спарринге, ты такая яростная, такая красивая. Все в зале восхищаются тобой. Ты рождена львицей. Помни об этом и никогда не сомневайся в себе.

В горле образовался ком размером с планету. Слова Скарлетт так глубоко тронули меня, что я не выдержала и расплакалась.

— Спасибо... Никто никогда не говорил мне ничего подобного. Это очень важно для меня.

Скарлетт крепко обняла меня.

— Используй по назначению, — она отстранилась и кивнула на нож в руке. — Кроши им врагов или отрезай члены всяких идиотов, которые посмеют тебя обидеть.

Я рассмеялась сквозь слезы.

— Так и сделаю. Спасибо еще раз.

— Пожалуйста. Я зайду завтра. Если буду нужна, ты знаешь, где меня найти.

Я проводила Скарлетт, вернулась в комнату и убрала нож обратно в розовую коробку. Подумала пару секунд и спрятала под кровать.

Весь оставшийся день я провела в комнате Надин. Мы лежали с ней на кровати и в основном молчали, изредка переговариваясь.

— Прошло всего два дня, а я уже безумно скучаю по ней, — с тоской произнесла Надин.

— Я тоже.

Как только эти два слова вылетели из меня, я почувствовала на языке горьковатый привкус лжи. Я даже поджала губы и сморщила нос, стараясь выдавить из себя правильные эмоции. Мне хотелось убедиться, что во мне еще осталась хоть капля человечности. Но я осталась бесстрастной. Статуей, высеченной из холодного камня.

Глава 9

Я стояла в тесной комнате, где пахло сыростью и дешевыми сигаретами. Обшарпанные обои освещал тусклый свет, подчеркивая каждую борозду. Передо мной сидела маленькая девочка, лет шести, с тонкими косичками и глазами, полными слез. Она прижимала колени к груди и смотрела на меня снизу вверх. Мои руки сжались в кулаки. В груди бурлила злость. Из меня вырвался хриплый и чужой голос: «Ты никчемная, только портишь мне жизнь! Лучше бы я вообще тебя не рожала!»

Девочка всхлипывала, ее плечи дрожали. «Мамочка, прости! Пожалуйста, прости!» — кричала она. Мое тело не подчинялось мне, оно будто принадлежало кому-то другому. Я возвышалась над малышкой, и моя большая тень падала на ее съезжившуюся фигурку. Я хотела остановиться, но моя рука сама поднялась. Девочка закрыла лицо ладонками и истошно закричала, разрывая мне сердце.

Мой кулак опустился на голову ребенка — и я проснулась. Сердце колотилось. Простыни были мокрыми от пота. Я лежала в темноте, задыхаясь, а в ушах звенел ее плач. Мой плач. Я сбросила одеяло, пытаюсь стряхнуть кошмар, но образ меня в роли матери не уходил. Грудь сдавливал страх: я стану такой же?

Отдышавшись несколько минут, я встала, сжала медальон на шее и посмотрела в окно. Раннее субботнее утро встретило яркими лучами солнца. Желтая листва кленов во дворе сияла на солнце множеством оттенков. Легкий ветер шевелил волосы на моем затылке, охлаждая разгоряченное после кошмарного сна тело.

Я вышла из комнаты. От кухонной плиты в доме разносилось тепло, в коридоре висел запах выстиранного белья, чисто вымытого пола и свежее испеченного хлеба.

За четыре месяца, что прошли со дня смерти мамы, многое изменилось.

Теперь большую часть еды мы готовили сами, в том числе пекли хлеб, потому что денег стало катастрофически не хватать. Зарплаты Надин едва хватало на самые простые продукты и оплату коммунальных счетов. Она брала на работе дополнительные смены, но этого все равно было недостаточно, чтобы поддерживать прежний уровень жизни. Поэтому месяц назад я устроилась на подработку в сортировочный пункт при фармцентре. Каждые выходные с десяти до семи я проверяла поставки лекарств.

Сегодня меня ждала седьмая смена, а значит, уже завтра я получу первую зарплату и смогу купить нормальную еду. Мясо. Несколько килограммов курицы, галлон молока и шоколад... Две плитки! Нет, три плитки! И шоколадное печенье! Теперь я ела мясо только в школе, а сладости, если кто-нибудь угощал. Это было ужасно. Я никому не рассказывала, что нам нечего есть. Даже друзьям. *Даже Скарлетт.*

Мысли о еде так раздражали меня, что я за считанные минуты слопала треть свежее испеченной буханки, запивая мятным чаем. На часах было почти девять, значит, Надин ушла на смену час назад, перед этим позаботившись, чтобы мне было чем позавтракать. Завтра куплю ей ее любимый мармелад. Две пачки!

Я надела черный спортивный костюм и бомбер. Волосы убрала в высокий пучок и вышла на улицу. В воздухе приятно пахло опавшей листвой. Я слушала музыку в плеере, наслаждаясь погодой, когда меня кто-то окликнул.

Я повернулась и увидела Эрана. Он шел ко мне через дорогу, застегивая коричневую куртку. Темные волосы с проседью, как всегда, были небрежно зачесаны назад.

— Я как раз шел к тебе поговорить, — он остановился в нескольких шагах от меня.

Я удивилась. Последний наш разговор состоялся около месяца назад. Я тогда пришла к Эрану и сообщила, что больше не могу позволить себе наши занятия. В ответ он незамедли-

тельно предложил заниматься бесплатно. Я отказалась. Жалостливые подачки мне не нужны. Вот заработаю и вернусь в секцию.

— Я хотел узнать, как у тебя дела, — начал он.

— Эм-м, все хорошо, я устроилась на подработку в сортировочный пункт, как раз туда иду. У меня мало времени.

— Хорошо, я провожу тебя.

И мы пошли рядом в сторону фармцентра.

— Давно устроилась?

— Почти месяц назад.

— Это здорово.

— Да, спасибо.

Разговор был на редкость неловким. Я никогда не чувствовала себя так глупо рядом с Эраном.

— Ты не передумала? — наконец перешел он к делу.

— Заниматься бесплатно?

— Да.

— Не передумала.

— Лиа, ты достигла больших успехов за такой короткий срок, тебе нельзя бросать, — настаивал Эран.

— Я не могу заниматься бесплатно.

— Я не обеднею без твоих денег.

— Эран, я просто так не могу.

Он замолчал и остановился. Я обернулась к нему.

— Подумай об этом еще раз. И приходи. Я буду тебя ждать.

Он так пронзительно посмотрел, что мне стало неловко, отказывая ему.

— Спасибо, Эран. Я подумаю.

— Я буду тебя ждать, — повторил он.

Я кивнула. Он развернулся и ушел. Глядя ему вслед, я думала о том, как мне не хватает наших занятий. Как не хватает боли в теле, запаха ринга и ощущения внутреннего огня. Сердце сжалось от тоски. Я скучала по Эрану.

С тяжелым камнем на душе я продолжила путь. До КПП добралась всего за двадцать пять минут. Улыбчивый охранник просканировал меня ручным металлодетектором, проверил карманы и пожелал хорошего дня. Настроение сразу улучшилось.

Я зашагала вдоль протяженной полосы кленов, которые скрывали фармцентр от основной части города, и спустя минут десять добралась до небольшого белого здания с красной крышей.

— Привет, Чед!

— Доброе утро!

Чедвик был моим боссом. Славный мужик. В свои тридцать он выглядел на двадцать, причина тому — низкий рост и миловидное круглое лицо в ореоле густых русых волос.

— Как настроение? — он оторвал глаза от маленького пузырька с таблетками, который держал на расстоянии вытянутой руки из-за плохого зрения, и бросил его в коробку.

— Просто прекрасно! Завтра я получу свою первую зарплату! — я обошла длинный металлический стол и скинула бомбер на коробки в складской зоне.

— Поздравляю тебя! — Из зала послышался звонкий голос Чедвика, а когда я вернулась, он мечтательно произнес, улыбаясь смешными кривыми зубами: — Помню свою первую зарплату... Мне тогда было пятнадцать. Я работал курьером, развозил на велосипеде посылки с лекарствами. На первые заработанные деньги купил новый велосипед и сводил девчонку в кино. Это было улетно.

Я скривилась.

— Чед, так уже не говорят.

— Зачетно?

— Тем более нет.

Он рассмеялся и поднял руки:

— Сдаюсь, я слишком стар для этого дерьма.

Я рассмеялась в ответ.

— А ты что купишь на первые деньги?

Смех застрял у меня в горле. Я быстро прокашлялась и судорожно придумывала, что ответить. Не скажешь ведь, что купишь продуктов, ведь мы нищие и нам нечего есть.

— Еще не придумала, — я выдавила улыбку.

— Так нельзя! Тебе обязательно нужно себя как-нибудь порадовать, иначе пропадет мотивация работать!

Ох, Чедвик, знал бы ты, как мотивирует голод и вечно уставший любимый человек, который пашет сверхурочно.

— Я что-нибудь придумаю.

— Умница, а теперь отнеси это на склад, — он достал из-под стойки небольшую коробку. — Проверь, чтобы артикулы совпадали и у всей партии был одинаковый срок годности.

— Будет сделано.

Я взяла коробку и отправилась на склад.

Половина дня прошла в привычном режиме. Работа была несложной и в какой-то мере даже интересной. Я стояла у большого стола и сортировала блистеры с таблетками, перекладывая их в нужные контейнеры.

Вдруг кто-то вынул наушник из моего уха и прошептал:

— Эй, красотка!

Сначала я дернулась, но следом расплылась в широкой улыбке и повернула голову, встретив изумрудные глаза с золотистыми крапинками.

— Привет!

Лиам развернул меня, прижал к столу и впился в мои губы. Я деликатно отпихнула его:

— Я же на работе!

— Здесь никого нет, — улыбнулся он, прикусывая мою нижнюю губу.

Мне стало чертовски жарко, его аромат с нотками цитруса и черного перца проник в нос и пробудил все самые горячие фантазии.

— Все равно, это непрофессионально, — на сей раз мне удалось оттолкнуть его на расстояние вытянутой руки.

— Я скучал по тебе.

— И я очень скучала.

Я заметила небольшой бумажный пакет в его руках. Он поднял его и произнес:

— Я принес обед!

— Лиам, ну не надо было!

— Что значит «не надо»? Ты со своей работой и так совсем исхудала.

«Это не из-за работы» — хотелось сказать мне, но вместо этого я ответила:

— Спасибо, что заботаешься обо мне, — я поднялась на носочки и легко чмокнула его в нос.

Он расплылся в широкой белозубой улыбке и сказал:

— Так-то лучше. Пошли.

Я надела бомбер, и мы вышли в главный зал. Чедвик так увлеченно читал книгу, качаясь на стуле и задрав ноги на стойку, что даже не заметил нас.

— Чед, я на обед.

Он дернулся и чуть не свалился назад, в последний момент ухватившись рукой за стол.
— Давай.

Вернув узкие очки на переносицу и поправив съехавшую за ухом сигарету, он вновь уткнулся в книгу.

Мы устроились на нашей привычной полянке под раскидистым кленом в глубине лесной полосы. Как только Лиам положил пакет с едой рядом, то тут же накинулся на меня. Его теплые руки проникли под толстовку, а губы накрыли мои. Он ласково водил пальцами по голой спине, вызывая табуны мурашек. Я отвечала ему так же яростно, притягивая его за воротник куртки ближе. В конечном итоге мы опустились на ковер из листьев. Лиам устроился у меня между ног, нависая сверху. Наши языки вели какую-то борьбу, а зубы кусали губы друг друга. Внизу живота стало горячо. Я закинула ноги, прижимаясь к Лиаму так близко, как только могла.

— Детка... — прохрипел Лиам, вбиваясь в меня через одежду. По телу пробежала волна удовольствия, и я потерялась своей промежностью о его пах.

— Я так хочу тебя... — прошептал он в мои губы.

— И я тебя, — задыхаясь, произнесла я.

Лиам нехотя отстранился и серьезно посмотрел на меня:

— Если мы продолжим в таком духе, ты не успеешь поесть.

— Это неважно, — я потянула его голову к себе.

— Нет, важно, — он облизнул мои губы, но снова быстро отодвинулся.

Я разочарованно выдохнула, выпуская его из захвата ног.

— Знаю, детка, я тоже тебя люблю, — ухмыльнулся он.

Он помог мне сесть и разместился рядом, поправив задрвшуюся куртку и кофту. Бросил последний томный взгляд на меня и прокашлялся, прогоняя возбуждение.

— Итак, сегодня в меню, — громко начал он, раскрывая пакет.

Я хихикнула, когда он стал вытаскивать еду.

— Сэндвич с грудинкой!

Я торжественно захлопала, и он поставил контейнер мне на колени.

— Овощной салат!

Следующий контейнер под овации приземлился мне в руки.

— Печенье с шоколадной крошкой!

Вспышка восторга пронеслась в мозгу, когда я взяла в руки желтую пачку и положила ее рядом на землю, не желая, чтобы «самая божественная еда в мире» соседствовала с «просто едой».

Лиам заметил, что я спрятала пачку подальше от него, и, широко улыбаясь, покачал головой.

— Тут все для тебя, я не претендую, — засмеялся он.

— Знаю, просто на всякий случай, — игриво бросила я.

В последнюю очередь он достал вилку и термос.

Я открыла контейнеры и принялась за еду. Старалась есть медленно, чтобы Лиам ни о чем не догадался, но, как ни старалась, все равно слишком быстро отправляла вилку в рот. Он не замечал или делал вид, что не замечал, болтая о школе и работе. Мистер Эшвуд владел единственной в городе автомастерской, и Лиам помогал ему время от времени.

Я пыталась внимательно слушать, пробиваясь через мысли «Господи, как вкусно», «Я хочу еще» и «Жаль, что так мало». Лиам готовил для меня сам, и у него это получалось просто превосходно.

— Я так тебя люблю, — внезапно вырвалось у меня.

Лиам с понимающей улыбкой посмотрел мне в глаза.

— Детка, я тоже тебя люблю. Все в порядке?

Я отмахнулась.

— Да, просто очень рада тебя видеть, мне так тебя не хватает.

Я положила пакет с печеньем и термос на землю. Перебралась к нему на колени и обхватила руками, уткнувшись носом в шею. Вдыхала бы этот аромат каждую минуту жизни. Лиам обнял меня в ответ, поглаживая спину.

— Я тоже очень скучаю. Постоянно думаю о тебе. Дома, в школе, на работе. Ты всегда в моей голове. Засыпаю с мыслями о тебе и просыпаюсь тоже.

Каждое его слово било под дых.

— Как же это чертовски взаимно, — я сжала его крепче, пытаюсь слиться с ним в единое существо.

— Ты придешь сегодня в Башню? — его голос наполнился хрипотцой. Вот уже пару месяцев мы регулярно встречались с ним в той самой квартире, откуда смотрели на свадьбу Брауна. Там случился наш первый раз, который мне даже вспоминать больно. Лиам старался сделать все как можно бережнее и мягче, но я была страшно зажата, поэтому вышло как вышло. Зато спустя время наш секс стал поистине восхитительным — нежным и чутким.

— Я постараюсь.

Мои электронные часы завибрировали. Вот и все. Наше время закончилось. Я отстранилась и с тоской посмотрела в его красивое лицо. Прямые уверенные линии, четкая форма губ, густые темно-коричневые ресницы — Лиам был совершенством.

— Не смотри на меня так.

— Как?

— Вот так. Будто мы не увидимся еще вечность, и ты запоминаешь, как я выгляжу.

После того, что я планировала сегодня сделать, это было самым вероятным исходом.

— Прости, — я чмокнула его и сложила губы в искусственную улыбку.

Мы встали, собрали контейнеры в пакет и отправились к сортировочному пункту. Подходя к двери, Лиам взял меня за подбородок и чувственно поцеловал.

— До встречи, любовь моя.

— До встречи, душа моя.

Он бросил на меня последний долгий взгляд и отправился на КПП. А я вернулась к своим рабочим обязанностям, с замиранием сердца ожидая вечера.

Кто говорил: «Выбор есть всегда» — безбожно врал. Уверена, эти гребаные лжецы никогда не стояли перед реальным выбором между жизнью и смертью. Они никогда не сталкивались с ситуацией, когда выбора нет, а я не готова считать ментальную смерть любимого человека приемлемым вариантом.

Оказывается, мораль — это привилегия. Роскошь. Все моральные правила придумали те, кто никогда не стоял перед пустым холодильником и бабушкой с нейродегенерацией.

Я прожигала взглядом контейнер с дорогими препаратами.

Наконец-то в сортировочный пункт поступила партия новейшего «Нейростабилизатора L-5». Главная причина моего трудоустройства.

Вскоре после того, как мать покончила с собой, мы с Надин нашли ее записку. Она хранила под матрасом несколько сотен дастов, большую часть которых мы еще в августе потратили на таблетки. Недавно они закончились, и Надин пришлось принимать те лекарства, что ей бесплатно выдавали в больнице. В результате она стала чувствовать себя заметно хуже и нередко теряла ориентацию в пространстве. Тогда я устроилась в сортировочный пункт с единственной целью — воровать лучшие таблетки. Вот так просто.

Я взяла серебристую пачку и застыла, не ощутив ожидаемого укола совести. Скорее возникло чувство, будто я нарушаю не закон, а чью-то иллюзию правильной жизни.

Но иллюзии не лечат.

Легкая пачка таблеток оказалась во внутреннем кармане толстовки, я даже не ощутила ее веса. Застегнув молнию, я вписала в табель нужное число — на одну единицу меньше фактического количества, и закрыла коробку.

Попрощавшись с Чедвиком, я нырнула в лесополосу. За тем же толстым кленом, под которым мы обычно обедали с Лиамом, я вытряхнула все капсулы из блистера и сложила их в карман джинсов. Упаковку закопала под деревом, не забыв попросить прощения у него за экологическое преступление. Всего один день, а на моих плечах уже два правонарушения.

По дороге к КПП нервный комок все-таки скрутился в животе. Я стала считать шаги до поста охраны. Один, два, три, четыре...

Вдруг противокражные датчики встроены в сами таблетки, а не только в блистер и коробку?

Десять, одиннадцать...

Вдруг охранник захочет проверить меня? Они никогда этого не делали, но вдруг...

Пятнадцать, шестнадцать...

Что со мной будет, если найдут в кармане таблетки? Посадят?

Двадцать, двадцать один...

Я перестала считать. Это не помогало.

Мысли роились, словно пчелы в улье: жужжали, сустились, действовали на нервы.

Когда я остановилась перед охранником, казалось, на моем лице крупными буквами было написано:

Воровка!

Воровка!

Воровка!

Охранник скользнул по мне взглядом и поднес детектор, небрежно водя вдоль тела. Я задержала дыхание, глядя в одну точку впереди — оранжевую табличку с названием улицы. Сердце сбилось с ритма, когда черный пластик опустился к переднему правому карману.

Черт, черт, черт.

— Хорошего вечера, — охранник буркнул фразу-автомат и скрылся в своей маленькой обители.

Я не стала задерживаться, чтобы не привлекать внимание, и быстро пошла вперед, по-прежнему не выпуская из глаз ориентир — оранжевую табличку.

Завернув за угол, ноги зачесались, умоляя меня бежать, но я показала, кто здесь главный, и нарочито спокойно шла между знакомыми домами.

Сердце постепенно вошло в привычный ритм, и на моем лице расцвела улыбка триумфа. Я это сделала. Я, черт возьми, смогла! Это оказалось так просто! Теперь Надин будет жить нормальную привычную жизнь, и ей ничего не будет угрожать. Я готова была работать в сортировочном пункте до конца своих дней, если это будет гарантией спасения моей ба. Оставалось дело за малым — объяснить ей, откуда я взяла таблетки. Если она узнает, что я украла их, мне конец. Она скорее выберет сойти с ума, чем подвергать меня риску воровать для нее вновь и вновь...

— Как ты могла? — Надин оторвала взгляд от серебристых капсул, лежавших кучкой на кухонном столе, и схватилась за сердце. — Я не понимаю, о чем ты думала. Ты что натворила? Какую беду навлекла на наши головы!

Отчаяние, прозвучавшее в ее голосе, заставило меня пожалеть о том, что я показала ей таблетки. Нужно было просто подмешивать их в еду, как я изначально и планировала.

Стиснув зубы, я скрестила руки на груди, стараясь не обращать внимания на то, как мои ребра выпирали под тканью рубашки.

— Верни их туда, где взяла.

— Я не могу.

— Лианет!

— Они были в блистерах, я вытащила таблетки, а упаковку закопала.

— Господи ты боже мой! — воскликнула она и схватилась за голову, оседая на стул.

Я не могла сосчитать, сколько раз представляла, как Надин станет недееспособной, потеряет рассудок, перестанет узнавать меня, будет мочиться под себя и пускать слюни. Я уже молчу о том, что если это случится, мне придется продавать свои органы, чтобы прокормить нас обоих.

Я глубоко втянула воздух и на одном дыхании произнесла:

— Ты примешь эти таблетки, а когда они закончатся, я принесу следующие, и еще, и еще, и так до конца моих дней.

— Тебя поймают и убьют! — закричала она, и слезы брызнули из ее карамельных глаз.

— Мне плевать!

Я никогда раньше не разговаривала так с Надин. Никогда. Она переживала за меня, а я грубила ей.

Ее густые брови, подернутые сединой, нахмурились, глаза потемнели... Я знала, что будет дальше — она разразится длинной тирадой о Боге и грехе, скажет помолиться и просить Всевышнего о прощении. Но она увидела, что внутри меня сейчас кипел огонь, готовый вот-вот вырваться из-под контроля, и в кои-то веки это заставило ее промолчать.

Указав пальцем на таблетки, я тихо сказала:

— Принимать по одной раз в два дня вместе с едой.

Развернувшись, я пошла прочь, но она вскочила со стула так, что он с грохотом опрокинулся назад, и поймала меня за руку. Заглянув мне в глаза, она умоляюще произнесла:

— Львенок, любовь моя, я умоляю тебя, не делай этого, рано или поздно тебя поймают. За воровство такого дорогого препарата безопасники или упекут тебя в тюрьму, или отправят за стену! И я не знаю, что из этого хуже!

— Надин, — я мягко сжала ее руку, не зная, что еще сказать.

Она сглотнула и с надрывом произнесла, сильнее сжимая мое предплечье:

— Я запрещаю тебе этим заниматься! Ты завтра же пойдешь и уловишься...

— Нет!

— Ты не будешь воровать!

Я вырвала руку. Моя челюсть сжималась. Тысячи холодных, грубых слов теснились в голове, и каждое норовило первым сорваться с губ. Но к тому времени, как я заговорила, мне удалось подавить гнев.

— Мне шестнадцать, Надин, а не шесть, прекрати отчитывать меня и говорить, что делать! Я прекрасно осознаю все риски...

— Я не буду пить ворованные таблетки!

Ее поза стала похожа на ту, в какую обычно встают дети, когда не получают желаемого.

Я задохнулась.

— Еще как будешь! Ты не посмеешь оставить меня одну! — мой голос сорвался на хрип.

— Если я стану недееспособной, меня определят в хоспис, и забота обо мне ляжет на плечи города. Ты сможешь навещать меня...

— Прекрати! Стоп! — закричала я и выставила руки перед собой. — Я не желаю это слушать! Как ты вообще можешь рассматривать этот вариант?

— Детка, я лучше умру, чем ты будешь подвергать свою жизнь опасности и брать на душу такой грех...

Я перестала ее слушать. Мне не верилось, что она сдалась. Просто взяла и смирилась с неизбежным. И ни одна часть меня не могла этого принять.

— Разговор закончен, Надин, — оборвала я ее нескончаемый поток стенаний теми словами, какие обычно использовала она.

Я ненавидела себя за свой тон. За то, что разговаривала с ней свысока. За ее жалобный взгляд.

Стиснув зубы, я пошла в свою комнату, чтобы сбежать в Башню и утолить свои печали в объятиях любви всей моей жизни.

Глава 10

Дни пошли своим чередом.

Надин еще несколько раз пыталась убедить меня не воровать ради нее, но я пресекала любые разговоры о таблетках и своей работе.

Спустя две недели я посчитала капсулы и осознала, что их хватит на шесть дней. А когда будет следующая поставка L-5 — неизвестно. Спрашивать Чедвика я, конечно, не стала. Это сразу навело бы на меня ненужные подозрения. Пришлось просто ждать.

Спустя четыре дня препарат так и не попал в сортировочный пункт, и приступы тревоги стали одолевать меня по несколько раз в день. Все валилось из рук, цифры не складывались, а перед глазами плыло.

Через два дня Надин выпьет последнюю таблетку, и если я ничего не придумаю, она продолжит пить лекарство, которое ни черта не помогает.

Так, на волоске от панической атаки, я проработала весь день, а ближе к семи обнаружила, что перепутала коробки с препаратами похожих названий. Сильно распереживалась и принялась распаковывать все, что сегодня упаковала. На часах было почти восемь, когда я проверяла последнюю коробку на складе. Сидела на стеллаже прямо у выхода в основной зал и читала оставшиеся этикетки на пузырьках.

Когда скрипнула входная дверь, я подумала, что Чедвик вышел покурить, но из зала послышался грубый мужской голос:

— Ты один?

— Да, помощница уже ушла, — как-то нервно отозвался Чедвик.

Я замерла с лекарством в руке.

— Какого хрена в прошлый раз было всего четыре коробки?

— Н-н-невозможно было дать больше, начальник и так уже что-то подозревает, — ответил дрожащий Чедвик.

— Да мне срать! Этого мало. Не хочешь проблем — доставай нормальные партии, как договаривались: семь коробок в неделю.

— П-простите.

Что-то с грохотом упало на пол и, судя по звукам суеты и извинениям, сыплющимся с уст Чедвика, это он уронил одну из коробок.

— На сегодня все готово?

— Да, да, я сейчас принесу.

Его шаги приближались.

Отмерев, я бесшумно спрыгнула со стеллажа и на цыпочках побежала за огромный шкаф. В последнюю секунду, когда я уже заворачивала за угол, в складскую зону вошел Чедвик. Я аккуратно выглянула и увидела, как он тащит мои перепроверенные коробки к черному входу, который с моего ракурса был не виден.

Раздались тихие голоса, стало понятно, что кто-то принимал у него партию. Когда Чедвик вытащил все семь коробок и вышел в главный зал, мужик что-то грубо рывкнул и вышел.

Что здесь происходит?

Любопытство было сильнее меня, поэтому я схватила бомбер, брошенный на коробки в углу — хорошо, что Чед его не заметил, — и нырнула через черный вход на улицу. Я быстро спряталась за стоящими рядом мусорными баками. На улице было уже темно, поэтому никто меня не заметил.

Мужик в черной куртке грузил коробки в неприметный серый фургон без опознавательных знаков. Он быстро заполнил какой-то бланк и положил его на одну из коробок. Я прищурилась, пытаясь прочесть едва заметное светлое название на коричневом картоне. Или я

выдавала желаемое за действительное, либо из букв и правда складывалось название «Нейростабилизатор L-5»...

Грузчик спрыгнул на землю и направился за угол сортировочного пункта. Когда он скрылся за поворотом, началась нешуточная борьба с самой собой.

«Даже не думай!» — говорила я себе, гипнотизируя надпись на коробке.

«Не делай этого!»

«Ты в своем уме?!»

«Ладно, тут всего ярдов пятнадцать»...

Я ринулась к фургону, запрыгнула внутрь и начала листать бланк, чтобы убедиться, что в коробке именно тот препарат, что мне нужен. В темноте было трудно что-то разобрать, еще и почерк был катастрофически корявым.

Послышались шаркающие шаги, пришлось бросить бланк и нырнуть в темноту фургона. Когда за мной резко захлопнулась дверь, я чуть не закричала. В последний момент мой мозг решил не делать глупостей, и я лишь вздрогнула от неожиданности. Я стояла в крошечной темноте и пыталась придумать, что мне делать: открыть дверь и бежать? Куда? Здесь некуда бежать! Меня сразу поймают! И тогда прощай, работа! Прощайте, таблетки! Прощайте, деньги и нормальная еда! Решено. Доеду до пункта назначения и там попытаюсь незаметно вылезти... Но что, если фургон едет за пределы города? О, господи... Меня бросило в ледяной пот.

Ладно, ладно... Ничего страшного. Вылезу на первой остановке и, если что, проберусь в город через тоннели. Я была настолько напугана, что даже не подумала о маленьком нюансе — я не знала, где в лесу вокруг города находятся люки, ведущие в тоннели...

Спустя несколько минут мы подъехали к КПП, и дверь фургона с шумом открылась. Я забилась в самый дальний угол, сжавшись в комок нервов, и старалась взять дыхание под контроль, как учил Эран. Вдох на четыре счета, задержка на четыре счета, выдох на четыре счета. И так квадрат за квадратом, пока дверь вновь не закрылась. Я с облегчением выдохнула.

Раз уж я уже попала в патовую ситуацию, то решила использовать ее максимально. Наощупь, пытаясь не шуметь, открыла нужную мне коробку и вытащила целых три пачки L-5, чтобы хватило надолго.

Дальше мы ехали около часа в неизвестном направлении. Я успела вытащить все капсулы из блистеров и высыпать их в карманы. Опустевшие пачки аккуратно запечатала и сложила обратно в коробку.

Когда дверь наконец открылась, послышались несколько нервных голосов — кто-то о чем-то спорил. Я сидела, не высываясь, и когда разговоры стихли, осторожно выглянула из-за коробки и... встретила с черным взглядом лысого мужика.

Твою ж мать.

Я застыла на месте и даже не моргала. Тогда он поманил меня пальцем. Я медленно покачала головой.

— Выходи по-хорошему, или я прострелю тебе башку, — бросил головорез. Его голос прозвучал так низко, что мог бы разбудить мертвых.

Я не сделала и шагу.

— Считаю до трех. Раз. Два... — он поднял пистолет и в тишине щелкнул предохранителем, — Т...

— Я выхожу! — воскликнула я.

Подняв руки над головой, как это показывают в фильмах, я на негнувшихся ногах спрыгнула на землю. Меня сверху вниз разглядывал мужик в два раза старше меня. Судя по внешности, его предки явно были мексиканского происхождения. Между темными бровями залегла хмурая морщинка, а от уголков рта вниз шли глубокие борозды. Он был одет в черный бадлон, джинсы и кожаную куртку. Взгляд и поза говорили о том, что я в полной заднице.

К нему приблизились два упыря: один с убогой бородкой и вытянутым лицом, второй — здоровый лоб два на два ярда, со шрамом поперек лица. Его живот, затвердевший скорее от жира, чем от натренированных мышц, устрашающе выпирал над штанами.

Я готова была упасть в обморок прямо на месте. Мы находились в незнакомом мне месте: какие-то ангары, гаражи... Кажется, это была промзона на востоке города.

Лысый закончил меня осматривать, опустил пистолет и спросил:

— Ты кто?

— Никто.

— И что же ты делаешь в моем фургоне, *Никто*?

Думай, думай, думай!

— Искала еду.

— В фургоне с лекарствами?

«Может, двинуть ему, и побежать?» — судорожно пронеслось в голове, и я неосознанно встала в стойку.

— Даже не думай. Я задам вопрос последний раз. Что. Ты. Делала. В моем. Фургоне?

Мой пульс все разгонялся и разгонялся.

— Я же говорю вам: искала еду. Я думала, этот фургон направляется в больницу с пайками... Хотела украсть.

— Ты не похожа на бездомную.

— У меня есть дом, — проглотив страх, ответила я. — У меня просто нет денег.

— Заработать не пробовала?

— Пробовала.

— И как?

— Дерьмово, как видите.

Я старалась держаться ровно, в образцово уверенной позе. Эран бы мной сейчас гордился.

— Терпеть не могу лжецов. Назови хоть одну причину, почему я не должен пристрелить тебя прямо сейчас? — его темный властный взгляд вспыхнул раздражением и... кажется, вызовом.

Я икнула от испуга, как законченная идиотка.

— Н-не надо стрелять! Не надо... — выдохнула я, разглядывая всех мужчин по очереди. С тремя мне не справиться. Если бы был один, был бы шанс. А так... — Я работаю в сортировочном пункте вместе с Чедвиком, я его помощница. Сегодня мне пришлось задержаться... Я перепутала препараты... Чед думал, я уже ушла, и начал общаться с каким-то странным типом...

Судя по гортанному рыку здоровяка со шрамом, я говорила о его персоне.

— Прошу прощения, — пискнула я. — Так вот... После разговора с этим господином Чедвик загрузил коробки в фургон. Мне просто стало интересно, куда их везут, и забралась сюда, — я указала пальцем на авто позади себя. — И вот я здесь.

Я выдала все как на духу. Мой голос почти не дрожал. Я держалась с достоинством под изучающими взглядами трех амбалов. И очень гордилась собой.

Лысый наклонил голову набок, сверля меня взглядом своих жутких черных глаз.

— Тебе лет-то сколько?

— Шестнадцать.

— Почему пошла работать?

— Мама умерла, и нам с бабушкой не хватает денег на жизнь.

Мужики переглянулись, и я невольно отступила назад. Их взгляды были нечитаемыми, но помня, что случилось на заднем дворе Ру, я оставалась начеку. Пусть только попробуют меня тронуть, я буду бороться, я буду...

— Сколько тебе платят? — прервал мои размышления голос главного.

— Двадцать дастов за смену.

— Сколько выходит в месяц?

— Сто шестьдесят.

Лысый долго смотрел на меня, а затем выдал:

— Предлагаю тебе работу. Плачу сто дастов за первое задание. Справишься хорошо — за следующие будешь получать сто пятьдесят.

Сколько?!

— Я не буду заниматься проституцией, — агрессивно выплюнула я.

— Я и не предлагаю.

— Тогда что за работа?

Мужчина прищурился. Амбалы рядом топтались на месте, оглядываясь по сторонам.

— Брать медикаменты и сырье со складов и лабораторий и приносить мне.

— То есть воровать.

— То есть воровать, — согласился лысый.

Я задумалась.

— Нет.

— Тогда я пристрелю тебя.

— Ну, стреляйте, — вырвалось у меня.

Чего?!

Мои глаза полезли на лоб.

Что я только что сказала?!

Амбалы тоже нехило удивились, вернув на меня взгляды. Только лысый держал морду кирпичом. Он резко поднял пистолет и направил на меня.

— Стойте! Стойте! Стойте! Я не это хотела сказать! — заверещала я, подняв руки и отходя на несколько шагов назад. Ноги стукнулись о край фургона.

— Выбирай.

— Я согласна! Согласна! — крикнула я, в ужасе пялясь на черную дыру, откуда вот-вот вылетит пуля.

Лысый так же резко опустил пистолет, щелкнув предохранителем, и засунул его за пояс джинсов.

— Твое настоящее имя.

Я сморгнула мокрую пленку с глаз.

— Лианет.

— Я Чико. Еще раз соврешь мне, и бабушка будет собирать твои мозги по асфальту. Усекла?

Я задрожала всем телом и кивнула.

— Не слышу ответ.

— Да, усекла.

— Тогда завтра в восемь вечера жду тебя здесь.

— П-поняла.

— Опоздаешь — сдохнешь.

Я моргнула.

— Расскажешь кому-то обо мне — сдохнешь.

Я прикусила щеки, чтобы не разрыдаться.

— К завтрашнему вечеру я буду знать все о твоих близких. Решешь нагнуть меня, сдохнешь не только сама, но и все, кого ты любишь. Усекла?

Мои губы еле шевелились, когда я прошептала:

— Усекла.

Чико бросил на меня последний взгляд и зашагал в другую сторону.

— Проводите ее на выход, — бросил он напоследок.

— Да, босс, — синхронно сказали мужики и кивнули мне следовать за ними.

Мои стопы будто выросли в землю, пришлось заставить их двигаться. Пройдя немного, я убедилась, что мы находились в восточной части города, где я бывала крайне редко. Это была промышленная зона со складами, гаражами и амбарами, которую освещали лишь редкие тусклые фонари. Я шла за амбалами минут двадцать, пока мы наконец-то не достигли металлических ворот. Тот, что с бородкой, открыл ворота ключ-картой и кивнул мне на выход. Я, не прощаясь, вылетела наружу и обернулась, когда ворота с тихим лязгом закрылись. Впереди были какие-то покосившиеся здания и крошечная темнота. Ни одного фонаря.

И куда идти?

Выбора особо не было, поэтому я пошла прямо, надеясь выйти к какой-нибудь цивилизации. Уже подходя к невысоким старым зданиям, я поняла, что иду по границе города. За домами, параллельно дороге, находилась высоченная бетонная стена с колючей проволокой под напряжением. Где-то там, в лесах, прямо сейчас бродят Пыльники и Люминофоры. Охотятся на людей и жрут их плоть, жадно причмокивая. Я содрогнулась от образов, которые начали всплывать в голове. Мне почудились разные звуки из-за стены.

«Просто игра воображения», — успокаивала я себя.

Выбитые окна зданий зияли чернотой, из которой вот-вот, казалось, кто-то вылезет. Я собрала страх в кулак и заставила себя смотреть прямо. Когда впереди замаячили первые огни города, я ринулась бежать, чтобы скорее добраться до них. Преодолев неширокую дорогу, узнала темно-коричневые дома района, где жил Дэнни. Слава богу! Часы показывали, что комендантский час начался двадцать пять минут назад, поэтому единственным вариантом не попасться патрульным был забег по чужим дворам.

Как по заказу, через несколько минут я увидела приоткрытую калитку. И только я нырнула в нее — рядом на медленной скорости проехала патрульная машина. Ее огни скользнули по моему лицу, пока я отсиживалась в кустах. Стоило машине скрыться дальше по улице, я принялась тихо бежать по периметру участка, прячась среди наполовину облетевших деревьев и кустарников. Пятьдесят два шага, пятьдесят три, пятьдесят четыре...

Вскоре я вышла на участок семьи Томсов. Их кирпичный двухэтажный дом был в идеальном состоянии: белые оконные рамы сияли новизной, а свежая коричневая краска выглядела безупречно даже в темноте.

Возникла мысль отсидеться у Дэнни. Нет, не вариант, Надин с ума сойдет, если я не вернусь домой...

Я обошла дом Томсов и побежала к другим участкам. Пока я продиралась сквозь живые изгороди, сухие листья предательски шумели, и я молилась про себя, чтобы никто не выглянул в приоткрытое окно и не заметил нарушительницу закона.

По-осеннему прохладный воздух уже резал легкие. Я почти задыхалась, когда перебежала дорогу к дому миссис Роуч. До дома оставалось всего-ничего, как вдруг из-за угла вывернула патрульная машина.

Я резко развернулась и посмотрела на глухой забор, который перелезла десять секунд назад. Рядом не было ничего — ни куста, ни деревца, — только жухлый ковер травы и два мусорных бака. Огни становились все ближе, поэтому я отбросила свою брезгливость и, ухватившись за мокрый край металлического бака, подтянулась и упала внутрь с зубодробительным грохотом. Бутылки в мусорных мешках больно ударили по ребрам. Я сжала зубы, замерев. Колеса медленно прокатились мимо, я сделала короткий вдох облегчения и тут же пожалела об этом. В нос ударил такой смрад тухлятины, что глаза заслезились, а к горлу подкатила рвота. Прикрыть нос было не вариант, как только я шевелилась, стекло звенело подо мной. Поэтому я начала дышать ртом и прислушиваться к удаляющемуся звуку колес.

Не заметили!

Я начала вставать и вляпалась рукой в какую-то жидкую субстанцию.

Только не это!

Я поднялась, перекатилась за край бака и приземлилась на ноги. Даже не хотелось смотреть, чем были испачканы мои руки, поэтому я вытерла их как можно тщательнее о траву и продолжила путь.

Свернув на знакомый двор, где трава росла проплешинами на сухой земле, я застыла. Передо мной стоял сарай. *Тот самый сарай.*

Я не видела его уже давно, поскольку два года назад с помощью Дэнни пересадилась с заднего двора два больших куста жасмина, чтобы сарая не было видно из окна моей комнаты.

Его деревянные стены потемнели от времени, краска сильнее облупилась, но силуэт оставался прежним: низкий, покосившийся, с ржавым замком на двери, от которого давно был потерян ключ. Лунный свет падал на щели в досках, и я видела тени внутри, будто призраки прошлого. Здесь мы с девочками прятались, смеялись, шептались о мечтах. А потом... тот вечер. Я сидела внутри него, затаив дыхание, пока снаружи доносились приглушенные крики. Ру кричала и плакала, а я не могла пошевелиться, не могла ничего сделать.

Сарай стоял как немой укор. Я хотела отвернуться, но взгляд был прикован к нему. Горло сдавило, слезы жгли глаза. Огни патрулей приближались к нашим домам, а я стояла как статуя... И прошлое ядовитыми щупальцами тянуло меня обратно, в тот день, когда я потеряла Ру. И часть себя.

С силой оторвав глаза от сарая, я пролезла к дыре в заборе и в последнюю секунду забралась в окно своей спальни. Стоило мне ввалиться внутрь, как свет в комнате тут же зажегся.

— Лианет Роуз Скай! — вдруг так громко вскрикнула Надин, что я даже на месте подпрыгнула от неожиданности. — Где тебя носит?!

Она стояла, занеся руку над выключателем, и смотрела на меня широкими испуганными глазами.

Обращается по имени. Дело плохо. Я встала с пола и произнесла виноватым тоном:

— Прости! Пришлось задержаться на работе, я перепутала препараты.

— Одиннадцатый час!

— Я знаю, прости!

— В чем ты?

Я повернула голову направо и увидела свое отражение в длинном зеркале. Я вся была в грязи, на штанах висели куски капусты и чего-то мерзко-коричневого. На бомбере расплзались мокрые темные пятна неизвестного происхождения, а руку стягивала вонючая засыхающая субстанция.

Мне поплохело.

— Пришлось спрятаться от патрулей в мусорке, — протянула я, подняв скорченное лицо на ба.

— Иди бегом мойся, пахнет уже даже здесь.

Я кивнула и проследовала в ванную. Там сняла грязную одежду, достала из карманов таблетки и высыпала их в большую банку к последней оставшейся капсуле. Хорошо, что этот стремный тип не заставил меня вывернуть карманы...

Я намыливалась три раза, чтобы наверняка. Когда вышла, в коридоре ждала Надин.

— Иди ешь, я приготовила фасоль в томатном соусе.

Терпеть не могу фасоль...

— Спасибо, ба.

Мы сели за стол под теплый свет абажура, и Надин сверлила меня знакомым предупреждающим взглядом, какой у нее бывал только когда она всерьез или понарошку намеревалась кого-нибудь прижучить. Боясь ее вопросов, я с аппетитом отправляла в рот ложку за ложкой.

— А ты уже поела? — на опережение пошла я.

— Да, на работе. Там был суп. Сытный. Ешь, не отвлекайся, — сухо обрубил она, а я тем временем даже не думала раниться об ее остро заточенный тон, думая о том, что это была уже третья неделя, в течение которой Надин якобы «ела на работе» или «перекусывала раньше».

Я нехотя зачерпнула фасоль.

Я не верила ей, но доказательств не было. Надин неизменно выглядела бодрой, хоть и худела с каждым днем, а под глазами иногда появлялись темные тени.

— Я знаю, что ты не любишь фасоль. Прости. Ничего другого нет.

Еда встала у меня поперек горла.

— Надин, даже не думай об этом, очень вкусно! Спасибо тебе!

— Мне так плохо, что я не могу тебя накормить тем, что тебе нравится, — горько сказала она.

У меня сжалось сердце. Как же она не понимает, что если бы не она, я бы уже давно сгинула?

Я положила ложку и взяла ее ладонь.

— Ба, ты себе представить не можешь, как я благодарна тебе. Ты лучшее, что есть в моей жизни. И ты сделала для меня столько, сколько не делал никто. Я готова есть все, что ты приготовишь! Даже если ты решишь пожарить носки! — я улыбнулась.

Надин тепло рассмеялась.

— Ну носками я точно не буду тебя кормить!

— Тогда баклажанами?

— Я до такого не опускаюсь.

И тут уже в голос рассмеялась я.

— Я рассчитываю на твою благосклонность.

Надин вдруг перестала улыбаться, наклонилась ближе ко мне и серьезно сказала:

— Львенок мой, я что-нибудь придумаю, ты будешь нормально есть, я обещаю тебе. И мы купим тебе платье на зимний бал. Такое, которое ты захочешь.

На глаза навернулись слезы.

— Надин... Не надо платья. И вообще, я теперь тоже подрабатываю, поэтому не нужно брать столько смен. Пожалуйста, побереги себя. Я найду деньги.

— Тебе шестнадцать. Ты не должна придумывать, где брать деньги, — с возмущением бросила она.

— Как будто есть выбор.

Надин не нашлась, что ответить.

— У меня есть идея, как заработать.

Стоило мне это произнести, как на лице ба вспыхнул испуг.

— Ничего такого, о чем ты могла подумать! — поспешила успокоить ее я.

— Я надеюсь.

— Не волнуйся за меня, прошу!

— Я не могу за тебя не волноваться. Ты все, что у меня есть. Я люблю тебя больше жизни, мой львенок, — она нежно погладила меня по щеке, и от руки послышался тонкий запах мяты.

— Знаю, Надин, и я люблю тебя больше всех на свете.

— Пожалуйста, будь осторожна, возвращайся до комендантского часа.

— Надин... — мои глаза опустились. — Я не могу этого обещать...

Между нами возникло тяжелое молчание.

— Тогда просто будь осторожна, ладно?

— Обязательно.

Надин встала и поцеловала меня в мокрую макушку:

— Спокойной ночи, вонючка!

— Эй! — я поднесла прядь волос к носу, но не почувствовала ничего, кроме запаха фруктового шампуня.

Я доела фасоль и пошла в комнату. Сон никак не шел. Я долго ворочалась, думая о том, в какую задницу попала. Может, не пойти завтра на встречу к Чико? И что тогда? Он знает мое имя. Он узнает, где я живу, и придет ко мне. Он может навредить Надин. Нет. Придется идти. Может, обратиться к безопасникам? Тоже нет. Эти мерзкие ублюдки могут быть в сговоре с Чико... И тогда все будет еще хуже. Промучившись несколько часов в мыслительной жвачке, я крепко сжала медальон, запечатывая свои страхи в нем, и наконец провалилась в тревожный сон.

Глава 11

Оказалось, Чедвик уже три года работает на Чико, помогая ему воровать самые дорогостоящие лекарства и подделывать документы. Это я узнала от самого Чедвика, которому призналась, что подслушала его вчерашний разговор с незнакомцем, а потом влипла в передрагу с его боссом. Он долго отпирался, но, узнав, что Чико уже принял меня в дело, сдался. Разговор вышел неловким, как и весь рабочий день. А вечером я отправилась в промзону Слоуна, где на входе меня встретил громила.

— Ржавый ангар видишь? — он указал пальцем на самое уродливое строение с заколоченными окнами. — Тебе туда.

— Спасибо.

Я пошла в указанном направлении, оглядываясь по сторонам. Сейчас все выглядело не таким жутким, как вчера: те же гаражи и ангара, подсвеченные тусклыми фонарями, уже не наводили страха. Тем не менее рука так и тянулась прикрыть карман джинсов, набитый деньгами с первой зарплаты. Если бы я зашла домой, чтобы оставить деньги, то рисковала бы навлечь на себя новые неприятности из-за опоздания.

Я толкнула тяжелую металлическую дверь ангара, и та заскрипела так, будто не открывалась годами. Внутри пахло сыростью, машинным маслом и табаком. В центре стоял длинный металлический стол, заваленный какими-то контейнерами и ящиками с маркировкой. Рядом находился потрепанный диван с пятнами, а вокруг него — россыпь пустых пивных бутылок.

Вдалеке трепыхалась штора из рваного брезента.

Я уловила движение сбоку — за небольшим столиком в креслах сидели два бугая с татуировками, лениво перекидываясь картами. Они даже не взглянули в мою сторону. Рядом с ними от тяжелых басов хрипели колонки.

Прочистив горло, я уже собиралась спросить, где найти Чико, когда из-за большого кресла, повернутого ко входу спинкой, показалась рука с дымящей сигаретой и сделала подзывающий жест.

Пройдя вперед, я увидела Чико. Он поймал мой взгляд, и этот удовлетворенный блеск в темных радужках — будто он точно знал, что я приду, — заставил меня сжать кулаки. Его логово напоминало свалку, но я сразу поняла: у него все здесь под контролем, а беспорядок — просто маскировка.

Чико снова расслабленно махнул рукой, и один из бугаев тут же вскочил с кресла.

— Приведи Беса.

— Да, босс.

Огромный мужик вышел из ангара.

— Каким боевым искусством владеешь? — поинтересовался «босс», стряхивая пепел в серебряную пепельницу на подлокотнике.

— Тайским боксом.

— Давно занимаешься?

— Занималась. Чуть больше трех лет.

— Почему перестала?

— Кончились деньги.

— Сколько стоят занятия? — Чико потушил сигарету и закинул ногу на ногу.

— Восемьдесят дастов в месяц.

— Я дам денег. Возвращайся в секцию.

Я напряглась.

— А что взамен?

Чико оглядел меня сверху вниз.

Я засунула руки в карманы куртки и сжала нож, подаренный Скарлетт.

Он проследил за моим движением.

— Ничего. Ты шуплая. Не будешь заниматься, тебя быстро поймают.

Я хотела возразить, но Чико посмотрел мне за спину и проговорил:

— А вот и твой напарник.

В ангар вошли бугай и парень в рваном сером джемпере и шапке-таблетке.

Это я-то шуплая?!

— Знакомься, Бес. Это Лиа. Будете работать в паре.

На лице парня на секунду промелькнуло раздражение, но он быстро взял себя в руки и равнодушно уставился на меня.

Я впервые встретила человека с такой отталкивающей внешностью. Даже бугаи Чико были ничего по сравнению с ним... Бледный. Какой-то весь угловатый. Черные, глубоко посаженные глаза сильно выделялись на остром лице, как и его орлиный нос. Из-под замызганной шапки торчали черные кудри.

— Бес, покажи девчонке тут все, расскажи правила. Мне некогда. — Отдав приказ, Чико встал с кресла и кивком подозвал второго типа, который все это время тасовал карты неподалеку.

— Да, босс, — ответил Бес низким бархатным голосом, так резко контрастирующим с его непривлекательной внешностью.

Через минуту Чико и двое громил вышли из ангара, и мы с Бесом остались вдвоем.

— Бес — это настоящее имя или что-то вроде клички? — решила начать первой я.

Вместо ответа он развернулся и выключил музыку.

Наступила блаженная тишина, прерываемая лишь скрипом листов железа на обшивке ангара.

— Как тебя зовут на самом деле?

Снова игнор. Он пошел к брезенту.

Что ж, приятно начали...

Я последовала за ним и оказалась в просторном темном помещении, заваленном старой мебелью и техникой. Подойдя к массивному шкафу у левой стены, Бес проделал несколько манипуляций с обычной на вид ручкой, и шкаф вдруг отъехал в сторону. Я разинула рот от удивления, ведь видела такое только в фильмах.

В появившемся проходе показались холодильники и аккуратно сложенные ящики.

— Это склад, — заговорил Бес мягким баритоном, заходя внутрь. Я шагнула следом, и шкаф внезапно пришел в движение, закрывая проход за нами. Мне стало не по себе. Перспектива остаться наедине с незнакомым парнем в замкнутом пространстве не радовала, хоть мой потенциальный противник и был до того астеничен, что я могла бы переломить его одной рукой, как сухую ветку.

— В этих холодильниках хранятся контейнеры с медикаментами, — привлек мое внимание Бес. — Здесь — составы, концентраты, лекарственные компоненты. Не путай. Приносим товар и сразу сортируем. Деньги и товар — неприкосновенны, — он посмотрел на меня и указал на камеры под потолком. — Воровство у своих или срыв сделки недопустимы. Каждая партия краденого — на счету, каждый даст — под отчет. Ошибешься — платишь своей долей или хуже.

— Хуже?

— В лучшем случае пальцем, в худшем — конечностью, — равнодушно отозвался он, шагая вдоль холодильников.

Я взглянула на его руки. Все тощие длинные пальцы были на месте.

— Чико дает задание — мы его выполняем, — продолжил он совершенно бесцветным голосом: ни интонации, ни ритма. — Никто тут ни с кем не нянчится. Пошагового плана зада-

ний нет, как нет и страховки в случае провала. За предательство ждет смертный приговор, поэтому все, что знаешь, держи при себе.

Я незаметно вытерла выступивший на лбу пот, пока Бес шагнул спиной ко мне.

— Как мы получаем задание?

Он достал из коробки старый смартфон.

— Общаемся только в переписке. Задания приходят каждую неделю. Иногда чаще.

Встречаемся всегда тут.

Я взяла телефон и повертела в руках.

— Как он работает?

— От закрытой спутниковой сети.

— Я не об этом. Как мне получить сообщение?

— Ты не умеешь пользоваться мобильником? — удивился он.

— У меня никогда его не было. Я из простой семьи.

В Слоуне смартфоны были доступны только зажиточным. Даже в свои лучшие годы мы к таким не относились. Про сегодняшнее положение и говорить нечего.

— Чтобы разблокировать, нажми большую кнопку, — начал объяснять он, словно я была несмышленищем. — Нажимаешь на конверт, читаешь сообщение, отвечать не нужно.

Я сделала вид, что все запомнила, и убрала телефон в карман. Дома разберусь.

— Что еще мне стоит знать?

— Убийства только в крайнем случае. Никто не умирает без прямого приказа Чико, если только ситуация не угрожает всей операции. Лишние трупы — лишние проблемы.

«Во что я вляпалась?» — пронеслось в голове, пока я трогала медальон на шее. «Стоим, болтаем о трупах, как будто ничего особенного». Тем не менее я кивнула.

— И самое главное, — Бес угрожающе сверкнул ониксовыми радужками. — Говори правду Чико и своим. Вранье, даже мелкое, подрывает доверие и ставит под удар всю организацию. Утаишь или совершишь — готовься к последствиям. Чико в любом случае узнает. Нарушение любого правила — повод для Чико пересмотреть твою полезность. Не заставляй его сомневаться, если не хочешь, чтобы пострадали ты или твои близкие.

Последние слова Бес говорил с особенно убедительной интонацией, после чего достал из кармана черную фляжку и сделал большой глоток.

— Ты давно здесь? — спросила я, наблюдая за ним.

— С одиннадцати лет.

Что могло заставить ребенка вступить в преступную группировку?

— А сейчас тебе сколько?

— Восемнадцать.

— Почему нас поставили в напарники?

Бес прислонился к холодильнику и поднял бровь.

— Понятия не имею.

— Тебе это не нравится?

Он сделал очередной глоток из фляжки, после чего выдал короткое:

— Ты проницательна.

— До этого ты работал один?

— Да.

Я представила, как маленький мальчик проникал на склад и воровал лекарства. Худой, одинокий. Должно быть, жизнь сильно потрепала его, раз ему пришлось так рано повзрослеть.

Засунув руки в карманы куртки, одной ладонью я сжала нож, а второй машинально накрыла карман джинсов, где лежала первая зарплата.

Бес внимательно проследил за моими движениями.

— Отучайся от этой привычки.

— От какой?

— Не накрывай рукой то, что боишься потерять. Так ты сама показываешь людям, где лежит что-то ценное.

Я тут же вытащила руки из карманов, почувствовав себя до смешного неопытной.

— Учту.

Наступила тишина.

— Что ж... Если это все, я могу идти? — уточнила я.

— Иди. Первое задание завтра. Нужно забрать противораковые вакцины со склада. В девять жду тебя тут.

— До завтра.

Я подошла к выходу и собиралась спросить, как открыть эту штуку, но шкаф вдруг стал отъезжать без моего вмешательства.

Обернувшись напоследок, я заметила, что Бес пристально смотрит на меня из глубины помещения. По виду он напоминал притаившегося черного кота — немного облезлого, ободранного псами и тем не менее опасного. Весь его вид говорил о том, что этот парень умеет выпускать когти и показывать острые клыки.

Выбежав из ангара, я вдохнула колючий вечерний воздух. Только сейчас, шагая к воротам, я заметила, насколько напряжен каждый мой мускул. Страх проник глубоко под кожу и сидел там, поедая внутренности по кусочку.

Последние месяцы безжалостно и грубо выдернули меня из состояния беспечной спячки и бросили в реальность, о которой я не имела ни малейшего представления. Я не могла сопротивляться, не могла остановить несущийся на меня локомотив. Механизм был запущен. Счет пошел на минуты.

Глава 12

Контрабанда стала неотъемлемой частью моей жизни.

Если в первые месяцы наших проникновений на склады я постоянно чувствовала затылком дыхание опасности, то спустя год наши вечерние приключения стали рутиной. Бывали задания, на которых мы с Бесом не говорили друг другу ни слова, настолько наши действия были отточены до автоматизма. Благодаря Бесу я довольно быстро выучила амслен — язык жестов, который знали все люди, кому предстояло выходить за стены города, чтобы беззвучно общаться на зараженных территориях. Мы же использовали его для преступной деятельности.

Награбленные лекарства расходились по всем городам. Больше всего в медикаментах нуждались граждане Санвэйла, которые обеспечивали едой все пять городов. Из-за работы с удобрениями, ускорителями роста, средствами для борьбы со спорами грибов и насекомыми-вредителями многие жители Санвейла имели хронические заболевания. Несмотря на это, в приоритете на получение медикаментов стояли Айронхолд как главный военный бастион Нового мира и Ластхевен, где в лабораториях проводились многолетние эксперименты по уничтожению Кровавой Пыли. Ватерфоллу, обеспечивающему весь континент водой и электричеством, лекарства также доставались по остаточному принципу. Главы Санвейла и Ватерфолла были, мягко говоря, недовольны. Эта проблема ежегодно поднималась на саммите конфедерации городов, но решение пока не было найдено, поэтому черный рынок процветал. А вместе с ним процветали и мы с Надин.

Мы стали жить даже лучше, чем до смерти матери. Холодильник ломился от еды, а шкафы от одежды. Надин была обеспечена таблетками на много месяцев вперед. Я вернулась в секцию Эрана. Денег было столько, что мы не успевали их тратить, поэтому приходилось прятать тысячи дастов в полу под плиткой в ванной.

Скарлетт и Дэнни были уверены, что наше финансовое положение выровнялось потому, что Надин повысили ставку в больнице. Сама же Надин знала, что я занимаюсь чем-то незаконным, но чем именно, ей не удалось выяснить. Прежде чем она отстала от меня с расспросами, прошло много месяцев ссор, слез и криков. Когда я сказала, что не занимаюсь проституцией и распространением запрещенных веществ, это ее немного успокоило. Думаю, она догадывалась о контрабанде лекарств, учитывая, что я продолжала работать в сортировочном центре при фармскладе, но спросить напрямую боялась.

Я же чувствовала себя прекрасно — мы ни в чем не нуждались, а воровать лекарства было относительно нетрудно. Мы с Бесом знали все нюансы работы фармцентра, имели запасные планы на любые ситуации и чувствовали себя выдающимися ворами, которым все по плечу.

Эта самонадеянность нас и сгубила...

Еще через полгода острых ощущений не осталось, а желание пробираться в одни и те же склады и лаборатории свелось к нулю. Бесу так и вовсе осточертело почти девять лет заниматься одним и тем же. Он буквально требовал от Чико дать нам более серьезное задание. И тот наконец сдался.

Во вторник в западной части Слоуна должна была состояться передача препаратов агентам из других городов. Одних нас, конечно, не пустили, а приставили в качестве помощников к Чедвику, который обычно занимался доставкой контрабанды.

Я не была в восторге от предстоящего задания. Меня вполне устраивало заниматься относительно безопасным и не грязным делом, получая хорошую оплату и качественные лекарства для Надин. Как Бес ни пытался убедить меня, что все встречи по передаче препаратов проходили гладко и спокойно из-за четко отработанной схемы, меня это не успокаивало. Я всем нутром чувствовала — что-то пойдет не так.

Нам предстояло выйти за периметр города по тем подземным тоннелям, в которых мы ползали с друзьями, будучи глупыми двенадцатилетками, поэтому, начиная с пятницы, мы с Бесом каждый вечер перетаскивали ближе к входу в тоннели контейнеры с лекарствами. Но прятать в самом тоннеле их было нельзя, безопасники их периодически проверяли, поэтому тяжеленные рюкзаки мы разгружали в ближайших зарослях заброшенного сада больницы, куда ни один адекватный человек не сунется.

Ко всему прочему, сильно набитые рюкзаки могли привлечь внимание, из-за этого за три дня мы сделали бесчисленное количество ходок с небольшими партиями лекарств. Ангар находился на другом конце города, и каждый раз приходилось выбирать разные пути на случай слежки.

Сегодня мне предстояла последняя ходка, в которую я должна была отправиться сразу после ужасного мероприятия, ежегодно проходившего во всех городах после падения Старого мира.

День Призыва проходил ежегодно в конце весны на главной площади Слоуна. Скарлетт ходила на него, начиная с малых лет, ни разу не пропустив это событие. Как бы она ни уговаривала меня пойти с ней, я всегда отказывалась. Зрелище, когда девушек и юношей насильно вырывают из семьи для обучения в академии Армори и службы на зараженных территориях, не казалось мне занимательным. Но Скарлетт видела все иначе — в ее глазах обязательный призыв не был чем-то ужасным, ведь кому-то нужно выполнять эту нелегкую работу, а добровольцев слишком мало, чтобы защитить все пять городов, сохранивших свои позиции на материке. Чтобы сдерживать атаки зараженных и прореживать их популяцию, нужно проводить регулярные чистки близлежащих территорий. На таких миссиях бойцы часто умирают, а значит, всегда есть нужда в людях. В чем-то я могла понять Скарлетт, и в то же время ни за что бы не хотела быть насильно призванной. К счастью, мне это не грозило. Когда мать была жива, она сказала, что договорилась с нужными людьми, чтобы меня не забрали. Никогда. Следующие семь лет — с восемнадцати до двадцати пяти — мне не о чем беспокоиться.

Сегодня я пришла на площадь ради Лиамы. В декабре ему исполнилось восемнадцать, а значит, сегодня его впервые могли призвать. Я не спала всю ночь, думая об этом. С каждым годом переживания за близких будут только расти. В прошлом августе Дэнни стал совершеннолетним, но ему не грозил призыв, так как у него была отсрочка от призыва благодаря работе в фармцентре. В ноябре восемнадцать исполнится Ру. Она стояла в первом ряду, обнимая себя за плечи, рядом с ней были два ее брата, отец и мать. Иногда крутятся, словно волчок, Ру оглядывала толпу и кусала и без того разодранные губы. В прошлый День Призыва забрали Рами, поскольку его день рождения был в мае. Скарлетт рассказывала, как миссис Болдуин упала на колени, увидев фото сына на экране. Вот поэтому я и не ходила на это мероприятие. Не готова смотреть на страдания хороших людей.

Бесу ничего не угрожало так же, как и мне, хотя ему вот-вот исполнится двадцать, поскольку у него не было ID-карты. Его просто не существовало в системе Слоуна. Как так вышло, он рассказать отказался, но хотя бы за него сегодня мне не пришлось волноваться.

Отведя взгляд от Болдуинов, я оглядела сцену и большой экран за ней. На нем транслировали фотографии бойцов Армори. Увидев жуткого мужчину с наполовину отсутствующим ртом и шрамами, я прочитала:

«Заполнить черную форму не то что непросто — практически невозможно. Надеть ее — значит принять темную сторону своей личности, познать баланс силы и слабости, совладать со своей уязвимостью. Не перейти на темную сторону, а встать на стыке света и тьмы.

Генерал Кинг».

Красиво сказал.

Прочитав еще пару цитат, я не выдержала и стала вертеться, напряженно разглядывая гудящую толпу. Плечи и спина мгновенно дали о себе знать ноющей болью из-за таскания тяжелого рюкзака, а вот в ногах не чувствовалось усталости благодаря ежедневным длительным пробежкам.

Ну где же ты?

— Не волнуйся, он скоро придет.

Я повернулась к Скарлетт и выдавила слабую улыбку.

— А Дэнни? Ты с ним случайно не говорила?

Мы с ней красноречиво замолчали, потому что обе почувствовали абсурд ситуации. Дэнни был моим лучшим другом, со Скарлетт они скорее дружили по инерции, чем по осознанному выбору, поэтому казалось странным, что этот вопрос задаю я. Впрочем, учитывая, как редко мы с ним стали видеться в последний год, удивляться было нечему. Я уже сомневалась, что могу называть его лучшим другом. Как так вышло — сама не понимаю, мы просто постепенно отделились друг от друга.

— Я не уверена, но у него вроде сегодня стажировка в лаборатории, — задумавшись, ответила Скарлетт.

— Точно...

После того, как в прошлом году Дэнни окончил школу, мы настолько сильно выпали из жизни друг друга, что я уже забыла, по каким дням он ходит в фармцентр. Из головы также вылетело, чем он там конкретно занимается. Он называл такую кучу труднопроизносимых и труднопонимаемых слов, из которых я запомнила только самое простое и короткое объяснение, данное им в самом конце списка: он работает лабораторным ассистентом, изучает мутаген Пыли и его реакцию на разные вещества.

Мне вдруг стало стыдно, и я отвернулась.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей о собственной паршивости в роли подруги, я стала следить за бегущей новостной строкой внизу.

В соответствии с постановлением Совета и указом Главы города, с 1 сентября вступают в силу изменения в уголовно-правовой системе Слоуна.

В рамках реформы уголовно-правовой системы пересмотрены наказания за особо тяжкие преступления, представляющие прямую угрозу общественной безопасности и стабильности города.

К числу таких преступлений отнесены: незаконное изготовление лекарственных препаратов, хранение и распространение запрещенных веществ, контрабанда лекарственных средств и медицинского оборудования, умышленное сокрытие данных правонарушений или содействие их совершению.

За перечисленные преступления вводится высшая мера наказания — смертная казнь.

У меня подкосились ноги. Все мысли о Дэнни были забыты напрочь.

Ранее применяемые меры в виде общественных работ и тюремного заключения признаны недостаточными и не отвечающими текущему уровню угроз. Реформа направлена на защиту жизни граждан Слоуна, укрепление правопорядка и пресечение деятельности преступных группировок.

Буквы стали расплываться перед глазами. В голове шумела кровь, страшное словосочетание «смертная казнь» повторялось снова и снова, перекрывая все остальные мысли и даже поступающий в легкие кислород.

Нужно отказаться от завтрашнего задания. Придумать, как слиться. Дурное предчувствие кричало, чтобы я никуда завтра не шла...

Я вздрогнула от прикосновения к талии.

— Это я, — над ухом раздался знакомый голос, и теплые руки обхватили меня сзади, прижимая к крепкому телу. — Прекрасно выглядишь, но юбка слишком короткая. Не хочу, чтобы вся площадь увидела твои трусики, — игриво шепнул Лиам и сжал пальцы на талии.

Я глубоко вздохнула, поправляя спавшую лямку рюкзака на плече. Так и знала, что он прокомментирует длину подола.

Мои ладони накрыли его пальцы на животе.

— Ты чего так долго? — улыбнулась я, переводя тему и заглядывая за плечо, чтобы рассмотреть самое красивое в мире лицо.

— Внезапно поступил заказ на проверку нескольких фур для срочной отправки лекарств в Айронхолд.

Услышав это, Скарлетт наконец обратила на Лиам внимание и, привычно не поздоровавшись с ним, произнесла:

— Вчера в Армори прошло Испытание, говорят, много пострадавших. Ты был вчера на площади? Смотрел трансляцию?

Я ощутила, как руки на моей талии напряглись.

— Нет, Скарлетт, — сквозь зубы ответил Лиам, и его раздраженное дыхание коснулось моего затылка. — Только тебе интересны мероприятия столь низкого пошиба.

Одна из бровей Скарлетт взлетела на лоб.

— О! Да ну? — зло усмехнулась она и посмотрела на меня. — Вообще-то, не только мне, правда, Ли?

Ее настойчивый взгляд заставил меня ступешаться.

Я не могла признаться перед Лиамом, что я тоже мечтала хоть раз увидеть Испытание. Это было популярное шоу, посоревноваться с которым мог только Турнир Армори. Испытание Мрака проводилось два раза в год на большой арене, где Тленные — бойцы низшего грейда — проходили четыре этапа препятствий, чтобы получить следующий грейд — Мрачный. Все это показывали на площади каждого города. К сожалению, я не видела ни одной трансляции, потому что посмотреть на кровопролитное зрелище пускали только жителей, достигших восемнадцати лет.

Мы со Скарлетт, как и многие другие несовершеннолетние, в момент эфира ошивались у ограждений площади, подслушивая, что творится на экране. Диктор подробнейшим образом описывал успехи и неудачи бойцов, а мы ловили каждое слово с открытыми ртами. Иногда безопасники, дежурившие по периметру площади, выгоняли нас, но часто встречались и те, кто снисходительно относился к нашему интересу и даже описывал, что происходит на экране. Вчера нам попался второй тип. Скарлетт умело состроила глазки молодому безопаснику, что дежурил за ограждением на специальной тумбе и без умолку болтал с нами на протяжении всего шоу. Если Лиам узнает об этом, то устроит мне двойную взбучку: во-первых, за то, что общалась с незнакомым парнем, а во-вторых, за то, что опустилась до просмотра «этой дешевой шоуки», ведь «настоящую силу не демонстрируют напоказ и не превращают в спектакль на потеху публике».

— Ну так что? Скажешь ему, что тебе это тоже интересно? — давила Скарлетт, вперившись в меня серьезным взглядом.

— Скарлетт, остынь, — сквозь фальшивую улыбку осадил я.

Лиам отклонился вбок и заглянул мне в лицо.

— Я думал, у нас одинаковое мнение насчет шоу Армори, — с не менее натянутой улыбкой сказал он.

Ощувив, как уголки моих губ подрагивают, я посмотрела на Скарлетт, которая в этот момент так же выжидающе глядела на меня. Она единственная из нас не улыбалась. Обычно ее глаза напоминали глубокие темные воды, но сейчас они скорее походили на морозную стужу. Ее взгляд колот и обжигал одновременно.

Я перевела взгляд на Лиама.

— Ну-у, эм-м... Честно говоря, я еще не составила своего мнения на этот счет. Думаю, чтобы это сделать, стоит хотя бы раз посмотреть трансляцию, — уклончиво ответила я.

— Хм.

Я знала это «хм», брошенное с искусственной улыбкой и холодным взглядом. Те крошечные золотистые искорки, что обычно горели в густой зелени глаз Лиама, сейчас погасли, как пламя фитиля, зажатого двумя пальцами.

Ну зачем Скарлетт начала эту тему...

Я покосилась на нее, потому что она демонстративно отвернулась от нас, при этом плотно сжимая губы и морща нос.

Лиам даже не пытался скрыть враждебность во взгляде, брошенном на нее. К моему сожалению, отношения между ними никак не складывались. Их неприязнь друг к другу возникла из ниоткуда еще в самом начале наших отношений. И с тех пор подобные сцены повторялись регулярно. Когда они оказывались в одном пространстве, Скарлетт будто специально говорила то, что выводило Лиама из себя, оставляя после этого напряжение в воздухе, которое можно было резать ножом. Я много раз пыталась выяснить, в чем дело, но оба отнекивались, убеждая, что они просто слишком разные, поэтому не находят общий язык. Со временем я смирилась с положением вещей и больше не старалась наладить между ними отношения.

— В тебе столько сюрпризов, детка, — странным тоном высказался Лиам, вновь прижимая меня спиной к своей груди.

Я ощутила неприятный укол под ребрами.

— Если меня сегодня заберут, в феврале сможешь посмотреть, как я прохожу полосу препятствий, — фыркнул он, но шутка вышла несмешной, поэтому я никак не отреагировала на нее. Тогда он спросил: — Поставишь на меня самую большую ставку? Обещаю не разочаровать тебя.

— Прекрати, — показательно недовольным тоном отрезала я.

Моя спина завибрировала от его хриплого смеха. Я понимала, что это была защитная реакция Лиама, и все равно злилась — как можно смеяться, когда в одно мгновение мы можем потерять друг друга?

Мы хотели жить вместе после того, как я отучусь на медсестру, завести троих детей и двух собак. Мы даже придумали им клички. Собакам, конечно. Не детям.

Лиам будет чинить машины, со временем полностью возьмет бизнес отца на себя, а я буду лечить людей. Накопив достаточно денег, чтобы обеспечить Надин таблетками на несколько лет, я покончу с контрабандой. И тогда мы с Лиамом начнем нашу идеальную жизнь.

Меня бросило в холодный пот от осознания, что через считанные минуты все могло рухнуть — все наши мечты и цели...

Тем временем на экране снова высветилась бегущая строка, гласящая о смертной казни за контрабанду. Мой пульс зашкаливал, а мозг кипел от эмоциональных качелей.

Нужно срочно отыскать Беса и рассказать о новости. Нам стоит обоим отказаться от опасного задания. Чико потребует компенсации за проблему с поиском новых людей на сопровождение сделки, но мы сможем рассчитаться. У нас обоих предостаточно денег для этого.

Я вздрогнула от громкого крика совсем рядом. Мимо прошла шумная компания ребят лет десяти, шутливо пихающих друг друга в спины. Они остановились рядом с нами.

— Ну все, расслабься, куда меня не заберут, — успокоил Лиам, уверенный в том, что я волнуюсь исключительно об исходе призыва. Он даже предположить не мог, что мой список тревог пополнился новым пунктом, ведь я тщательно скрывала от него незаконную деятельность, прикрываясь сверхурочной работой в сортировочном пункте.

Чтобы отвлечься от терзающих мыслей, я перевела внимание на мальчиков рядом. Они перекрикивались друг с другом на ультразвуке, споря о том, что некий Тед струсит и не сможет показать Теневому бойцу средний палец.

Скарлетт засмеялась в голос. Мы встретились взглядами и обменялись понимающими улыбками. Лед в синих водах тронулся. Вероятно, она тоже вспомнила, как примерно в их возрасте мы ползали в тоннелях, пытаясь поразить своей храбростью Тень. Знала бы она, что завтра мне предстояло вернуться в те же тоннели, но уже для реально опасной миссии, а не детских шалостей.

Я оглядела толпу. Люди вокруг оживленно переговаривались, смеялись, вели свою спокойную, размеренную жизнь, которую не нарушали проблемы криминального мира, ведь эти счастливчики не имели к нему никакого отношения.

Толпа на мгновение притихла, даже мальчишки рядом с нами подобрались и встали ровнее. Глава Браун уверенно поднимался на сцену. Люди приветствовали его бурными аплодисментами, к которым присоединилась и я.

— Благодарю вас, — зазвучал приятный низкий голос из динамиков на столбах. Мистер Браун прижал ладонь к груди поверх идеально отутюженного костюма. — Спасибо, друзья. Спасибо.

Аплодисменты угасали, пока не наступила тяжелая тишина. Лиам поцеловал меня в плечо и обнял крепче. Я на секунду прикрыла глаза. Ну вот. Не поворачиваясь, я уже знала, что согревающее пламя зажглось в любимых глазах и теперь снова источает сияющие искры. Я сплела наши пальцы, поглаживая темные разводы от мазута. Мне нравилась грязь на руках Лиамы. Единственная небезупречность, которую он позволял себе.

— Рад приветствовать вас на важном дне для каждого жителя Слоуна!

Толпа взорвалась аплодисментами, и в это время на экране появился треугольник с множеством цифр внутри. Призыв осуществлялся с помощью селектора случайных чисел, который автоматически выбирал двадцать ID-номеров слоунцев, подходящих по возрасту. Из базы сразу исключали родителей, беременных женщин и тяжело больных людей.

Селектор запускали на экране перед всеми жителями, чтобы показать чистоту и прозрачность системы. И несмотря на это, каждый год находились недовольные, уверенно заявляющие, что все заранее подстроено. За правильным проведением Дня Призыва обязательно следил Теновой боец, присланный академией.

Я почувствовала, как все замерли и затаили дыхание. Пролети муха — ее бы услышали.

В тишине на сцену ступила девушка со светло-русыми волосами по плечи. Точнее, по плечо, ведь вторая половина ее головы была обрита, и на гладком черепе вилась тату из темно-зеленых лоз.

К сожалению, за шумом крови в ушах я не услышала, как ее представили.

В обтягивающей черной форме она походила на пантеру, что кралась к своей добыче, а не просто ступала по сцене грубыми подошвами берцев в направлении Брауна. На ее плече переливалась круглая черная нашивка с вышитым серебряными нитями глазом. Точно таким же, как на моем медальоне.

Сбоку Скарлетт издала вздох восхищения. Настолько громкий, что он привлек к ней несколько взглядов. Мы крайне редко видели Теневых бойцов, поэтому каждая встреча становилась особенной.

Судя по лицу, Теновая была молода — лет двадцать пять, не больше. Тонкие черты лица, высокие скулы. Не красавица, но благодаря необычному выбору прически ее образ запомнился навсегда. Я уже молчу про ее безупречную матовую броню из необычного материала, что переливалась мягкими бликами на солнце. Увидев ее, из памяти не сотрешь.

Когда Тень приблизилась к Брауну, тот незначительно, но все же стушевался. Разумеется, он знал процедуру, поэтому не подал Теновой руку, а прислонил кулак к сердцу — жест,

которым осуществляется приветствие в академии Армори. Девушка ответным движением прижала руку к бронежилету, прямо под небольшим красным треугольником с серой точкой в центре. Это был символ Армори — три стороны фигуры обозначали три сектора, на которых держится мощь академии: сектор Крови, в который входят самые сильные бойцы, сектор Тумана, состоящий из бойцов, занимающихся преимущественно диверсионно-разведывательными задачами, и, наконец, сектор Опоры — эти бойцы управляют логистикой, оружейным обеспечением, охраной периметра на заданиях. Серая точка в центре треугольника символизировала Пыль. А серая потому, что Армори «сильнее» Пыли, и академия уничтожит ее, превратив в пепел. Поговаривают, что в серую краску для точки в центре треугольника добавляют пепел кремированных бойцов Армори... Вот жуть!

Всю эту информацию я знала благодаря Скарлетт, которая за много лет прожужжала мне все уши рассказами о внутреннем устройстве академии.

Пока я разглядывала Теневую, Браун запустил селектор. Я поняла это по внезапно встретившейся толпе. Цифры стремительно закрутились на экране, складываясь одна за другой в пятизначную комбинацию... А вместе с ней, как заведенная, закрутилась и мысль в моей голове: «Только бы не Лиам, только бы не он!»

Толпа застыла, с таким же ужасом, как и я, глядя в экран. Почти каждому из присутствующих было кого терять, пусть даже не из своей семьи, а друга, соседа или коллегу по работе.

Цифры остановились.

От страха у меня свело живот.

Экран показал фото незнакомого мне парня. Я позволила себе сделать короткий выдох облегчения.

Люди стали тихо переговариваться, а потом принялись расступаться, образуя живой коридор к сцене.

Откровенно щуплый парень, почти такой же тощий, как Бес, медленно шел к сцене. В глазах — чистый ужас. Он остановился рядом с Теневой, которая безразлично разглядывала не его, а толпу перед собой. Лицо парня застыло в предобморочной маске.

«Черт, приятель, держись!» — мысленно сказала я, но он совершил большую ошибку — скосил глаза на Теневую. Она не шелохнулась, зато он мгновенно рухнул с глухим звуком. Два безопасника принялись приводить парня в чувство, а Браун, не акцентируя внимание на классической картине Дня Призыва, провел пальцем по планшету в руках и тем самым запустил следующую прокрутку цифр.

Горло перехватило...

Снова знакомое мне лицо на экране...

Снова выдох.

Опять запуск селектора...

Замирание сердца...

На сей раз выпал номер девушки, которую я знала. Зои — внучка миссис Роуч, нашей соседки. Она жила на другом конце города вместе с матерью и училась в другой школе. Пока девушка с розовым каре шагала к сцене, в толпе раздавались душераздирающие вопли взрослой женщины, скорее всего, ее матери. Вот почему я никогда не ходила на День Призыва. Женщину стали успокаивать. Ропот толпы усилился. Я с трудом проглотила комок в горле.

Женщина продолжала кричать и плакать, а селектор уже выдал новую комбинацию. На экране снова высветилось знакомое лицо. Я открыла рот от удивления.

Ртуть.

Чертов отбитый отморозок, который по какой-то причине больше не трогал меня с тех пор, как избил на школьном дворе. В первые месяцы после той ситуации я много раз хотела поквитаться с ним, хотя бы за тот крошечный светлый шрам, что остался в уголке рта. Но правило Эрана было неприкосновенным: одна драка за пределами зала — и ты вылетаешь

из секции. Самозащита не в счет. А провоцировать психопата на первый выпад у меня не возникало желания. Тем более что с недавних пор мне стало известно о причастности Ртути к другой преступной банде Слоуна, которой управлял главарь Каннингем. Он организовывал подпольные бои в той же промзоне, где обитала наша банда, только на другом ее конце. Судя по множеству ссадин и струпьев на лице Ртути, он регулярно принимал в них участие.

Честно говоря, я была несказанно рада увидеть его мерзкую физиономию на экране. Таким, как он, самое место в военной академии и за периметром — может, убивая тварей, он научится направлять свою злость и жажду насилия на зараженных, а не на нормальных людей.

Из плотной толпы послышались его мерзкий смех и какие-то реплики, произнесенные скрипучим голосом, которые я не смогла расслышать.

— И вот с этим тебе придется учиться, — тихо сказала я, посмотрев на Скарлетт.

— Может, он быстро сдохнет, и тогда не придется, — фыркнула она, и я почувствовала, как голова Лиамы повернулась к ней.

Я знала, какой взгляд увижу, если обернусь. Лиам считал желание Скарлетт служить в Армори фальшивой показухой и был уверен, что в следующем году она не вызовется в качестве добровольца, коих в Слоуне не было уже много лет.

Я вернула взгляд на сцену. Парня, упавшего в обморок, уже привели в чувство: он стоял, пошатываясь рядом с Зои. Ртуть встал рядом с ними. Он остался таким же стройным и жилистым, но сильно изменился со школьных времен: теперь его голова была наголо побрита, абстрактная татуировка в виде угловатых узоров охватывала череп, ухо с черным тоннелем, щеку и половину шеи, исчезая за воротником футболки. От него за версту разило бахвальством. Тем не менее даже он не решился подойти к Теневой слишком близко. На лице девушки по-прежнему сохранялось равнодушно-презрительное выражение.

От разглядывания людей на сцене меня отвлек звук прокрутки следующей комбинации цифр.

Не Лиам.

Новое фото на экране — снова не он.

Руки вспотели от напряжения. Я высвободила их из ладоней Лиамы и вытерла о юбку.

— Сколько еще?

— Еще четырнадцать человек, — прошептал Лиам у моего виска.

Слишком много!

Каждое прокручивание новой комбинации казалось дольше предыдущего. Я считала кандидатов и с замиранием сердца ждала появления очередной фотографии. Когда осталось выбрать всего два человека, я уже не могла стоять на месте. Мышцы гудели от напряжения, становясь ватными. Предпоследний кандидат — девушка. Крепкая и здоровая. Возможно, ей даже удастся выжить.

Звук щелчков прокрутки цифр стал сводить с ума. Я убрала руки Лиамы со своей талии, потому что меня бросило в жар. Хотя мне и так было прекрасно видно, я все равно сделала два шага вперед, чтобы быть ближе к экрану. Сложила руки в молитвенный жест и прислонила их к губам в ожидании последнего лица.

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Только не он, только не он!

На экране всплыло незнакомое фото девушки, и по толпе прошел шумный выдох облегчения.

— Слава богу! — закричала я и кинулась в объятия Лиамы. Слезы облегчения брызнули из глаз.

— Я же говорил! — радостно смеялся он, прижимая меня к себе крепко-крепко.

Многие вокруг стали обниматься, радуясь, что для них День Призыва закончился благополучно, чего не скажешь о двадцати невезунчиках, отобранных для службы в суровой акаде-

мии. Мне не нужно было оборачиваться, чтобы знать, сколь кошмарные эмоции сейчас отражаются на их лицах.

Тем временем Браун несколько раз громко спросил, есть ли среди присутствующих добровольцы. Того требовали правила.

Я отстранилась от Лиамы и упала в не менее крепкие объятия Скарлетт.

— Все закончилось, — поглаживая мою спину, мягким голосом сказала она.

Скарлетт должна была вызваться добровольцем в этом году, хоть восемнадцать ей исполнится только в октябре. Я чуть не валялась у нее в ногах, умоляя остаться. Но главную роль сыграли, конечно, ее родители. Они давно понимали, что однажды их единственная дочь покинет отчий дом ради своей мечты, но так и не смирились с ее выбором. Кавану могли одолеть только Каваны. Совместными усилиями мы убедили ее остаться еще на год и даже подговорили Эрана предложить Скарлетт на это время работу в секции. С октября она будет вести младшие группы по муай-тай.

Пока мы обнимались, мистер Браун торжественно объявил День Призыва завершенным. Добровольцев в этом году не нашлось.

Поверх плеча Скарлетт, в узком просвете между людьми, я увидела семью Ру. Миссис Болдуин уткнулась лицом в груди сыновей, чьи одинаково рыжие волосы слились в яркое пятно, когда парни наклонились к плечам матери.

Никого из Болдуинов не забрали.

Скарлетт отодвинулась от меня и тоже посмотрела на них. Ру тряслась от тихих слез облегчения, отец обнимал ее за плечи.

— Вы раньше дружили с ней, да?

Поймав вмиг погрустневший взгляд Скарлетт, я обернулась к Лиаме.

— Да, было дело. Встретимся вечером? — прошептала я, чтобы сменить болезную тему.

Красивое лицо просветлело.

— Да, в восемь?

— Буду ждать.

Нежный поцелуй коснулся моих губ, забирая часть тяжелых чувств и обещая приятные эмоции вечером.

Глава 13

Покинув площадь, я начала подозревать, что за мной следят. Паранойя росла по мере моих ускоряющихся шагов. Я внимательно вглядывалась в лица прохожих и каждый переулок, где мог скрываться вооруженный отряд безопасников. Они часто патрулировали центральную часть Слоуна, хотя вся основная преступная масса была сосредоточена на его отшибе. По большей части жители окраин были предоставлены сами себе. Редкие рейды не в счет. Обычно они проходили безрезультатно — безопасники устраивали налеты на ангары и дома главарей преступных группировок, но почти никогда не находили ничего криминального.

Спустя год работы на Чико я узнала, что в городе вырыто бесчисленное количество потайных лазов, ходов и подземных хранилищ, доступ к которым имел ограниченный круг лиц. По словам Беса, Чико уже несколько лет рыл свой подземный лаз, чтобы группировке больше не приходилось пользоваться общедоступными тоннелями, о которых известно правительству. Из-за невозможности использовать спецтехнику, привлекающую много внимания, земляные работы велись практически вручную. По прикидкам Чико, подземный лаз будет готов в лучшем случае через пару лет.

Как по заказу, из ближайшего поворота вырулила пара безопасников. Как раз оттуда, куда я направлялась. Захотелось в ту же секунду свернуть в другую сторону, но, осознав, как подозрительно это будет выглядеть, я вытерла вспотевшие ладони о цветочную юбку и уверенно застучала низкими каблуками балеток им навстречу. Мужчины прошли мимо, легко скользнув по мне незаинтересованными взглядами.

Я на мгновение прикрыла глаза и выдохнула, почувствовав, как расслабились плечи, после чего свернула в последний благопристойный квартал на пути к окраинам.

Пока я шла по Ист-Сайду, мне встретились еще восемь безопасников в разных переулках. Черт.

Это не могло быть совпадением.

Обычно они не патрулировали эти районы днем.

На меня никто не обращал внимания, но по мере приближения к промзоне все больше прохожих провожали взглядом мой наряд.

Последние дни я выбирала женственные образы, даже когда таскала рюкзак с бахромой по низу, доверху набитый медикаментами. Блузы с рюшами и юбки в складку помогали создавать образ невинной овечки, спешащей в библиотеку или на какой-то важный школьный факультатив. Никто не мог бы подумать, что семнадцатилетняя девушка в таком образе тащит в рюкзаке не книги, а дорогостоящие препараты, которые сама же и украла.

Лиам был в восторге от резкой перемены стиля, кроме тех случаев, когда он волновался о длине подола и глубине декольте. Он даже не догадывался, что после сделки я снова вернусь к привычной одежде. Не то чтобы я не носила женственные вещи. Просто те же блузы с рюшами я чаще всего сочетала с потертыми джинсами, а летящие юбки — с объемными футболками, которые нивелировали излишнюю романтичность образа. Лиаму нравилось, когда я выглядела как нежное невинное создание. Я носила эти вещи в основном ради него. Если бы не он, я бы не вышла из толстовок и широких джинсов.

Я спокойно прошла мимо Алана. Бугай со шрамом поперек лица сидел на металлической бочке недалеко от ангара, читая какую-то тонкую книжку, хотя ему с такой внешностью больше бы подошло точить ножи. Шкаф два на два коротко зыркнул в мою сторону и сразу потерял ко мне интерес.

Я залетела в ангар, на мгновение зацепилась взглядом за башню из пивных банок на бильярдном столе и нырнула за брезент, который за полтора года превратился в еще более жалкие лохмотья. В полумраке меня встретили ониковые глаза Беса.

— Что случилось? — нахмурился он, опуская коробку на пол.
— Ты тут один? — опасливо спросила я, оглядывая открытый проход на склад.
— Да, Чедвик вышел позвонить, он на заднем дворе.
— Только что на площади... — шепотом начала я.
— Новая реформа Брауна? — перебил Бес, поправляя шапку-таблетку на черных кудрях.
— Да! В центре куча безопасников, и это не связано с Днем Призыва! Несколько отрядов дежурят даже в Ист-Сайде! Уверена, завтра их не станет меньше!

Бес быстро понял, куда я веду.

— Сделку нельзя отменить. Товар нужно передать завтра, партнеры...

— Я не прошу отменить сделку, но нам стоит отказаться от участия, — затараторила я, вытирая вновь вспотевшие ладони о юбку. — Скажем Чико, что не можем, придумаем причину, заплатим компенсацию...

— У меня нет столько денег, — отрезал Бес.

— Я заплачу за нас обоих, — уверенно заявила я. — Я задницей чую: что-то пойдет не так. Если нас поймают...

— Скай.

— Бес, нам нужно залечь на дно...

— Ты должна успокоиться.

— Успокоиться?! Как тут успокоиться? Через два месяца мне восемнадцать. В случае чего меня продержат в камере до оглашения приговора, а после первого сентября отправят на электрический стул!

— Никуда тебя не отправят, расслабься, — уставшим голосом сказал он, аккуратно двигая коробку ногой к ряду синих термобоксов. — Для нас из-за реформы ничего не поменялось. Сделки всегда проходят гладко, и в этот раз шанс срыва минимальный.

— Все в верхушке знают, что сплав контрабанды проходит через тоннели!

— Они это знают уже много лет, но у них нет столько людей, чтобы ежедневно выставлять охрану на всех развилках и выходах за периметр — одних выходов более тридцати. Они не могут оставить улицы без присмотра и спустить всех безопасников под землю.

Он был прав.

Видя мой настрой, Бес продолжил:

— Ты должна взять себя в руки. Не смей ничего говорить Чико, Чедвику и вообще кому бы то ни было. Дашь заднюю, босс снимет тебя с нормальных заданий и отправит работать на склад. Хочешь и тут возиться с лекарствами, как ты делаешь это в сортировочном пункте?

Я покачала головой, и он продолжил:

— Чико не прощает слабости. Он не даст тебе уйти, но и доверять серьезные дела тоже не станет. Чтобы ты знала, за сортировку на складе платят десять дастов в час.

— Так мало?.. — я запнулась, потому что в ангар вошел Чедвик.

— Лиа?

— Чед!

Мы смотрели друг на друга несколько долгих секунд, пока он ловким движением укладывал за ухо сигарету.

— Ты чего здесь? — наконец произнес он и посмотрел на часы, отодвигая их подальше от лица и щурясь. — Мы же договаривались встретиться в пять.

— Знаю, — только и ответила я.

— Что-то случилось? — его тон стал озабоченным.

— Нет! — поспешила успокоить его я. — Все в порядке, я просто...

— Я попросил ее прийти раньше, — вдруг вставил Бес и стал снимать с меня рюкзак. — Ей нужно сделать лишнюю ходку. Ее рюкзак вмещает только половину нормы. Мы так не уложимся до завтра.

— Понял, — Чедвик кивнул и пошел вглубь склада, полностью удовлетворенный ответом Беса.

Я молча наблюдала, как Бес доверху наполнил мой рюкзак контейнерами с оранжевыми пузырьками и протянул мне. Его черные глаза указали на выход. В напряженном молчании мы дошли до ворот, где заканчивалась территория Чико, и остановились. Алан, восседающий на бочке, снова бросил быстрый взгляд на нас и уткнулся в книгу.

— Сохраняй спокойствие, иди через центр, не смотри на безопасников, — он недовольно взглянул на мои руки, шмыгнув большим носом, отчего колечко в носу слегка качнулось. — И прекрати цепляться за лямки. Сколько раз тебе говорить? Забуди, что лежит у тебя в рюкзаке.

Я опустила руки и расстроено кивнула.

— Сегодня больше не приходи, сразу иди домой.

Снова кивок. Я сделала шаг за ворота.

— Скай, — позвал он. — Если подобное повторится, я должен буду доложить боссу.

Я не могла винить его в том, что он добросовестно выполнял свою работу, но острый укол обиды уже вонзился под ребра. За эти полтора года мы так и не стали друзьями, но наши отношения перешли из категории взаимно раздражающих друг друга людей в категорию надежных напарников. Мы вместе прошли больше сотни заданий, при выполнении которых порой оказывались в шаге от фиаско, и единственное, что всегда спасало нас, — это безупречное командное взаимодействие. Бес был замкнутым и отстраненным, но я научилась понимать его с одного взгляда.

Чико будто наперед знал, что мы отлично сработаемся. Спустя полгода моего пребывания в группировке он сказал мне как бы между делом, что до меня он ставил Бесу в напарники четыре человека. Самый стойкий продержался две недели. Ирония в том, что Чико никогда не говорил ничего просто так. Он дал мне эту информацию намеренно, но зачем — я так и не поняла.

Вынырнув из своих мыслей, я снова кивнула. На лице Беса была написана неподдельная тревога.

— Этого больше не повторится, — заверила его я, задвигая все эмоции на задний план.

На сей раз кивнул он, спрятал руки в карманы потертой коричневой куртки и быстро пошел к ангару. Я провожала его взглядом. Бес повзрослел, стал выше и немного шире в плечах, все равно оставаясь откровенно шуплым и больше похожим на недоедающего подростка, чем на взрослого парня. Надменность, сквозившая в нем год назад, почти исчезла, сменившись спокойной уверенностью и собранностью. Это ощущалось даже в его походке — она не была прыгучей или легкой, как у многих долговязых парней. Несмотря на катастрофически низкий вес, Бес ступал тяжело и решительно, будто весил под двести фунтов. Так ходили только здоровые лбы, один из которых сейчас пялился на меня, оторвавшись от книги.

— Убийца — ее муж, — громко сказала я, глядя на обложку триллера, который читала в прошлом году, и быстро ретировалась.

— Эй! Че за... — полетело мне в спину, и я прибавила шаг, нервно хихикая.

Глава 14

До заброшенного сада больницы я добралась без приключений. Чтобы перестать видеть в каждом прохожем шпиона, я вставила в уши наушники и включила на плеере танцевальную музыку. Это помогло абстрагироваться.

Спрятав последние контейнеры в зарослях, я отправилась домой, чтобы помыться и переодеться перед встречей с Лиамом. Проходя по торговой улице, на которой сейчас было не толкнуться, я снимала остатки колючек с юбки и потому не сразу заметила ажиотаж у магазина Гретты. Осознав, в чем дело, я метнулась на другой конец улицы.

Люди в длинной очереди стояли не за фруктами и овощами, как многие могли подумать. Все знали, что в хорошую погоду Безумная Гретта выносит небольшой металлический столик на крыльцо под оранжево-белый навес и гадает всем желающим.

Сквозь резко поредевшую толпу я увидела саму хозяйку магазина, обвешанную амулетами и разноцветными бусами. Она расслабленно сидела на стуле, раскладывая карты очередному глупцу, а полы ее зеленого кимоно стелились по асфальту.

Проскочить незамеченной не удалось, Гретта вдруг трянула рыже-седой шевелюрой, убранный в причудливую прическу на макушке, и направила свой зоркий взгляд прямо на меня. Не сбавляя шага, я помахала ей, быстро отвернулась и растворилась в шумной компании девушек, идущих рядом и несущих объемные пакеты с покупками. Но не тут-то было...

— Кисонька! — На всю улицу раздался звонкий голос Гретты, переходящий на писк. Казалось, на ее зов обернулись все, в том числе девушки, за которыми я пряталась. Они перекинулись парой фраз о каком-то Трэвисе и его возможных изменах некоей Рэйчел, после чего, недолго думая, направились в сторону очереди.

Я осталась без прикрытия, и без того узкие, но теперь еще и прищуренные глаза Гретты снова нашли мои. Внутренне чертыхнувшись, я тоже пошла к магазину под внимательными взглядами людей, стоящих в очереди на гадание.

— Кисонька, ты меня избегаешь? — хмыкнула она, растянув малиновые губы. Несколько дредов с бусинами и колечками ударились о ее пирсинг на сморщенных губах.

— Привет, Гретта. Нет, я просто спешу, — ответила я, нервно оглядывая собравшуюся толпу.

Она вдруг резко бросила карты на стол, отчего массивные браслеты из камней и металлических подвесок забренчали. Ее блестящий септум-пирсинг в виде цветка сверкал на солнце, пока Гретта оглядывала меня сверху вниз, точно магический сканер. Она называла это «считыванием ауры». Чем бы это ни было на самом деле, ощущение не из приятных.

Должно быть, моя аура представляла собой сгусток черной, нервной энергии, иначе я не могу объяснить дальнейших действий Гретты. Сообщив всем присутствующим, что на сегодня гадания окончены, она схватила меня за запястье и потянула в магазин под недовольные причитания толпы.

Стоило стеклянной двери захлопнуться за нами, а колокольчику над ней издать характерный звон, как Гретта опустила жалюзи и окончательно отрезала нас от возмущенных людей. Ровные ряды стеллажей с яркими плодами и зеленью погрузились в полумрак. Не включая свет, Безумная Гретта потянула меня вглубь магазина.

Мы оказались в небольшой комнате, стены которой были оклеены темно-синими обоями с оранжевым бархатным принтом, а под ногами лежал мягкий ковер в тон обоям. Тяжелые гардины плотно закрывали многочисленные окна, так что единственным источником света осталась фэнтезийная люстра под потолком. Вопреки царившему в комнате жару, я содрогнулась, готовясь к очередной эзотерической атаке.

— Садись, садись, не стой, — Гретта указала на велюровое кресло и скрылась в одной из дверей, за которой, вероятно, скрывалась кладовка.

Я послушно заняла место за круглым столом. Вместо скатерти на нем лежала та же синяя гардина, собираясь грубыми складками на полу. На столешнице всюду дымились деревяшка, источая удушающий аромат. Бросив взгляд на стопки книг перед собой, что высились от пола до потолка, я удивилась, как они еще не прибили Гретту. Конструкция выглядела неустойчивой: каждая книга словно задерживала дыхание и напрягала легкие, чтобы втиснуться в кожаный переплет, а после пыталась удержать в нужной позиции свою соседку.

Стоило мне твердо решить, что дольше следующих пяти минут я здесь не задержусь, как справа от меня сразу же материализовалась взъерошенная хозяйка книжной стены. В руках она несла латунный поднос с чайником и чашками.

Заметив мои руки, сжимающие пустой рюкзак на коленях, она водрузила поднос на стол и непреклонно проговорила:

— Будем пить чай.

— Как скажешь, — я привычно склонила голову в знак уважения, не желая спорить с этой безумной женщиной, и положила рюкзак на пол.

Пока она разливала голубую воду по чашкам, приправляя ее каким-то странным желтоватым порошком, я откинулась в кресле и постепенно смирялась со своей участью выслушивать очередные бредни.

Гретта и раньше регулярно делилась со мной своими предсказаниями, хоть я никогда и не просила ее гадать для меня. Она была частой гостьей в нашем доме, и деться от нее было некуда, поэтому приходилось внимать ее пространным речам. Однако Надин чаще всего чувствовала момент, когда мое терпение начинало иссякать, и прикрывала собой амбразуру общения со своей подругой, за что я была ей бесконечно благодарна. Сейчас же мы были один на один, и сколько продлится наше чаепитие, было неясно.

Дружба Гретты и Надин не поддавалась объяснению. Они были такие разные: Надин — глубоко верующая католичка, а Гретта — фрикесса с ее эзотерическими штучками. Но что бы ни удерживало двух таких непохожих женщин вместе, стоит отдать должное: их тридцатилетняя дружба становилась все крепче из года в год. Большинству людей стоило бы поучиться у этой парочки, как выстраивать отношения.

Гретта наконец закончила хлопотать с чаем и приземлилась в кресло напротив. Стена из книг слегка качнулась, и мои глаза расширились от ужаса.

— Ты не боишься, что они рухнут на тебя? — спросила я у невозмутимой Гретты.

— Нет, кисонька. Пей.

Это прозвучало скорее как приказ, поэтому я взяла изящную фарфоровую чашку с золотой каймой и пригубила странный на вид напиток, в котором плавали фиолетовые цветки.

— Что это? — поинтересовалась я, делая уже более уверенный глоток пряно-сладковатой воды.

— Мой особый чай, — уклончиво отозвалась Гретта и тоже отпила напиток. На ободке чашки остался яркий малиновый след от помады. — Итак, у меня есть к тебе разговор.

А то я не поняла.

— Я тебя внимательно слушаю.

Я вдруг почувствовала, как ноги наливаются теплом, и расслабляющая волна ползет вверх. Подозрительно покосившись на чайник и пиалу с порошком, я отставила чашку на блюдце. Чем она решила напоить меня?

Гретта неожиданно проникла своим взглядом глубоко в мои глаза, чем привлекла мое внимание.

— Я вижу, у тебя завтра есть планы сомнительного содержания. Это так? — вдруг выдала она, и ее попадание в цель неожиданно задело меня: неужели я настолько открыта, что она смогла меня прочитать? Нет, так не пойдет...

— Не понимаю, о каких планах ты говоришь.

— Я не собираюсь отговаривать тебя от опрометчивых решений, да и не опрометчивы они вовсе... Ты должна пройти все, что тебе уготовано, — Гретта включила тот самый замогильный голос, каким она обычно вешала лапшу на уши глупым зевакам на улице. — Вина, — вдруг почти крикнула она и звякнула кружкой по блюдцу. Я даже вздрогнула от неожиданной смены тона. Гретта продолжила уже спокойнее, не сводя невидящего взгляда с точки между моими глазами, словно находилась в трансе: — Совсем скоро ты впервые в жизни увидишь ее, познакомишься с ней глубокой ночью, и не будешь знать о том, что первый взгляд на твою новую знакомую обманчив, что она окажется для тебя более громадной, чем это возможно в человеческом понимании, но не в понимании другой, нечеловеческой тебя. Не души себя необъятной виной. Она коварна, она обманет! И если ты обманешься, она станет твоим приговором и в итоге после долгих и мучительных пыток казнит тебя, дабы освободить от самой себя!

Я моргнула, пытаюсь переварить услышанное.

Гретта моргнула секундой позже, и ее взгляд наполнился осознанностью.

— Ты понимаешь меня, кисонька? Вина, которую ты встретишь, не та, за кого себя выдает, — будто желая добить меня, она повторила другими словами то, что уже сказала.

Я рассеянно кивнула, чем вызвала громкое и до смешного недовольное цоканье, слетевшее с ее уст.

Я тоже не выдержала и цокнула, подражая ей:

— Ты, как обычно, говоришь абстрактные вещи! Можно конкретнее? За что я буду винить себя?

— Кисонька, кисонька, — запричитала Гретта и сыпанула еще порошка в свою чашку, беззастенчиво размешав его кривоватым пальцем с красным лаком на ногте. — Ну откуда же мне знать, за что конкретно?

— Карты не говорят?

— Я не по картам вижу твою судьбу. Знание о тебе приходит ко мне вот сюда, — тем же мокрым пальцем она постучала себя по центру узкой груди, а потом облизала его, громко причмокнув.

Слова Гретты только подлили масла в огонь моих переживаний относительно завтрашнего задания. От нехорошего предчувствия у меня уже тек чердак, раз я начала верить в то, что она говорит, и пытаться разгадать, что за обманчивая вина ждет меня. Окончательно отчаявшись, я схватила чашку и сделала два уверенных глотка чая. Не прошло и секунды, как спокойствие обняло меня, точно вторая кожа.

— Это же не что-то запрещенное? — я скривила подобие улыбки. — Если Надин узнает, что ты спаиваешь меня не пойми чем...

— Ну что за глупости, кисонька! — возмутилась Гретта и взмахнула руками, из-за чего рукава кимоно упали и обнажили витиеватые тату в виде фракталов, складывающихся в бесконечные ракушки. Сейчас эти узоры медленно двигались, будто и правда находились на морском дне.

Я встряхнула головой и перевела взгляд на лицо Гретты. Ее взгляд остановился на моих пальцах, крутивших медальон. Она, будто загипнотизированная им, стала медленно произносить:

— Тень присмотрит за тобой, но не жди от нее спасения. От страданий никто не сможет тебя спасти, кроме тебя самой — услышь, запомни, усвой. Никогда не ищи спасения в других. Ты — свое спасение...

Гретта оторвала взгляд от медальона и отхлебнула чай, а затем продолжила свою бес-
связную речь:

— Чтобы выдержать предстоящий путь, выбери того, с кем звезды будут гореть ярче. Он и только он оценит гармонию твоей неоспоримой красоты, силы и остро заточенного ума. Он станет проводником. Он уверенно проведет тебя сквозь собственный хаос.

Я нервно сглотнула, ощутив прилив жара. С каждой минутой в комнате становилось невыносимо душно.

— Это... не Лиам?

— Может, и Лиам. Я не знаю, — тон ее голоса прозвучал подозрительно прохладно.

Пожалуй, единственное, в чем я была на сто процентов уверена в своей жизни, — это наши отношения с Лиамом, поэтому я быстро отбросила все другие вероятности, что Гретта говорила о ком-то другом. Это попросту невозможно.

— Мне пора. Спасибо за гостеприимство, — чтобы не показаться неблагодарной, я залпом допила весь чай и поставила чашку, чуть не промахнувшись мимо блюдца. — И за пред-
сказания спасибо.

Я поднялась слишком резко, и книжная стена накренилась.

— Осторожно! — вскрикнула я, но Гретта даже не шелохнулась.

От собственного крика мои мозги встали на место, а вместе с ними и зрительные нервы. Я проморгалась и поняла, что стена на месте и не планирует никуда двигаться. А вот мне пора было делать ноги...

— До встречи, кисонька, я буду скучать, — неожиданно произнесла Гретта до того печальным голосом, будто она прощалась со мной на долгие годы. Быть может, она думала, что я планирую поехать учиться в Ластхевен, как Дэнни? Гретта была в хороших отношениях с мистером Томсом и наверняка была в курсе, что его сын целый год ходил на стажировку в фармцентр, чтобы набраться опыта и уехать изучать Пыль в престижный научный центр Ластхевена. Но у меня-то не было амбиций стать биохимиком и уничтожить Кровавую Пыль. К тому же в больнице Слоуна была прекрасная обучающая программа по сестринскому делу. Я уже подала документы, осталось только донести аттестат, который я получу на следующей неделе. А уже в июле у меня начнется подготовительный курс по основам медицины, за который я отдала баснословные две тысячи дастов. Странно, если Гретта об этом не знала. Ее последующие слова подтвердили мои догадки о ее неосведомленности о моей жизни:

— В следующий раз свидимся с тобой в совершенно другой, далекой и сейчас абсолютно чуждой тебе истории, в которой ты уже не будешь собой настоящей, но будешь собой будущей, обращенной в неизведанное, в нечто совсем незнакомое тебе нынешней.

Я встала как изваяние, полностью загипнотизированная ее нереальным взглядом, проникающим в самые недра моей души, трепещущей от смешанных чувств: непонимания, тревоги и предвкушения... Да от всего одновременно!

— Гретта, сколько мы, по-твоему, не увидимся? — всерьез напрягшись, спросила я.

Вместо ответа она опустила глаза на свое запястье и стала медленно перебирать черные бусины браслета.

Все, кто хоть раз близко общался с Греттой, знали, что это значит: на этом разговор окончен. Ни одного слова больше не будет произнесено в твой адрес.

Пару минут я потопталась на месте, ожидая, что, может, в этот раз Гретта сжалится и не будет оставлять меня в подвешенном состоянии. Но Безумная Гретта не получила бы свое прозвище, не будь она действительно безумной и не совершай она безумных поступков.

Удивительно, но иногда ее предсказания все же сбывались. Вскоре после смерти матери она пришла ко мне, когда Надин была на смене, и сказала следующее:

— *Потерпи, кисонька. Последние месяцы ты не контролировала свою жизнь, словно тебя вынесло в открытое море без весла. Но скоро весло появится.*

Только спустя время я поняла, что тем веслом стало мое попадание в группировку Чико.

Совпадение? Скорее всего. Но услышав тогда эти заветные слова, мне стало намного легче. Я поверила Гретте, потому что мне жизненно необходима была надежда на что-то хорошее. Виной тому — сильный стресс и отчаяние. Именно так люди, попавшие в беду, и ведутся на шарлатанство таких, как Гретта, отдавая им последние деньги. Занимательно, что с меня и Надин она не брала ни даста. И раз я начинала верить в ее чушь бесплатно, значит, права была Скарлетт... Еще в раннем детстве она сказала, будто бы каждый разговор с Греттой оставляет в ней частичку безумства. За столько лет разговоров с ней во мне точно накопилась приличная доля сумасшествия.

Пока я окончательно не поехала крышей от своих размышлений и духоты вперемешку с едким дымом тлеющей деревяшки, мои руки схватили рюкзак быстрее, чем я успела подумать, а ноги уже несли прочь из странной комнаты.

Стоило мне выйти наружу, как свежий воздух вскружил голову настолько, что мне пришлось опуститься на складной стул у входа, дабы прийти в себя. Продышавшись, я открыла глаза и чуть не свалилась со стула.

Передо мной на столике лежала карта...

Полностью залитая черным цветом...

А внизу крупными буквами было выведено одно-единственное слово...

Смерть.

Глава 15

Смерть. Смерть. Смерть.

Это слово набатом звучало в голове, не давая покоя.

Я завтра умру?

Бес умрет?

Завтра точно случится что-то страшное...

Я нервно дрожала и суетливо перебирала ногами в инстинктивной попытке убежать. Мое тело оказалось умнее разума: оно уже чувствовало предстоящую опасность и заранее вбрасывало адреналин в кровь, заставляя сердце биться быстрее и приказывая спасаться. Наверное, поэтому я так сильно сжала пальцы на теплой коже, а зубы сомкнула на мягких губах. Резкий выкрик вернул меня в реальность.

— Какого черта? — Лиам держался за рот и глядел на меня сверху вниз.

Замявшись, я уставилась в зеленые глаза, полные укора.

— Я... Я не...

Лиам тяжело выдохнул, обжигая дыханием лицо, и скатился с меня. Но вместо того чтобы лечь на соседнюю подушку, он вдруг встал с кровати и принялся надевать футболку.

Я резко села.

— Что... Куда ты?

— Меня это порядком достало, — не поворачиваясь, буркнул он, пока зашнуровывал кроссовки, сидя ко мне спиной.

— Прости! Лиам! Не уходи! Извини, слышишь?

Застегивая блузку, я подползла к краю кровати и посмотрела на точеный профиль, подсвечиваемый фонарем на прикроватной тумбе. Я знала, что Лиам лучше не трогать, когда он в таком состоянии.

Закончив с кроссовками, он надул щеки, шумно выпустил воздух и только после этого повернулся ко мне всем корпусом.

— Скажу, как есть. Не с целью обидеть или оскорбить. Это для твоего же блага, детка.

Все внутри меня похолодело. Руки так и чесались взять его ладони, но вместо этого я обхватила собственные колени, покрывшиеся гусиной кожей.

— В последнее время... во время близости... Черт... — Лиам потер ладонью лицо. — Не знаю, как сказать...

— Ты меня пугаешь.

— Так, ладно. Хорошо... Детка, мне не нравится, что в последнее время ты ведешь себя как потаскуха.

У меня натуральным образом отвалилась челюсть.

— Не знаю, где ты нахваталась этого, но вот эти твои удушения, укусы и прочие мерзости... — Лиам весь скривился и отвернулся, глядя перед собой. — Короче, завязывай с этим. Это не про тебя. Тебе это не нужно.

Стыд затопил каждую клетку моего тела.

Не выдержав режущей правды, я резко вскочила с кровати и подошла к широкому окну, закрытому плотными жалюзи. Я пыталась глубоко дышать через рот, чтобы не сорваться на громкий плач.

Я всего лишь хотела попробовать что-то новое... Какая же я идиотка, теперь Лиам думает, что я какая-то дешевка...

Он подошел сзади и положил руки на мои плечи, которые в тот же миг задрожали.

— Не обижайся, прошу. Я люблю тебя и желаю тебе только лучшего.

Я кивнула и все-таки горько расплакалась.

— Ну-ну, де-е-тка, — он обнял меня и прижал к себе. — Не надо, оно того не стоит. Разве тебе не нравится быть нежной и ласковой? Ты ведь такая хрупкая, как самый красивый цветок. Я не хотел оскорбить тебя, честно. Я лишь хочу защитить тебя от этой грязи.

У меня никак не получалось остановить льющиеся градом слезы. Словно в глазах открылись особые «рыдательные» шлюзы. Только ощутив мягкие поцелуи в шею, я стала успокаиваться, и рыдания перешли в тихие всхлипы. Ласки Лиам становились настойчивее. Иногда меня посещала ужасная мысль, что он специально доводит меня до слез. Но тогда это бы означало, что Лиам жестокий и плохой человек, а он был совсем не таким. Он сполна одаривал меня заботой и любовью. Я просто становилась особенно чувствительной рядом с ним, поэтому часто плакала по поводу и без.

Спустя час мы лежали в объятиях друг друга под тонким покрывалом. Лиам тихо посапывал, а я немигающим взглядом смотрела в потолок, вспоминая кошмарную ссору, случившуюся между нами на той неделе. Около месяца назад Лиам заподозрил неладное из-за моих задержек на работе. Одним вечером он пришел в сортировочный пункт и не застал там ни меня, ни Чедвика. Когда мы встретились на следующий день, он поинтересовался, где я была, и я привычно ответила, что на работе. Уже по изменившемуся выражению лица мне стало понятно, как сильно я просчиталась. Я была откровенно дерьмовой лгуньей, но на такой случай у меня был заготовлен ответ. Мои слова звучали убедительно: я сказала, что иногда поставки лекарств задерживаются, и мы с Чедвиком переходим на склады, чтобы успеть собрать нужные препараты для отправки в другие города. Лиам съел мою ложь и не подавился: он кивнул, его нахмуренные брови расслабились, а губы перестали сжиматься в линию.

Но неделю назад Лиам выдал немыслимое.

Он обошел все склады в поисках нас с Чедом. И когда не обнаружил нас ни на одном, дождался моего позднего возвращения на крыльце дома и устроил грандиозный скандал. Хорошо, что Надин была на смене. Лиам орал и обвинял меня, что я изменяю ему с Чедом. Большого абсурда я в жизни не слышала! Сколько бы я ни объясняла ему, где в моей системе координат он, а где Чедвик, это не помогало. Все дошло до того, что ко мне домой заявила миссис Болдуин и поинтересовалась, все ли у меня в порядке, потому что она услышала наши крики. Я, красная и зареванная, сказала ей, что все нормально, пока Лиам отсиживался в моей комнате. Меньше чем через пять минут она вернулась вместе с Эраном, который, оттеснив меня, бесцеремонно прошел вглубь дома и вышвырнул Лиам на крыльцо. Я кричала, захлебываясь слезами, чтобы он не трогал его. Тем временем Лиам угрожал упечь Эрана в тюрьму. В результате наши вопли слышали патрульные. Я в этот момент находилась на крыльце собственного дома, поэтому меня не тронули, а вот Лиам, Эрана и миссис Болдуин безопасники посадили в машину и увезли в участок. На следующий день я узнала, что всем выписали штраф за нарушение комендантского часа. Это было ужасно. Стыд перед Эраном и миссис Болдуин сжигал меня дотла. В тот же день я принесла Эрану двести дастов на оплату штрафа, на что получила гаркающий приказ засунуть эти деньги себе в задницу. Он даже не захотел выслушивать мои извинения, бросил коротко: «Гони этого мальчишку в шею» и захлопнул перед моим носом дверь.

Миссис Болдуин также отказалась от денег, сказав, что вмешаться в ситуацию было ее гражданским долгом. Тем не менее на следующий день я все-таки передала две купюры мистеру Болдуину, настоятельно попросив отдать жене.

С Лиамом все обстояло хуже всего. Он долго злился на меня и избегал общения. Только три дня назад мы наконец увиделись и поговорили. Он вроде признал свое предположение о нас с Чедвиком абсурдным. Свое позднее возвращение в тот вечер я списала на помощь Надин в больнице.

С его подозрениями нужно было что-то делать, но я не знала, что именно. Если Лиам узнает о контрабанде, то больше никогда не посмотрит на меня как прежде. Все между нами будет разрушено. Меня бросало в дрожь от одной мысли, что мы можем расстаться.

Да, в последнее время у нас не все было гладко. Ссоры стали неотъемлемой частью нашей жизни, но мы понимали, что это временно. Всего лишь кризис — это нормально.

Все усугублялось тем, что Лиам был ревнивым собственником. Даже во сне он держал руку на моем бедре, поэтому, когда я мягко отстранила ее и села, его глаза мгновенно открылись.

— Куда ты? — спросил он хриплым голосом.

Прикрывая грудь краем покрывала, я наклонилась к его лицу и прошептала:

— Мне пора, Надин будет беспокоиться, если не обнаружит меня в комнате.

— Понял.

Лиам притянул меня к себе и нежно поцеловал, а после прижался лбом к моему и неожиданно произнес:

— Скажи Скарлетт, чтобы больше не учила тебя шлюшьим замашкам.

Я подавилась воздухом. Опасная темнота застала мне глаза. Пульс ускорился.

Резко отстранившись, я в шоке выдавила:

— Ничему Скарлетт меня не учит!

Лиам перешел все границы.

Мои глаза бегали по его равнодушному лицу.

— Не смей говорить так про мою лучшую подругу, — уже более твердым голосом сказала я. — Она может тебе не нравиться, но я не потерплю оскорбления в ее адрес!

Мои руки сильно дрожали на шершавой ткани покрывала.

— Я ее не оскорблял, — раздраженно выдохнул он.

— Ты назвал ее шлюхой!

— Нет. Я сказал, что у нее шлюшьи замашки.

— Это одно и то же! — отсекла я, разъяренно подаваясь вперед.

Лиам молчал. Долго. Затем демонстративно отвернулся от меня, как бы говоря, что наш разговор окончен.

Ощувив щипание в носу, я резко поднялась и стала одеваться. Пальцы соскакивали с пуговиц блузки. Одолев все застёжки, я выбежала из апартаментов как ошпаренная, и не заметила, как преодолела шесть этажей. Крыша встретила меня блаженной прохладой. Ночь только вступила в свои права: звезды еще не зажглись, но Слоун сиял тысячей огней, а вдалеке виднелась черная кромка леса.

Подходить близко к краю было нельзя, меня могли заметить, поэтому я села на грязный стул, оставшийся здесь после видового ресторана, и расплакалась. Вся тяжесть этого дня разом навалилась на меня. Я уронила голову на стол и не заметила, как уснула.

Глава 16

Домой я вернулась под утро с острой болью в шее и плечах. К счастью, Надин не заметила моего отсутствия. Мне кажется, она специально перестала заходить по ночам ко мне в комнату, понимая, что если не найдет меня спящей в постели, будет переживать всю ночь. Я давно говорила ей перестать заглядывать ко мне. К чему эти лишние переживания?

После плотного завтрака я отправилась в школу, чтобы сдать учебники, а затем на тренировку к Эрану. Все тело дрожало от желания выплеснуть адреналин. Кожаная обивка груши сегодня значительно пострадала, пополнившись новыми дырками с торчащим поролоном.

Вечером я, Бес и Чедвик сидели в зарослях, ожидая наступления темноты. Мысли вращались, как на бешеной карусели: то я думала о том, как помириться с Лиамом, то о пугающем разговоре с Греттой, то о предстоящем походе в жуткие тоннели, с которыми были связаны дурные воспоминания.

— *Пора*, — показал Чедвик, и мы синхронно встали со своих гигантских походных рюкзаков.

Солнце окончательно скрылось за горизонтом, когда мы подняли люк. Мы с Бесом помогли Чедвику надеть рюкзак, полный лекарств, и он скрылся в темноте. Следующей пошла я, но моя ноша была значительно легче, чем у парней. Зажав фонарик в зубах, я быстро спустилась по ржавой лестнице и спрыгнула в воду, которая доходила до щиколоток из-за недавних дождей. Грязная, холодная жижа мгновенно заполнила кроссовки, заставив меня поежиться и глубоко вдохнуть. Тоннель встретил знакомым запахом сырости и плесени.

Я встала рядом с Чедвиком. Услышав, как наверху захлопнулась крышка люка, я вздрогнула, ощутив себя запертой в этом жутком месте.

Дождавшись Беса, Чедвик задрал голову, оглядел нас и уверенным шагом пошел вперед. По его словам, он ходил здесь раз сто, и всегда все проходило «как по маслу». Мы с Бесом переглянулись и пошли за ним.

За пять лет здесь ничего не изменилось: те же похожие на человеческие силуэты следы краски на обшарпанных стенах, тот же звук капающей воды и то же ощущение, что тонна бетона вот-вот рухнет тебе на голову. Желудок скрутило от нервов. Как мы могли детьми полезть сюда, да еще и пройти так далеко?

Мы вышли к той самой развилке с четырьмя ответвлениями, и я вспомнила леденящие душу звуки, доносящиеся из глубины тоннелей. Все тело тотчас покрылось мурашками.

Бес вдруг остановился и пошарил кроссовком по дну, а затем медленно наклонился под тяжестью набитого рюкзака и вытащил из воды большой кухонный нож. Мой нож. Который Дэнни выронил, когда мы убегали. Я и забыла про него.

— Он тут давно, брось обратно, — тихо сказал Чедвик, но я успела перехватить находку и разглядеть под светом фонаря: деревянная ручка разбухла, а лезвие стало оранжевым от ржавчины.

Ощущение, будто мы оставили его здесь целую вечность назад. Надин тогда долго спрашивала нас с мамой, куда мы дели ее любимый нож для мяса. Я кинула артефакт прошлого обратно в воду, и на секунду мне послышался еще какой-то звук, кроме булькнувшего ножа. Я обернулась, освещая фонарем черную каменную пасть, но ничего не обнаружила.

— *Что такое?* — показал Бес, дотронувшись до моего локтя.

Я покачала головой, проглатывая нехорошее предчувствие, и мы завернули в самый левый тоннель.

Чем дальше мы продвигались, тем сильнее в животе закручивалась тревога. Фонарь так сильно трясся в моих руках, что Бес жестами, пока Чедвик не видел, попросил меня выключить

его, поскольку трепыхающийся свет выдавал мое волнение с потрохами и тем самым портил нашу репутацию.

Перед глазами сразу же всплыла картина, как на одном из первых заданий мы сильно повздорили из-за того, каким путем лучше всего пробраться на дальний склад. Несмотря на ураганное предупреждение, я настояла идти по крышам, а не по земле, где повсюду ходили охранники и всюду светили фонари. Бес нехотя согласился, а потом ему пришлось спасать меня, когда я поскользнулась на узкой бетонной балке, соединяющей крыши складов. Свет фонаря подо мной так же дрожал от порывов сильного ветра, пока я болталась на высоте пяти этажей. Как назло, именно в этот момент на углу склада собрались покурить три охранника, и Бес, рискуя собой, будучи в полтора раза хуже меня, залез обратно на балку, чтобы помочь мне. На удивление, после выполненного задания он не сообщил о моем провале Чико и ни разу не упрекнул меня в самонадеянности. За все время напарничества я ни разу не услышала от него слов «я же говорил», хотя давала для этого массу поводов. Однако после того случая выбор пути и способа проникновения куда бы то ни было оставался за Бесом.

Без сопротивления я сделала, как он просил, — выключила свой фонарь.

Спустя минут десять впереди показались вспышки белого света. Не задумываясь, я схватила Беса за куртку, только спустя секунду догадавшись, что это наши партнеры.

— *Соберись*, — показал он, поджав тонкие губы.

Я молча отпустила его куртку и выпрямилась, насколько это позволял тяжелый рюкзак за спиной. Чедвик остановился и направил луч фонаря вниз. Идущие навстречу нам люди поступили так же, поэтому я смогла разглядеть трех здоровых мужчин в странной замызанной одежде землистых цветов. Их лица были закрыты защитой от Пыльников — плавательными очками и банданами. Самый крупный, тот, что стоял по центру, пошел к вышедшему вперед Чедвику и протянул ему руку.

Мы с Бесом остались стоять на месте.

Должно быть, со стороны мы выглядели телохранителями маленького Чеда, ведь он был минимум на две головы ниже нас. Только вот меня не покидало ощущение, что это мне нужен телохранитель. Я здесь одна, а рядом — пятеро мужчин.

Бугай повернул ко мне голову и усмехнулся:

— Вы уже и девчонок вербуете?

Мои пальцы, все это время сжимающие лямки рюкзака, вцепились в них мертвой хваткой. Я была готова сорваться с места в любую секунду.

— Что это с ним? — отвлек меня Чедвик, проигнорировав вопрос главного бугая, вместо этого кивнув на мужчину справа, который стоял напротив меня. Я только сейчас обратила внимание, что он странно дергался всем телом и шумно дышал.

— Да у него температура с самого утра, — ответил главный.

Мы с Бесом бегло переглянулись.

Больше не обсуждая эту тему, Чедвик снял с плеч рюкзак и передал бугаю. Тот, приняв его, сразу же отдал мужчине слева. Не позволив мне самой отдать рюкзак партнерам, Бес одним махом снял его с меня, будто ноша не весила тонну, затем сбросил свой и протянул оба рюкзака бугаю. Едва здоровенные руки коснулись лямок, как больной парень напротив меня закашлял, но звук был настолько странным, что больше походил на рычание и бульканье одновременно.

Почуввав неладное, я сделала шаг назад, и ровно в этот момент темная кровь окрасила светлую ткань банданы на его лице, а сквозь нее вылетели... Матерь божья! Маленькие облачка Пыли!

Все застыли, точно изваяния, наблюдая, как парень медленно стягивает бандану, а затем широко скалится окровавленными зубами и делает рывок в сторону своего главаря и Беса!

Мой громкий визг отразился эхом от обшарпанных стен тоннеля.

Я попятилась и свалилась в воду, споткнувшись о собственные ноги. Выключенный фонарь выпал из рук.

Бес в последнюю секунду закрылся вырванным из рук бугая рюкзаком, и только поэтому зубы Пыльника вцепились в клапан, а не в его плечо. Бугай вытащил пистолет, но не успел им воспользоваться: зараженный напарник уже вгрызся ему в шею. Пистолет упал в воду.

Вместо того чтобы помочь партнеру, Чедвик вырвал мой полупустой рюкзак из рук кричащего бугая и рванул назад, но не успел сделать и двух шагов, как Пыльник прыгнул ему на спину и с утробным рычанием вцепился в шею. Чедвик не по-человечески взревел.

Третий парень с рюкзаком уже бежал вдалеке, свет его фонаря метался в глубине тоннеля.

У меня начался шок, иначе я не могла объяснить, почему вместо того, чтобы бежать сломя голову, я сидела в холодной воде и наблюдала за разворачивающимся безумием. Ощущение времени исказилось: казалось, все произошло за часы, а не за считанные секунды.

Под жадное чавканье Пыльника, который с наслаждением жрал Чедвика, Бес подлетел ко мне и резко схватил за плечо, поднимая на ноги. Он толкал мое ставшее непослушным тело назад, а я повиновалась, словно тряпичная марионетка...

Не разбирая дороги, я просто следовала за Бесом, ныряя в эти бесконечные повороты и оставляя далеко позади звериное рычание, глухие удары, крики и даже выстрелы! Неужели кто-то из них еще был жив?..

Внезапно Бес дернул меня у развилки и остановился сам.

Его фонарик погас.

Уже привыкшие к свету глаза ничего не различали в темноте, даже Беса, который стоял в одном шаге от меня.

— Они бегут за нами, — прошептал он, и ужас разорвал меня в клочья.

По тоннелям эхом разносился плеск нескольких пар ног. Кровожадные вопли с каждой секундой становились громче, пробираясь в мою голову.

У меня затряслись колени.

Рассчитать, за какое время человек превратится в Пыльника, невозможно. Кто-то обращался спустя пять минут, некоторым требовался час и даже больше. Все зависело от конкретного организма, генетики и структуры белка в крови. Если за нами сейчас бежали три Пыльника, единственный шанс на спасение — это притихнуть и надеяться, что они не учуют нас.

Вода, которую мы взбаламутили своим бегом, наконец успокоилась.

Вторя ей, я сделала бесшумный вдох, стараясь хоть немного выровнять дыхание и сердцебиение, чтобы лучше слышать окружающую обстановку.

Темнота вокруг в точности повторяла черноту карты, обнаруженной мной на столе.

Смерть.

Это конец...

Из глаз брызнули слезы.

Рычание становилось ближе.

Сердце скакало галопом.

Я шарила взглядом в той стороне, где должен был стоять Бес, и на одно кошмарное мгновение подумала, что он ушел и оставил меня одну. Эта мысль швырнула меня в паническую атаку, и я резко выбросила руку вперед. Пальцы сжались на знакомой кожаной куртке, холодные зубчики молнии вонзились острыми краями в фаланги, и я зажмурилась. Две мокрые дорожки побежали по щекам.

За спиной раздался рык — один из Пыльников выбежал из тоннеля на развилку, отчего вода взбунтовалась, поднимаясь выше щиколоток тревожными волнами.

Смерть! Она идет! Она близко!

Я почувствовала, как дрожит мой подбородок, а беззвучные слезы катятся по щекам. Рука на куртке Беса стала трястись так сильно, что металлическая собачка еле слышно звяк-

нула. Бес мгновенно схватил меня за запястье, ровно в том месте, где сейчас обжигаяще горела моя проклятая татуировка в виде браслета. Судя по внезапному рыку, голова Пыльника метнулась в нашу сторону.

Это конец...

Конец!

Сейчас он нас сожрет!

Я не дышала.

Воздух заканчивался.

Еще немного, и я бы упала в обморок.

Хватка на запястье стала такой стальной, что у меня онемела кисть.

Я не хочу умирать!.. Не хочу!

Шаги и рычание других Пыльников звучали гулким эхом в тоннелях неподалеку...

Они сожрут нас...

Разорвут наши тела в клочья...

Или ограничатся укусами и тогда... Боже! Тогда мы станем монстрами и будем бродить в тоннелях, пока нас кто-нибудь не пристрелит!

Я медленно стала оседать, и даже не сразу осознала это, пока Бес не подхватил меня и не прижал к себе, не позволяя упасть.

Вот так я встречу свою смерть.

Вот так я... Мысли прервал резкий грохот сзади, за ним последовал булькающий вопль, и Пыльник за моей спиной метнулся в направлении других зараженных.

Он ушел! Он не сожрал нас! Я снова стала медленно оседать, потому что колени подогнулись...

Перехватив меня под мышки, Бес рванул меня вверх, и его дыхание оваяло мое лицо. Дождавшись, когда рычание Пыльников растворится в тоннелях, мы не успели сделать и пары шагов в неизвестном направлении, как услышали, что кто-то бежит с противоположной стороны.

Мы с Бесом синхронно остановились и ждали приближения еще одного Пыльника. И только тогда я наконец вспомнила, что у меня есть нож! Дрожащей рукой я вытащила его из промокшего насквозь кроссовка, обхватила покрепче и выставила перед собой.

Звонкие шаги неизвестного приближались, вздымая воду. Они окружали нас эхом со всех сторон... Я распахнула глаза и, кажется, это было последнее движение, которое я смогла осознанно сделать в ближайшие несколько минут... или часов.

Я даже не успела испугаться, когда этот «кто-то» выскочил из-за поворота и насадился на мой нож.

Лезвие вошло мягко, как в масло.

Горячая кровь полилась на мои пальцы.

В нос проник запах железа и чего-то подозрительно знакомого...

Нет...

Нет!

Лимон и черный перец!

Ужас ударил меня под дых.

Я отшатнулась, но руку с рукоятки не убрала. Теплые пальцы обхватили мои, и внутри меня начал медленно тикать детонатор...

И тогда Бес включил фонарь...

Из меня выбило весь дух.

В голове взорвалась бомба узнавания.

Я закричала, вернее, собиралась. Бес грубо закрыл мой рот, вжимая в свое плечо, и зашипел на ухо: «Заткнись».

Лиам перехватил рукоять ножа и посмотрел на меня. В его взгляде было столько эмоций: злость, неверие, страх, боль. Он открыл рот, будто хотел что-то сказать, но начал заваливаться на стену рядом. Я попыталась подхватить его.

— Нет! — Сдавленное рыдание вырвалось из моего горла, а ужас накрыл с головой, когда он сполз на холодный каменный пол.

— Лиам! — промычала я в мокрую ладонь и дернулась к нему, но Бес сковал меня в кольцо и злым голосом захрипел у виска:

— Только тихо!

Я вырвалась из его цепких лап и бросилась к истекающему кровью Лиаму — любви всей моей жизни! Тихой быть не получалось. Я истерично подвывала, стоя на коленях в воде и поднимая Лиаму в сидячее положение.

— Не вытаскивай, — бросил Бес, когда я вздумала выдернуть нож...

Идиотка!

— Сделай что-нибудь! — заскулила я, не соображая, как мне быть.

Лицо Лиаму в синих отблесках фонаря выглядело таким безжизненным! Он пытался сфокусироваться на моем лице, протянул руку и легко сжал мои пальцы.

— Не бойся, детка, — тихо прохрипел он.

Слезы с новой силой выплеснулись из глаз, и я сжала его руку в ответ.

— Милый! Держись! Тебе помогут! Все будет хорошо!

Я повернулась к Бесу и снова отчаянно повторила:

— Сделай что-нибудь!

Бес неподвижно стоял и сильно сжимал челюсти. На лице застыла маска хладнокровия и полной отстраненности. Он перевел взгляд с Лиаму на меня и жестоко произнес:

— Ему уже не помочь.

— Что ты несешь?!

Лиам захрипел, и я повернулась к нему.

— Я люблю тебя... — вдруг произнес он. — Люблю с первого мгновения...

В углах его рта запузырилась кровь.

— Прекрати!

Прекрати говорить! Прекрати умирать! Прекрати уходить от меня!

Но он не прекращал.

— Прошу тебя, держись!

— Поцелуй... меня...

— Что?

— Поцелуй... — хрипел Лиам из последних сил. Его глаза закатывались, а голова откидывалась набок.

Я взяла его лицо мокрыми руками, по которым стекала кровь. Его кровь. И нежно поцеловала в холодные губы. Я поцеловала еще и еще, не зная, как помочь ему.

— Я люблю тебя! Я так тебя люблю... Пожалуйста, открой глаза, — шептала я. Слезы падали на его губы, и он еле-еле приподнимал веки.

Вдалеке послышался топот.

Так слаженно могли бежать только безопасники.

— Нужно уходить, — раздался сухой голос Беса.

— Я никуда не пойду без него!

— Он уже мертв!

— Нет! Не смей так говорить! — заорала я. Бес подлетел и грубо зажал мне рот рукой. Зубы тотчас рассекли внутреннюю сторону губы, и по языку растекся медный привкус крови.

— Не ори, — в полумраке его глаза угрожающе блеснули. — Забирай нож и пошли.

Я оттолкнула его.

— Отвали! Я его не брошу!

Бес посмотрел на Лиама, и я тоже перевела взгляд на любимого. Тот недвижимо сидел, опустив голову на грудь.

— Лиам! — я подняла его лицо и прижалась ухом к носу.

Дыхания не было.

Тогда я прислонила голову к его груди и не смогла расслышать стук из-за своего бешено колотящегося сердца.

Господи... нет!

В ужасе я снова затрясла Лиама.

— Очнись! Открой глаза! Ты слышишь меня?! Милый, прошу тебя, открой глаза, — всхлипывала я, и меня разорвало на куски, когда он не сделал этого.

Бес приблизился и рывком выдернул нож из живота Лиама. Я завизжала. Он снова грубо закрыл мне рот рукой и вытер нож о нижнюю часть джинсов.

Я убрала его мерзкую руку, когда из живота Лиама с новой силой хлынула кровь, быстро пропитывая одежду.

— Что ты наделал? — в панике воскликнула я, пытаюсь закрыть рану. Лиам даже не вздрогнул. Он сидел, застывший в вечности, а из живота, прорываясь сквозь мои пальцы, бежали потоки крови.

Топот ног становился все ближе.

Через секунду вдалеке раздалась выстрелы. Они сотрясли всю округу — даже потолок завибрировал! Вместе с ними звучали страшные вопли! Человеческие и звериные!

Бес вдруг резко вздернул меня за грудки. Не успела я накинуться на него, как он сдал мой рот рукой с такой силой, что зубы глубже прорвали слизистую. Он потащил меня куда-то. Я пыталась вырваться, но у меня не получалось. Бес уверенно тянул меня за собой, словно я ничего не весила! Я била его по ребрам, в живот, целилась в колени, но он будто заранее угадывал каждое мое движение и блокировал удары еще до того, как я успевала их нанести.

Откуда в нем столько силы?!

Не знаю, сколько он волок меня по нескончаемому тоннелю, пока я отбивалась на ходу.

Наконец впереди показалась стальная дверь.

Удерживая меня одной рукой, Бес открыл ее и буквально вышвырнул мое тело наружу.

Я упала на старую плитку, едва успев подставить руки. Ладонь прострелила короткая вспышка боли — острый край расколотой плитки порезал ее.

Мне было плевать.

Я тут же поднялась и налетела на Беса сзади, пока он закрывал тяжеленную дверь.

Все, чему учил Эран, вылетело из головы. Я бездумно молотила по нему руками и ногами. Орала, как сумасшедшая, и выдирала его жидкие волосы. Он не реагировал и продолжал задвигать металлическую дверь, а потом резко развернулся и влепил мне пощечину такой силы, что я отлетела и упала на задницу.

Я заткнулась и в шоке уставилась на него. Он смотрел сверху вниз. В глазах — ни капли сожаления. Только желваки ходили по его угловатой челюсти, а черные глаза зло изучали мои.

— Пойдешь сама или мне снова тебя тащить?

Я поднялась и с громогласным криком бросилась к двери.

— Понятно.

Бес перехватил меня под ребра и снова жестко отшвырнул.

— У меня нет времени возиться с тобой. Приди в себя! — зарычал он. Рывком поднял меня за раненую руку и поволок.

Мы были непонятно где, луч болтавшегося на его запястье фонаря метался во все стороны, бликуя. Я вырывалась и рычала, как зверь, угодивший в капкан. Твердые пальцы Беса

сжимали мои руки до синяков, а я все орала и вырывалась... Орала и вырывалась... Орала и вырывалась...

— Если не замолчишь, я тебя вырублю!

— Иди к чер...

Бес молниеносно зашел мне за спину и взял в удушающий захват. Я забилась в его руках, царапая сдавливающее горло предплечье, но силы стремительно покидали тело. Шум крови заполнил уши, дверь впереди расплылась.

А затем все погасло.

Глава 17

Я с усилием разлепила веки. Ноги и задница были мокрые, тело страшно ломило, будто меня колотили целой толпой. Вокруг пахло затхлостью и железом. Бегло оглядевшись, я поняла, что лежу на койке в небольшой тюремной камере. Стены из металла, бетонный серый пол, унитаз, умывальник и стул в углу. Справа, сквозь решетку, я увидела Беса, сидящего на койке в соседней камере и сверлящего меня нечитаемым взглядом. Его руки были сцеплены в замок и лежали на согнутых коленях.

От пережитого ужаса все в моей голове смешалось в такой фантазмагорический бред, что я не понимала, что происходит. Но стоило мне начать осознавать реальность, как мне сразу же отчетливо захотелось только одного: сдохнуть.

Лиам мертв. Из-за меня. Потому что я обманывала его. Потому что вынудила его в очередной раз следить за мной.

— Я тебя ненавижу, — прохрипела я, глядя на Беса.

Я себя ненавижу.

— Ладно, — без тени эмоций согласился он и пристально посмотрел на меня.

На глаза выступили предательские слезы, и я перевернулась на другой бок, вздрогнув от боли в теле. В любом случае физически мне было далеко не так хреново, как в душе.

«Лиама больше нет» — эта мысль ударялась внутри черепной коробки, грозя разнести ее в щепки. Я старалась дышать через рот. Через сдавленное горло прорывались рыдания. Я внутренне сжалась, чтобы не умереть от раздирающей боли и не позволить истерике обрушиться на эти решетчатые стены.

Вдох... Как его сделать? Как дышать? Я не понимаю, как заставить чертovsky легкие работать!

— Я не могу, я просто не могу, — неожиданно произнесла я вслух.

— Мне жаль, — донесся голос Беса.

Его отвратительно красивый голос заставил мои горящие легкие сделать обжигающий вдох. Воздух был отравлен. Я точно вдохнула яд, потому что в следующую секунду вскочила с кровати и заорала во всю глотку:

— Мы могли спасти его!

— Не могли.

— Ты бездушный урод! — я подлетела к решетке, схватилась, сжав ее до хруста собственных костей, и уставилась в черные немигающие глаза. — Ты просто стоял и смотрел! Смотрел, как он истекает кровью! Ты позволил ему умереть, эгоистичный ублюдок! — я ударила кулаком по прутьям. — Не сделал ничего! Жалкий трус!

Бес продолжал молча смотреть, не меняя равнодушного выражения лица.

— Скажи что-нибудь! Какого хрена ты молчишь?!

Он даже не моргал.

Я засмеялась. Против воли. Истеричный смех просто вырвался наружу, ведь мне сильно хотелось плакать.

— Я говорила, что это задание было ошибкой! Мы ввязались в него из-за тебя, потому что ты хотел выслужиться перед... боссом!

Я чуть не назвала имя Чико. Последствия этой ошибки настигли бы меня совсем скоро в виде подмешанного в пищу яда. У Чико везде были уши, даже в участке безопасников. И если за свою шкуру я уже не переживала, понимая, что меня ждет дальше, то за Надин готова была держать язык за зубами.

— Ну что, выслужился? Доволен? — зло выплюнула я.

Бес упорно молчал.

Я оттолкнулась от решетки и начала ходить по камере. Спустя несколько минут гнев немного улегся, и я решила узнать, что произошло.

— Как мы здесь оказались?

— Я принес тебя к себе домой и ушел за помощью в ангар. Там никого не нашел. Когда вернулся, безопасники уже были в квартире.

В голосе Беса не звучало никаких эмоций — он сухо излагал факты.

— Как они вышли на тебя?

— Возможно, кто-то сдал.

Я нахмурилась из-за этого предположения.

— Что дальше?

— Я попытался их убить.

— Это против правил.

— К черту правила, — цинично отрезал он.

Я села на койку и уставилась на него. Бес тоже сменил позу, опустив ноги на пол.

— Я успел вырубить одного, но двое других напали с электрошокером.

— Трое на одного. Надо было сразу уходить.

— Надо было.

— Почему не ушел?

— Что ты хочешь услышать? — В тоне Беса впервые послышалась эмоция. Злость.

Я внимательно оглядела бледное лицо, чуть осунувшееся от усталости, и залегшие на острых чертах тени.

— Ты нарушил главное правило, — тихо сказала я, глядя ему четко в черные провалы глаз.

Бес не шелохнулся, молча взирая на меня в ответ через прутья решетки, и я продолжила:

— Ты сам говорил: главное правило — не попадись. А если попался — ты сам по себе.

Гнетущая тишина нарушалась лишь моим тяжелым дыханием. Кажется, у меня поднималась температура.

— Теперь тебя тоже казнят! — с надрывом сказала я, чувствуя, как слезы пекут глаза.

Мой рот задрожал, и я прикусила губы, чтобы не разрыдаться.

Ониксовые глаза не выражали ничего.

— Ты мог уйти!

Слезы все-таки прорвались. Я проглотила гигантский ком, желая опять наброситься на решетку и закричать на него во весь голос.

— Мог бы, — спокойным тоном ответил Бес и отвернулся.

Его отрешенный взгляд был направлен в одну точку; казалось, его мысли блуждали далеко отсюда.

Неподалеку послышались шаркающие шаги.

— Проснулась, — подойдя к моей камере, сказал толстяк в коричневой форме.

Мое горло перехватило. К нему подступила ядовитая кислота.

Я сразу узнала его.

Ублюдок, который насиловал Ру!

Внутри все задрожало от ярости.

Бес почуял неладное и позвал меня предостерегающим тоном:

— Скай.

— Скай, ну как же так, — наигранно запричитал толстяк, — что же ты натворила, глупая девчонка...

Только сейчас я заметила, что он был не один. К нему подошел щуплый парень в такой же форме.

— Грег, отведи убийцу к главному.

Это они про меня?

Мои глаза метались между безопасниками.

Пискнул электронный замок. Щуплый открыл решетку Беса, и тот с упрямой линией плеч прошел вперед и вытянул руки. Пока Грег надевал на него наручники и выводил в коридор, Бес не сопротивлялся, только взглянул на меня непоколебимым взором, без слов приказывая молчать и держать себя в руках.

Ужасающее понимание проникло в кровь, как яд.

Бес собирался взять на себя вину за смерть Лиама...

Я должна была покачать головой, показать, что я против, но я позволила своей трусости взять надо мной верх и согласилась с тем, что Бес будет расплачиваться за мое преступление.

— Ну что, птичка, влюбилась не в того? — с мерзкой ухмылкой спросил толстяк, когда два силуэта растворились в глубине коридора.

Я посмотрела в его противное лицо.

Он практически не изменился. Все то же свинячье рыло с красными пятнами, лысеющая сальная башка и огромное пузо, которое вываливалось из штанов.

Он зашел ко мне. Достал из угла стул и сел недалеко от меня, широко расставив ноги. В руках держал планшет и стилус. Скользящая ухмылка не покидала его слюнявого рта.

— Меня зовут Фрэнк Гилберт, — начал он, положив планшет на колени и сложив руки под обвисшими сиськами. — Расскажи мне, куколка, что вы с любовничком делали в тоннелях?

Я молчала.

— Хорошо, из-за чего твой дружок пырнул Эшвуда?

Я старалась держать лицо, но электрический разряд пронесся по венам при упоминании Лиама. Чтобы не полились слезы, пришлось быстро-быстро моргать.

— Тебя не поделили?

Когда я продолжила молчаливо смотреть, Фрэнк перестал улыбаться.

— Мы знаем, чем вы занимались, — уже серьезно произнес толстяк. — И совсем скоро выйдем на ваших сообщников. Тебя ждет казнь за контрабанду, твоего дружка — за контрабанду и убийство. Если начнешь говорить, могу посодействовать, чтобы ты прошла по делу как свидетель. Скажем, что влюбилась в парня, оказалась не в то время не в том месте.

Я больше не смотрела на Фрэнка, а гипнотизировала стилус, который он крутил между пальцами.

— Ты меня слышишь?

Белый стержень замер в руках.

— Я с тобой разговариваю! — Фрэнк брызнул слюной.

Когда я продолжила его игнорировать, он вскочил со стула. Схватил меня за волосы и рванул голову наверх.

— Отвечай на вопро...

Пора.

Я резко метнулась и выхватила стилус из его опущенной руки. Фрэнк не успел среагировать, когда я со всего размаху воткнула стержень в мягкую плоть его паха.

Планшет упал на пол.

Рука, сжимавшая мои волосы, на долю секунды ослабила хват.

Пока Фрэнк не успел опомниться, я выдернула стилус из его члена и засадила свое оружие второй раз глубже.

Визг.

До того пронзительный, что мои барабанные перепонки полоснуло болью.

Фрэнк заверещал, прикрывая пах руками, и попытался отступить. Но я успела вытащить стилус и на сей раз воткнуть его в мелкий глаз ублоудка. Он заорал с новой силой, отшатнулся и

схватился за лицо. Я быстро приблизилась и ударом ноги в грудь отбросила жирдяя к решетке. Он с глухим стуком ударился головой, теряя ориентацию.

— Это тебе за Ру, — прошептала я.

Было наслаждением наблюдать, как темно-бордовое пятно расплзается на коричневых штанах. Картину портил лишь свинячий визг Фрэнка. Уши немного заложило.

Он продолжал сползать по стене, зажимая пах и глаз, когда в узкий коридор ввалились два безопасника — усатик лет сорока и молодой симпатичный парень.

Вот и все.

Жаль, не встретились с напарником Фрэнка — рыжим мудаком. С радостью бы сделала с ним то же самое.

Мужчины в шоке застыли перед решеткой. Их взгляды выпепили стилус в глазу коллеги, но когда их взгляды опустились ниже... на пах Фрэнка... О! На лицах обоих во всей своей красе расцвел первобытный ужас.

Мужчины такие мужчины. Ничто для них по своей силе не сравнится с их страхом за свои мелкие, жалкие стручки.

— Чего вы встали?! Быстрее! — завизжал Фрэнк и смачно брызнул фонтаном слюны.

Какая мерзость.

Я сделала шаг назад.

Пока усатик пытался попасть ключ-картой в замок, симпатяга наставил на меня пушку. Его глаза были полны паники, а рука с оружием тряслась.

Я улыбнулась ему во весь рот, и он щелкнул предохранителем.

Наконец дверь открылась. Усатик начал выволакивать тушу Фрэнка из камеры, не забыв перед этим поднять с пола пистолет.

— Врача! Позовите врача! — заорал он, усадив Фрэнка у противоположной стены, и кинулся закрывать дверь.

Симпатяга по-прежнему держал меня на мушке, прерывисто дыша. Я же больше не улыбалась, просто стояла и наслаждалась мучениями сукиного сына, стараясь запомнить это потрясающее зрелище до конца жизни.

Когда он потерял сознание, я даже расстроилась.

— Держи ее на прицеле, я за врачом! — приказал усатик и скрылся в коридоре.

Наступила блаженная тишина.

Ни визгов, ни суеты.

— Теперь тебя точно казнят! — озабоченным тоном сказал симпатяга.

— Шикарная новость.

Он посмотрел на меня с жалостью.

«Вот только давай без этого», — подумала я.

— Час назад пришел приказ — разместить тебя в лучших из возможных условий в тюрьме. А ты все испортила.

Что ж, ему удалось меня удивить. С чего такая честь?

Он начал цитировать статью из Свода законов:

— Нападение и нанесение телесных повреждений класса С...

— Да мне плевать! — перебила я. — Этот ублюдок изнасиловал мою подругу!

Произнеся это впервые вслух, внутри меня все обожгло от неистового желания рыдать и рыдать. Даже истекающее кровью тело Фрэнка больше не приносило удовольствия.

Безопасник замер от шока, но спустя несколько мгновений все же собрался и выдал:

— Мистер Гилберт порядочный гражданин!

Я ощутила свежую порцию гнева.

Вот он — очередной болтик в механизме правопорядка: ни черта не знает, не понимает и верит, что в этой гнилой системе есть достойные люди.

Видимо, мой взгляд был до того брезглив, что парень весь покраснел от возмущения. Его рука сильнее сжала пистолет.

Ну вот, сейчас этот дурень пристрелит меня...

Но вместо этого он глубоко вздохнул, снова моргнул, и его взгляд стал осмысленнее.

Послышались шаги.

Трое врачей во главе с усатиком заполнили узкое пространство коридора. Медики кое-как водрузили бесчувственную тушу Фрэнка на носилки и быстро удалились.

Усатик проводил их взглядом, а потом повернулся ко мне и обратился к симпатяге, глядя только на меня.

— Рон, можешь идти.

Симпатяга бросил последний острый взгляд и ушел.

Я наконец-то расслабилась.

Находиться под прицелом — не самое приятное чувство.

— У вас есть дети? — неожиданно для самой себя спросила я.

Что-то в глазах мужчины показалось мне... правильным. Может, я ошиблась? И есть среди безопасников нормальные люди?

Усатик не изменился в лице. Судя по всему, он не собирался отвечать на вопрос, поэтому я почти сразу продолжила:

— Пять лет назад Фрэнк Гилберт вместе с напарником на моих глазах изнасиловал двенадцатилетнюю девочку...

Усатик насупил густые брови.

— Если в этом чертовом месте... — я оглядела пространство вокруг, — ...есть хоть один человек, кто правда хочет защищать граждан Слоуна... Я бы очень хотела, чтобы этим человеком оказались вы. Поэтому, если в вас есть хоть толика доблести, проведите расследование и посадите мразь на электрический стул. — Из моих глаз брызнули слезы. — И постарайтесь сделать это как можно быстрее, чтобы стул еще не остыл после меня. Пусть он будет следующим. Я хочу встретить его на той стороне.

Сказав это, я, не дожидаясь реакции, рухнула на подобие постели, походящей больше на лежанку для приبلудившегося пса, и отвернулась к стене.

От визгов Фрэнка разболелась голова.

Усатик постоял пару минут и, так и не произнеся ни слова, зашагал прочь.

Едва его шаги стихли, я метнулась к унитазу, успев в последнюю секунду исторгнуть то небольшое содержимое желудка, что у меня было. Меня рвало желчью добрых пять минут, и наконец отпустило.

Я поднялась, вымыла руки, кожу на которых неприятно стягивала засохшая кровь — моя, Лиама, а теперь еще и Фрэнка. Красные следы тянулись до самых локтей, и когда я смыла их, увидела огромные фиолетовые синяки от рук Беса. Я сняла грязную толстовку, оставшись в черной футболке, и бросила ее на стул, на котором недавно сидела свинья.

Интересно, мне могут дать другую одежду? Что-то, что не было пропитано кошмаром. И не такое сырое. Джинсы воняли после тоннельной воды.

Я снова легла на койку и закрыла глаза.

Тишина вдруг стала не облегчением, а моим проклятием.

В ушах стоял звук, с которым нож вошел в живот Лиама.

Перед глазами всплыло его умирающее лицо.

Все мое тело задрожало от боли.

К уголкам глаз подступили слезы.

Чтобы успокоиться, я представила, будто лежу на берегу, который видела только в кино. Черный влажный песок еще не остыл после жаркого дня. Прохладная вода омывала мое тело волнами. Мокрые джинсы идеально вписывались в эту картину. Я дышала на четыре счета,

чтобы не впасть в истерику, которая вырывалась из моего гнилого нутра. Тысячи голосов проникали в голову сквозь плеск волн. Я вслушивалась в какофонию их шепотов, а они с упое-нием твердили, что я жалкое ничтожество, которое убило Лиама. «Это была случайность!» — кричала я им. Вода все прибывала, омывая мои лихорадочные размышления. В водовороте кружились мысли, эмоции, воспоминания. Их было не остановить. Отделения в хранилище памяти открывались одно за другим — клик-клак! — и снова захлопывались. Сцены из прошлого представляли передо мной во всех своих живых красках... Первое касание рук... Первый поцелуй... Первое признание в любви... Первая близость... Все вращалось передо мной и было почти осязаемым, стоило лишь протянуть руку и почувствовать тепло его тела.

Его больше нет.

Это конец.

Из горла вырвался крик, который я тут же заглушила руками.

Нельзя, чтобы кто-то услышал.

Я вцепилась зубами в предплечье и билась в конвульсиях, утыкаясь в подушку, пока истерика не перешла в тихие завывания, а позже — в полную отключку.

Глава 18

Сквозь плотную пелену забытья я услышала лязг. Открыла глаза и увидела, как Бес спокойно вошел в соседнюю камеру. На нем была все та же кожаная куртка с наспех затертыми следами крови.

Крови Лиама.

Бес дождался, когда безопасник снимет с него наручники, и повернулся ко мне лицом. Тем временем мужчина в форме закрыл дверь и странно на меня зыркнул. Когда его шаги стихли в коридоре, Бес подошел вплотную к разделяющим нас прутьям и со странной интонацией произнес:

— Хорошо развлекалась?

— Да, было неплохо, — почти шепотом ответила я, потому что горло свербило. Слабость в теле не позволила мне подняться и подойти к нему поближе.

— Он к тебе приставал?

— Нет.

— Вас связывает какая-то история?

— Можно и так сказать.

Он кивнул, развернулся и сел на койку.

За это я Беса уважала. Он не из тех, кто будет лезть в душу. Я продолжала лежать, уставившись в рыжую точку ржавчины на железном пруте, и глотала слюну, смачивая разодранное горло.

Бес снял куртку и лег на спину.

— Тебя не трогали? — спросила я, рассеянно разглядывая его рубленый профиль.

— Нет, просто задавали вопросы.

— Почему меня не вызвали на допрос?

— Может, завтра вызовут.

— Может.

— Почему они думают, что ты убил Лиама? — спросила я после долгой тишины.

— Потому что я так сказал.

— Зачем?

— Так нужно.

— Все будут считать тебя убийцей.

— Пусть считают.

Мы замолчали, думая о своем. Я вернулась к ржавому пятну на решетке, а Бес смотрел в потолок.

— Как тебя зовут? По-настоящему.

— Это неважно.

— Мне важно. Я хочу знать.

— Мое имя — Бес. Им стал, им и умру.

Я представила, как его поджаривают электричеством, и моя душа завывала и заскребла о ребра.

— Тебе не страшно?

— Нет.

— А мне да.

Бес повернул голову и странно посмотрел. Мы не сводили глаз друг с друга несколько минут, застыв в каком-то немом диалоге. Наконец я закрыла глаза и забылась в бредовом сне.

— Скай, подъем!

Я разлепила глаза и увидела, как симпатяга открывает дверь в камеру. Собрал остатки сил, медленно соскребла себя с тонкого матраса. Безопасник прошел внутрь, держась на значительном расстоянии.

— Без глупостей, — он предостерегающе взглянул на меня. — Протяни руки.

Я подняла свои затекшие фиолетовые конечности, и симпатяга туго застегнул наручники.

— Куда вы ее ведете? — с напряжением в голосе поинтересовался Бес, вцепившись в прутья между нашими камерами.

Безопасник оставил его вопрос без ответа.

Я же посмотрела на Беса и постаралась проститься с ним одним взглядом, вложив в него всю благодарность за проведенные вместе полтора года. Он сжал прутья до побелевших костяшек.

После петляния по бесконечным коридорам меня завели в небольшую комнату без окна, где холодный свет лампы освещал металлический стол и два стула. Здесь пахло кислым потом и половыми тряпками. Симпатяга пристегнул мои наручники к столу.

— Сиди здесь.

Как будто у меня был выбор.

Через минут пятнадцать дверь открылась. К этому времени меня уже бил озноб, поэтому я лежала на заляпанном столе.

Я ожидала увидеть кого угодно, только не главу города, чья сильная аура заполнила собой все свободное пространство в этой конуре.

Резко поднявшись, я проводила его удивленным взглядом. Он сел напротив, расправляя бежевый плащ. Ухоженные темные волосы с проседью были аккуратно зачесаны назад, а серые глаза на смуглом лице сканировали меня.

— Здравствуй, Лиа. Меня зовут Кристофер Браун, — вежливо представился он, будто в Слоуне существовал человек, который его не знал.

— Здравствуйте.

— Что ты делала в подземном тоннеле? — сходу начал он.

Ответом ему стало молчание.

— На кого ты работала?

Снова молчание.

— Чедвик Медоуз был твоим координатором?

Я сидела с проглоченным языком.

— Если назовешь имя босса, я смогу помочь тебе.

Лицо Брауна выдавало участие и странную, неподдельную заинтересованность. Не дождавшись моей реакции, он устало вздохнул и скрестил руки перед собой. Мне стало жаль его красивый плащ.

— По законам Слоуна, нелегальное перемещение лекарств считается преступлением против основ конституционного строя и безопасности города, которое карается смертной казнью. Тебе известно об этом?

Я моргнула.

— Нападение и нанесение телесных повреждений класса С сотруднику правопорядка — преступление, которое карается пожизненным заключением.

Я снова моргнула.

Браун слегка наклонился вперед, и в его глазах мелькнула тень задумчивости.

— Я не собираюсь подписывать твой приговор, — сказал он твердо, заставив меня замереть и нахмуриться.

— Предлагаю тебе другой вариант. Вместо казни — поступление в военную академию Армори. Если выдержишь, начнешь с чистого листа.

— Я ничего не расскажу вам, — отрезала я, желая пресечь дальнейшие предложения. Даже если он решит отправить меня на луну, я не выдам Чико. Мне было кого терять.

— Мое предложение не зависит от того, захочешь ли ты делиться информацией.

Он что, серьезно?..

Это какая-то ловушка?..

Очень жестокая ловушка или... сказочная щедрость!

— Почему? — выдавила я, чувствуя, как голос дрожит от подозрения.

Браун замолчал, глядя мимо меня. Его непроницаемое лицо смягчилось на мгновение.

— Я знал твою мать, — сказал он тихо. — Давно. Мы... были близки. Она была особенной женщиной в моей жизни. Я делаю это для нее.

Этот выстрел прямо в голову был настолько неожиданным, что мне показалось, я падаю в невидимую пропасть.

— Я даю тебе шанс, которого она хотела бы для тебя, — добил он.

Я сглотнула, пытаясь осмыслить его слова. Пока страх не успел парализовать меня, я громко произнесла, предварительно собрав всю свою смелость:

— Она повесилась из-за вас?

На секунду я увидела, как его броня слетела. Мой вопрос ударил его наотмашь и пригвоздил к стулу.

— Она умерла в день вашей свадьбы, — не своим голосом сказала я.

Сердце долбило. Легкие сжимало.

— Все так.

— Сколько вы встречались?

— Четыре года.

Четыре. Мать его. Года.

Все пазлы встали на свои места. Вот куда она сбегала по ночам, когда не выходила на работу.

— Вы были вместе и... женились на другой?

— Такова цена власти, — туманно заключил Браун.

Я не дрогнула, потому что внутренне готовилась получить новое ранение, однако в эту же секунду внутри меня все рухнуло.

— И моя мать заплатила эту цену за вас, — грубо отрезала я.

— Ты слишком юна, чтобы понять. В политике личное счастье часто становится жертвой общественного долга.

— Красивые слова о долге не вернут мне маму, — с болью произнесла я. Почувствовав себя уязвленной собственным тоном, я резко закусила нижнюю губу и отвела взгляд в сторону. К горлу подкатил колющий ком, а на глаза навернулись слезы, которые я не хотела демонстрировать.

В груди сдавило так, что стало тяжело дышать, словно кто-то вырвал кусок из моего сердца. Гнев вспыхнул первым — жгучий, яростный. Хотелось кричать, разбить что-нибудь, лишь бы заглушить эту боль.

Как она могла?

Я злилась на нее за слабость! За то, что она оставила нас с Надин прозябать в этом проклятом городе! Из-за какого-то мужчины!

Но за гневом пришло сочувствие...

Может, она любила его так же сильно, как я люблю Лиама, поэтому не видела иного выхода? Но это сочувствие только злило меня еще больше, потому что я не хотела ее прощать. Не сейчас.

— Я согласна на Армори, — спустя долгую паузу выдохнула я. — Всяко лучше казни.

Браун кивнул, явно удовлетворенный моим ответом.

— Мой друг... Отправьте его тоже в академию. Пожалуйста.

— Он ударил мальчишку ножом.

— Это была я.

Густые брови Брауна на долю секунды приподнялись.

— Это была случайность, — просипела я, еле дыша. — Мой друг... Он ни в чем не виноват...

— Только обворовывал фармцентр на протяжении нескольких лет.

Я бросила умоляющий взгляд в холодные серые глаза мужчины, который когда-то любил мою мать. Браун долго всматривался в меня.

— Ты очень похожа на нее.

Не думала, что его слова смогут вновь вскрыть давно зажившую рану. Рубец на сердце обожгло.

Лицо Брауна было спокойным, но я чувствовала, что решение дается ему нелегко. Наконец он встал и запахнул плащ.

— Парень поедет с тобой.

Я с облегчением выдохнула, только сейчас осознав, в каком напряжении ждала ответа.

Браун уже открывал дверь, когда я окликнула его:

— Я могу попрощаться с Надин, моей бабушкой?

Не поворачиваясь, он ответил:

— Да, ее пригласят сюда завтра.

— Спасибо.

Он кивнул и вышел.

К тому моменту, как меня увели из душевой комнаты для допросов, я чувствовала себя разорванной на куски, сплошь состоящих из гнева, боли и смятения. Я знала одно: в Армори мне придется не только выжить, но и найти способ примириться с правдой о матери. Или хотя бы научиться с ней жить.

Глава 19

Через час придет моя Надин.

Я сидела на краю жесткой койки в серой холодной камере, уставившись в пол, пытаюсь заглушить гул мыслей в голове.

Что мне сказать ей? Как смотреть ей в глаза?

Лязг металлической двери заставил меня вздрогнуть. Безопасник, который вчера после визита Брауна дал мне чистый хлопковый костюм и мощный иммуномодулятор, благодаря которому я не подыхала от температуры, а только испытывала легкое недомогание, указал мне на выход.

Я шла по серому коридору словно на каторгу, а не на последнюю встречу с любимой ба.

Зайдя в комнату для свиданий, подняла взгляд — и сердце сжалось. Надин, такая маленькая, скукоженная, сидела за столом, сжимая манжеты бордового кимоно дрожащими руками. Ее лицо, изрезанное морщинами, выглядело усталым, но когда она увидела меня, глубокие заломы кожи разгладились, а глаза будто ожили.

— Лиа... Львенок мой...

Она шагнула ко мне, протягивая руки.

Я замерла. Горло сжалось. Слезы, которые я поклялась себе сдержать, уже жгли глаза.

Безопасник снял с меня наручники и отступил. Дверь за ним закрылась с тяжелым стуком. Надин подходила, а мои ноги словно приросли к полу... Что-то внутри меня кричало, чтобы я не подходила ближе.

— Иди ко мне...

Я покачала головой, но в следующую секунду уже была в ее руках.

И все.

Хрупкая оболочка самообладания вдребезги разлетелась.

— Я все испортила... — всхлипы вырывались сами по себе. — Я подвела тебя... Прости меня, пожалуйста... Я не хотела... Я правда не хотела...

— Тише, тише, — она гладила меня по волосам, но сама дрожала. — Перестань, слышишь? Перестань так говорить.

— Тебе будет стыдно за меня... — выдавила я, уткнувшись в ее плечо. — Все будут знать...

Она резко отстранила меня.

— Стыдно?! — ее голос вдруг взлетел, отразившись от стен. — Слушай меня, — она сжала мои плечи до боли. — Я горжусь тобой. Горжусь, потому что... — запнувшись, Надин отвела взгляд, потом снова посмотрела на меня. — Ты хотя бы боролась. Слышишь? Боролась. А не...

Она осеклась.

Я знала, что она не договорит.

Слезы снова подступили.

— Мне так жаль, — прошептала я, давясь горечью. — Как ты будешь тут одна?

— Я справлюсь, — резко сказала она. — Ты должна думать не об этом. Не смей раскисать, постарайся взять себя в руки. В Армори слабость не прощают. Ты поняла меня?

Я кивнула, не чувствуя, как двигаю головой.

— Мистер Браун дал тебе шанс, используй его с умом.

От пиетета в ее тоне кровь в моих венах буквально вскипела.

— Ты знала? — вырвалось у меня.

Она нахмурилась.

— О чем?

— Ты знала про него? — мой голос надломился. — Про маму?
Она побледнела.
— Лианет...
— Они встречались! — меня уже несло. — Она повесилась в ночь его свадьбы! Потому что он выбрал другую!
Надин отшатнулась, словно я ударила ее.
Рука метнулась к груди.
— Подожди... Подожди...
Я помогла ей сесть на стул и уже готова была звать на помощь, но она схватила меня за рубашку, безмолвно приказывая оставаться на месте, а потом закрыла глаза и тяжело втянула воздух.
Минуты вязко тянулись.
Наконец она открыла глаза.
— Уже ничего не изменить, — как-то отстраненно и тихо проговорила она.
Я дернулась.
— Сейчас важно, что будет с тобой дальше. Тебе нужно продержаться, — продолжила она. — Скарлетт поступит в следующем году. Она поможет. А пока...
— Со мной будет Бес, — прервала я.
— Бес?
— Да. Мы... вместе работали.
— Он тебя не бросит? — пальцы Надин стиснули мои руки.
— Он уже не бросил, — тихо ответила я. — Когда мог.
Она внимательно посмотрела на меня. Потом кивнула.
Я снова прижалась к ней. Надин пахла мятой и цветочным кондиционером для белья — запахом дома, которого я навсегда лишилась.
— Мне страшно, — прошептала я. — Я не справлюсь.
Она обняла меня крепче.
— Справишься, — сказала она. И голос у нее больше не дрожал. — Ты у меня упрямая и бойкая. Это иногда раздражает. Но сейчас — это то, что тебе нужно.
Я всхлипнула. Тогда она отстранилась и заглянула мне в глаза.
— Обещай мне, что не сломаешься и не сдашься.
Я сглотнула.
— Обещаю...
Она кивнула и коснулась моей груди.
— Я буду здесь. Поняла?
Я закивала, уже ничего не видя из-за слез.
— Ба, я люблю тебя...
— А я тебя больше, мой маленький львенок, — выдохнула она.
— Время кончилось! — Голос безопасника ударил в спину, точно хлыст.
Надин напряглась, не желая отпускать меня.
Прижавшись к ее уху, я прошептала:
— В ванной... Третья плитка от шкафчика.
Надин не ответила.
— Ты поняла? Третья плитка от шкафчика.
Я дождалась кивка и вгляделась в любимые светло-карие глаза, цепляясь за широкие рукава кимоно, сжимая их что было сил...
Безопасник нарочито громко прокашлялся.
Надин поднялась и мягко, но настойчиво отцепила мои руки от кимоно. Ее губы дрожали. А потом... потом она медленно стала отходить... Ее фигура становилась все меньше и меньше...

Пока Надин окончательно не скрылась за дверью. Я еле держалась на ногах, чувствуя, как что-то внутри меня разрывается, и в конечном итоге упала на колени и заскулила, словно раненый пес.

— Поднимайся, Скай, — тихо буркнул безопасник. Я покачала головой, но все же медленно соскребла себя с пола.

Я оказалась в камере. Это следующий момент, который я отчетливо помню — без промежуточного состояния, где мне застегнули наручники и заставили шагать по участку... Я будто сразу же телепортировалась в камеру и рухнула на койку с надсадным, животным воплем.

Я рыдала, балансируя на грани беспамятства.

Мой голос срывался в дикий крик...

Я отчаянно пыталась вытолкнуть из себя эту агонию, этот кусок раскаленного железа, застрявший в груди.

А потом вдруг стала метаться по крошечной камере, хватаясь за стены.

Я царапала пальцами металл, оставляя на нем кровавые следы. Как вместить в себя этот невыносимый груз?

Смерть Лиама...

Прощание с Надин...

Со Скарлетт...

С домом...

С самой собой!

В конце концов силы покинули меня.

Я рухнула на четвереньки посреди камеры, упираясь лбом в грязный, пыльный пол. Мой нечеловеческий вой, рвущийся из глубин души, заполнил пространство — теперь в камере витали все мои страхи и боль от пережитых потерь.

Я билась головой о бетон. Снова. И снова. Будто могла выбить все остатки отчаяния, выгнать чувство, что я теряю все, что делало меня живой.

— Лиа, — тихо, почти нежно позвал голос из темноты.

Я вздрогнула, впервые осознав, что в этом аду не одна.

Голос, как спасительный трос, потянул меня из бездны.

— Иди сюда, — прошептал Бес, и я услышала, как фурнитура его куртки звякнула по решетке.

Я подползла. Колени подкашивались, руки дрожали. Бес протянул руки сквозь прутья, и его грубые пальцы поймали мои ладони.

Он потянул меня ближе...

Еще ближе...

Холодный металл впился в грудь. Тонкие руки обхватили меня через решетку, и наши лица оказались так близко, что я ощущала его рваное дыхание на щеках.

Я снова заплакала — уже тише, без крика.

Он молчал, но его прерывистые выдохи, синхронные моим всхлипам, говорили больше любых слов.

Я сползла, не разжимая пальцев.

Легла на холодный пол.

Он все держал мою ладонь.

Чувствуя тепло его руки, я закрыла глаза и незаметно уснула.

Глава 20

Следующим утром мы с Бесом сидели в черном гибридном внедорожнике. В Новом мире практически все передвигались на электрокарах, потому что они издают минимум шума. Однако далеко на таком авто не уедешь: максимум двести миль при идеальных условиях. До Айронхолда было около тысячи миль — даже в лучшем случае не меньше трех суток пути, поэтому передвижение между городами было организовано следующим образом: на безопасных участках зараженных территорий использовали топливный двигатель, а в опасных зонах включали электромотор.

Два безопасника пристегнули цепи наших наручников к полу и сели вперед, принявшись бурно обсуждать недавний побег одного из призывников. Такое случалось нередко. Некоторые люди предпочитали свободную жизнь среди Пыльных тварей, а не военную службу.

Даже смелый Бес, услышав на рассвете информацию, что вместо казни нас ждет академия Армори, первым делом предложил сбежать. На вопрос: «И куда мы пойдем?» — он уверенно заявил, что мы прибудем к какой-нибудь общине. Я наотрез отказалась от этой затеи, помня слухи об общинах людоедов.

Вполуха слушая обсуждения безопасников, я провожала заплывшими глазами знакомые улицы и не могла поверить, что на этом моя история со Слоуном заканчивается. Возможно, я больше никогда не вдохну этот сладковатый воздух с легкой горчинкой, который стал уже частью моего существа.

Пальцы с силой вцепились в кожу кресла, когда мы проезжали мимо зала Эрана. Каждая улица в этом районе была пропитана моими переживаниями, улыбками и слезами. А потом впереди показалась школа... Я плотнее прижалась к окну, разглядывая, как несколько парней с девочками спешили повесить на козырек крыльца желто-оранжевый баннер с надписью «Выпускной 2100», пока не начался дождь. Темно-грифельные тучи заволокли все небо.

Сердце сжалось от мысли, что я не попаду на выпускной бал. Больше не увижу Надин, Дэнни, Эрана, одноклассников, не стану медсестрой... Вся моя жизнь полетела под откос.

Школа осталась позади. Я хотела надеть капюшон толстовки и скрыться в его тени, но цепь наручников не позволила высоко поднять руки. Тогда я застегнула молнию под горло и уткнулась лбом в запотевшее окно. Встретив свое отражение, я шумно выдохнула. Из стекла на меня смотрело опухшее лицо. В глазах снова стояли слезы, но они так и не скатились по щекам. Я обещала Надин, что выдержу, что не сломаюсь. И я выполню обещание, чего бы мне это ни стоило.

На пропускном пункте постовые проверили наши удостоверения личности и вывернули наизнанку три огромные сумки с вещами, которые Надин заботливо собрала мне в дорогу. Не найдя ничего интересного, нас допустили к выезду из города.

С замиранием сердца я следила, как открываются внутренние ворота, чтобы пропустить нас в подобие тамбура. Стоило машине медленно вкатиться в него, как ворота за нами закрылись, и впереди разъехались внешние, гораздо более толстые и мощные металлические створки.

Я сильно сжала потные ладони, впиваясь сломанными ногтями в кожу, готовясь впервые оказаться за периметром и увидеть зараженные территории.

Мой взгляд не отрывался от окна. Я боялась даже моргнуть, чтобы не пропустить нечто важное. Мелкий дождь уже бил по крыше и окнам. Ветер гнал остатки Кровавой Пыли, пока мы бесшумно ехали по пустынной дороге, вокруг которой тянулось лишь пустое, выжженное солнцем и холодами поле.

Спустя примерно полчаса на горизонте показалась граница павшего города.

У меня перехватило дыхание.

Издалека, как зловещий ориентир в мертвом ландшафте, на меня смотрело огромное колесо обозрения, достающее макушкой до самых туч. Впереди его закрывали разрушенные здания, поросшие мхом и плющом. Стоило нам въехать в руины, где когда-то кипела жизнь, как окружающая обстановка превратилась в откровенно давящую: обвалившиеся фасады, разбитые окна и ржавые остовы машин создавали лабиринт из бетона и стали. Машина петляла среди обломков по растрескавшемуся асфальту, сквозь который пробивались густая трава, а иногда кустарники и даже целые деревья. За полвека природа заявила свои права почти на каждый клочок этого места.

— Жуть, да? — сказал тот, что за рулем, нарушая мертвую тишину.

Наши взгляды встретились в зеркале заднего вида.

— Не бойся, в машине безопасно. Мы ездим так каждый месяц, всегда без приключений.

Ничего не ответив, я перевела глаза на провисшие провода между почерневшими электрическими столбами.

— Если зараженные нападут, какие у вас инструкции? — спросил Бес.

— Парень, расслабься, маршрут чистый.

— Так какие инструкции?

— Отстреливаться. Защищать груз. Не останавливаться.

— Груз — это мы? — тихо уточнила я.

— В данном случае да.

— Если в машину прорвутся, мы в наручниках ничего не сможем сделать, — с напряжением произнес Бес.

— Никто в машину не прорвется, — уже раздраженно отрезал водитель.

— Вы не можете быть уверенными наверняка.

— Да успокойся ты! Если что-то произойдет, я сниму наручники, — он хлопнул по нагрудному карману, откуда донесся звон металла.

— Хватит болтать, следи за дорогой! — буркнул второй. — Еще дай им оружие подержать.

— М-да, душная из вас компания, — протянул водитель и посмотрел на меня. — Куколка, может, ты расскажешь что-нибудь интересное?

Я молчала. Он подмигнул мне, но это выглядело издевательством.

— Например, за что покалечила Фрэнка?

Сжав челюсти, я впилась ногтями глубже в ладони. Водитель ухмыльнулся, заметив, как я напряглась.

— Ты красивая, не хмурься, — улыбнулся он. — Тебе не идет.

— Тормози! — крикнул второй безопасник.

Машину дернуло. Мы резко остановились в нескольких футах от столба, перекрывшего дорогу.

— Давай в объезд, — скомандовал второй.

Свернув налево, водитель поехал в направлении колеса обозрения и больше не приставал ко мне с тупыми вопросами.

Чем ближе мы подъезжали, тем огромнее становилось колесо. Мощь конструкции поражала.

Вокруг были и другие аттракционы: карусель с лошадьми, детский паровозик с жутким металлическим зайцем в головном вагоне. Все ржавое и поросшее мхом. Когда я повернулась, чтобы посмотреть налево, встретила взглядом с Бесом. Он тоже с интересом разглядывал парк.

— Как в фильмах ужасов, — шепнула я.

— Если не хуже.

Слева лежал рухнувший цирковой шатер с торчащими спицами и разорванной красно-белой тканью. На покосившемся шпиле улыбалась огромная голова клоуна. Пока мы медленно объезжали обломки, его бешеные глазищи следили за нами. В это время ржавые аттракционы не переставали скулить, прорезая зловещую тишину гулким скрежетом металла.

— Выезжай уже отсюда, тут невозможно находиться, — буркнул второй безопасник.

Я разделяла его чувства. Мурашки бегали по мне волнами.

— Осторожно, слева, — бросил он же минуту спустя.

Я проследила за его взглядом...

Из обломков шатра выскользнул Люминофор, шаркая босыми ногами по красной земле. Серая, мраморная кожа туго обтягивала его костлявую фигуру. Красные вены, пульсирующие люминесцентным светом, оплетали шею, грудь и виски монстра. Он двигался рывками, как сломанная кукла. Я вжалась в спинку сиденья, затаив дыхание. А когда не выдержала и шумно выдохнула через приоткрытый рот, голова зараженного резко повернулась в нашу сторону, шелкнув позвонками.

— Спокойно, — сказал водитель, заметив, как я дернулась. — Он нас не слышит. Тут звукоизоляция.

Люминофор подошел к автомобилю и наклонился к водительскому окну, принявшись медленно водить носом в паре дюймов от защитной решетки. Его пустые красные глазницы были обращены в пустоту. Вытянутые конечности с похрустывающими костяшками легли на машину. Этот звук сменился скрежетом острых когтей по металлу. И в конечном итоге все слилось с воем аттракционов в пробирающую до мозга костей мелодию.

В медленно движущейся машине стояла тишина. Казалось, никто не дышал и не существовал в эту секунду.

Внедорожник резко содрогнулся. Я тихо вскрикнула, осознав, что Люминофор в один скачок запрыгнул на крышу! Он ползал над нами, отчего крыша содрогалась. Когда гладкая серая голова свесилась за моим окном, внутри меня зародилась буря ужаса... Грудь начало прокалывать тонкими иглами. Насквозь.

Медленно повернув голову, я встретила лицом к лицу с кошмарным монстром, который внезапно издал оглушающий вопль и со всей силы ударился лбом о решетку, чуть не разбив свои хрупкие кости.

— Газуй! — заорал безопасник впереди меня.

Автомобиль резко рванул с места, и я не влетела головой в подголовник впереди только благодаря Бесу, который выставил передо мной руки. Люминофор рухнул с крыши, мгновенно поднялся и в два скачка догнал нас. Запрыгнул на задний бампер и с воплем заколотил по решетке заднего окна.

Водитель вильнул вбок, пытаясь сбросить зараженного, но тут же въехал в еще одного Люминофора! Тот появился из ниоткуда и практически разбил своим телом лобовое стекло!

— Твою мать! — заорал безопасник.

Теперь с обеих сторон в машину пытались прорваться две разъяренные твари.

Второй безопасник приоткрыл окно и стал палить по Люминофору из пистолета с глушителем.

— Сука! — он никак не мог попасть в голову, потому что тварь двигалась слишком быстро. Из серой плоти текла густая черно-красная кровь, но ранения не замедляли Люминофора, поскольку монстры были нечувствительны к боли.

Безопасник достал новый магазин, снова направил пистолет в окно, но не успел выстрелить... Люминофор уже выдрал решетку и рванул его руку на себя. Секунда — и монстр вцепился гнилыми зубами в предплечье безопасника, навалившись на него всем весом. В районе локтя громко хрустнуло. Безопасник заорал. Его рука неестественно вывернулась! А Люминофор жадно жрал ее, вырывая целые куски!

Я услышала еще чей-то крик. Мой! Я верещала, как ненормальная!
Зажала рот руками.

Водитель, матерясь, вырулил на более открытую местность и вжал газ. Раненый безопасник заорал громче, когда монстр выдрал предплечье с мясом и упал на землю. В это время второй Люминофор бил головой и руками по задней решетке, пытаясь пробиться в машину.

— Ключи от наручников! — крикнул Бес водителю.

Но тот не среагировал, занятый резкими маневрами между обломками аттракционов. Тогда Бес сам кинулся к нагрудному карману безопасника. Водитель выругался и попытался помешать ему, из-за чего мы с грохотом въехали в ржавые вагонетки. Я успела сгруппироваться, а вот Беса отбросило назад. В его руках блеснула связка ключей.

Выплывая проклятия, водитель быстро сдал назад и поехал дальше, продираясь сквозь руины парка.

— Давай сюда, — скомандовал Бес, хватая меня за руки. Он расстегнул мои наручники и передал ключи. Я пыталась попасть в мелкое отверстие... но пальцы так тряслись, что я то и дело промахивалась. Рев Люминофора у левого уха и крики безопасника у правого оглушали и дезориентировали.

— Дыши, — строго приказал Бес.

Как будто это так просто...

Наконец я открыла браслеты, Бес скинул их на пол и достал из кроссовка нож. *Мой нож.* Он сунул его мне в руку, и в эту же секунду в переднее окно ворвалась рычащая лысая голова. Водитель вытащил пушку и одним точным выстрелом попал в разинутую пасть. Темная кровь брызнула на безопасника в отключке.

Мертвый Люминофор мгновенно обмяк и рухнул.

И тут нас резко потряхнуло...

Я сильно ударилась головой о переднее сиденье. Схватила за пульсирующие виски и пыталась услышать что-то через заложенные уши. Открыла глаза: водитель лежал головой на руле, из рассеченного лба по лицу стекала тонкая струйка крови. Я перевела взгляд на Беса, который в это время стонал, потирая голову.

Вдруг сквозь вату в ушах прорвался громкий лязг.

Люминофор вырвал заднюю решетку, и стекло покрылось мелкой паутиной.

Такой кошмар я даже во снах не испытывала. Мы оказались заперты в металлической коробке, в которую вот-вот прорвутся разъяренные и голодные монстры.

— Бес! — закричала я, жимаясь в спинку переднего сиденья.

Я не успела моргнуть, как он молниеносным движением схватил пистолет водителя, который по счастливой случайности отбросило в наши ноги, и повернулся как раз в тот момент, когда Люминофор одним мощным ударом разбил стекло. Осколки обожгли левую сторону моего лица, и вопль монстра взорвался в считанных дюймах от уха.

Что-то взорвалось. Меня облепило горячими брызгами. А затем все резко стихло.

Я забыла, как дышать.

Нож выскальзывал из потной ладони, я перехватила его поудобнее дрожащими пальцами и медленно подняла голову. Безжизненное тело Люминофора лежало с черной точкой в виске на моем сиденье, а за ним разгорались языки пламени. Я ошарашенно перевела взгляд на Беса. Он сжимал пистолет до побелевших костяшек, на которых рассыпались искры крови. Не медля ни секунды, он оттолкнул тело зараженного и вылез наружу.

— Руку.

Рывок, и вот я уже снаружи. Новый рывок, и мы побежали. Я не задавала вопросов, прибитая шоком. Обернулась через некоторое время — огонь пожирал всю заднюю часть автомобиля.

— Не ранена?

— Н-нет. А ты?

— Тоже нет.

Где-то вдалеке разнесся синхронный яростный рев нескольких монстров. Черт. Люминофоры сигнализируют люминесценцией другим особям, и сейчас все твари поблизости объединятся в стаю, чтобы охотиться на нас.

Мы замерли, не в силах пошевелиться. Я задыхалась, обводя глазами обломки разрушенных зданий и аттракционов. Сердце грозило выскочить из груди, когда я заметила двух Люминофоров. Они неслись в нашу сторону из разных частей города.

— На колесо! — рывкнул Бес и потянул меня в нужную сторону.

Под самые страшные звуки, которые я когда-либо слышала в своей жизни, мы побежали к гигантской конструкции. Через считанные мгновения мы уже стояли у колеса. Я сложила нож и спрятала в карман, после чего Бес посадил меня, чтобы я смогла ухватиться за нижнюю балку. Я действовала на автомате: подтянулась, быстро забралась по скользким перекладинам выше и залезла на проржавевшую крышу кабины. Овернула. Бес уверенно перебирал руками и ногами, следуя за мной.

— Выше! — не поднимая головы, скомандовал он.

Я поползла дальше, обхватив бедрами мокрый металл. Руки то и дело соскальзывали, облупившаяся краска врезалась в кожу, рассекая ее. Добравшись до следующей кабинки, я посмотрела вдаль. Восемь Люминофоров бежали к нам с невероятной скоростью по разбитому асфальту, в трещинах и выбоинах которого лежала Пыль, выглядящая с такого расстояния как лужи крови.

Кажется, я умерла и попала в ад.

Трое зараженных уже накинулись на неподвижные тела безопасников, несмотря на огонь. Машина ходила ходуном, пока они разрывали мужчин на части, а лобовое стекло заливалось брызгами крови.

— Скай, — Бес забрался на крышу кабины, где стояла я, и легко подтолкнул меня. — Давай выше, скорее!

Я удивилась, что вообще смогла сдвинуться с места: тело словно превратилось в ледяную глыбу, которая едва ли способна была передвигать себя самостоятельно. Жить все-таки хотелось, и я поползла выше.

— Внутрь!

Я послушно залезла в желтую кабину. Она сильно качнулась, заставив меня охнуть и схватиться за потрепанные сиденья, чтобы удержать равновесие.

Следом запрыгнул Бес.

— Они близко! — сказала я.

Два рычащих Люминофора уже приближались к колесу. Я сжала поручень.

— Они же не умеют лазать, да?

Бес сел у входа в кабину, проверил магазин и прицелился в ближайшую тварь. Даже при свете дня ее вены светились на сером теле, как жуткие маяки. Первый Люминофор добежал до подножия колеса, остановился и начал вращать головой, будто прислушивался или принюхивался...

Мы застыли.

Пальцы немели от напряжения. Сердце колотилось. Скрип металла резал уши. Он становился все громче... и громче...

Мы с Бесом красноречиво переглянулись.

И в этот момент наверху что-то оборвалось.

Нас повалило вправо. Я вскрикнула. Кабина жалобно заскулила, повиснув набекрень.

Люминофор, как сорвавшийся с цепи пес, зарычал громче и, цепляясь вытянутыми конечностями, полез на колесо.

Бес открыл огонь, попав точно в макушку твари.

Я даже не успела удивиться его навыкам стрельбы, мое внимание тут же переключилось на других зараженных, которые всем скопом ринулись к нам.

Они бежали так быстро, что мне не удавалось отслеживать каждую особь. Бес стрелял точно в цель: одна пуля — один зараженный. Рев из гнилых пастей разносился по всей округе.

Твою мать, они приведут других...

Бес стрелял и стрелял, позволяя монстрам приблизиться максимально близко к аттракциону. Я лишь стояла за спиной и наблюдала, как твари падали, словно шахматные фигуры на доске.

— Патронов хватит?

— Должно. Не отвлекай.

Он снова выстрелил.

Из-за здания вдалеке выбежали еще трое.

Да сколько их здесь?!

Пот катился по влажной спине.

Бес с выверенной точностью сносил головы. Когда он пристрелил последнего, прицелился в тех, кто бежал вдалеке. Выстрел. Промазал. Слишком далеко. В напряженном ожидании мы следили, как три Люминофора несутся к нам. Когда расстояние достаточно сократилось, Бес почти одновременно выпустил три пули. Три мертвых мешка рухнули на землю.

Мы замерли в болтающейся кабине и напряженно вслушивались в тишину. В ту самую, от которой всегда ждешь чего-то ужасного.

— *Нужно уходить. Они могли призвать сородичей,* — показал жестами Бес.

Я кивнула.

Он осторожно перелез на внешнюю опору. Кабина со скрипом качнулась, и наверху опять оборвался какой-то трос. Я сдержала крик, хватаясь за сиденья. Застыла. После медленно шагнула... Конструкция снова задребезжала. Шаг... Еще шаг... Лязг кабины усиливался... Мне ничего не оставалось, кроме как совершить прыжок веры. Оттолкнувшись, я вылетела наружу, зацепилась руками за мокрую перекладину в последний момент и... соскользнула!

Свободное падение продлилось недолго: мой живот врезался в балку. От удара воздух с болью выбило из легких. Я повисла над пропастью, видя перед глазами яркие вспышки. А через пару секунд парк накрыло эхом грохота. Удар кабины был настолько сильным, что металлическая опора подо мной содрогнулась.

Не передать, какой ужас я испытала в тот момент. Сковав все тело, он заставил меня неподвижно висеть на ржавой трубе, будто я какая-то тряпка, а не человек.

Не знаю, сколько бы я так болталась, если бы не Бес, который подобрался ко мне ближе и помог подтянуться на спицу колеса.

Поймав мой рассеянный взгляд, он тихо сказал:

— Если до этого Люминофоры не привели друзей, то теперь нам точно крышка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.